

№ 2

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ
Генеральный директор В. Г. КОЧЕНОВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

К.-Ж. Токаев. Президентская дипломатия.

Глава из новой книги «Свет и Тень» (продолжение) **3**

Поэзия

К. Салыков. На родине Рудаки;

Строки, написанные в Москве. *Стихи* **29**

А. Орехов. «Великий Боже, не покинь народ....». *Стихи* **83**

А. Колесников. До полного накала. *Стихи* **114**

Проза

- В. Дегтярёв.** Супротивцы. Документальный роман
(продолжение) 37
- Б. Канапьянов.** Летний кинотеатр (рассказ),
Светлячки (повесть) 89
-

Критика и литературоведение

- С. Шевченко.** Нелогичный реализм 120
-

Культура. Общество. Личность

- О. Григорьева.** «Была б жива Цветаева...» 122
- Р. Тулебаев.** Очарование скрипкой 144
-

Далёкое — близкое

- Н. Шафер.** Второй филфак.
Фрагмент мемуарной повести «День Брусиловского» 151
-

Искусство

- Б. Хасенова.** Театр сквозь призму живописи 166
-

Параллели и меридианы

- В. и В. Саенко.** На донской земле 168
-

В семейном кругу

- «Детская комната» «Нивы»*
- Поэтический «Родник»** 174
- Д. Джумагельдинова.** Джамиля-апа,
Легенда об озере Шайтанколь 182
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Дарияш Касымовой. На первой странице обложки — «Фрида». Портрет актрисы Инны Зенченко, спектакль «Мастер и Маргарита», на четвёртой — портрет актёра Ивана Анопченко.

Касым-Жомарт ТОКАЕВ

Свет и Тень

Президентская дипломатия

(Продолжение главы. Начало в № 1 за 2008 год)

29 сентября 2006 года в Белом доме состоялась казахстанско-американская встреча на высшем уровне, имеющая, по моему глубокому убеждению, исключительно важное значение для будущего двустороннего сотрудничества. Президента Н. Назарбаева тепло приветствовал Дж. Буш, начавший встречу возгласом: “Мой друг, рад видеть тебя в Вашингтоне!”. Н. Назарбаев ответил: “Передаю привет от Ваших родителей. Они дали мне возможность переночевать на Вашей кровати”. Дж. Бушу такое начало встречи очень понравилось. Предложив сесть высокому гостю в кресло у камина, американский президент начал энергично и громко высказываться по сути двусторонних отношений. Он сказал, что выполнил обещание, данное им во время встречи с нашим президентом 9 мая 2005 года в Москве на праздновании 60-летия Победы, и направил в Астану вице-президента Д. Чэйни. Дж. Буш также подчеркнул, что в Казахстане побывала и госсекретарь К. Райс. Всё это, по его словам, свидетельствует о динамичном сотрудничестве между двумя странами.

Следует отметить, что в жизни американский президент выглядит гораздо привлекательней, нежели по телевидению. Бросается в глаза его искренность и доброжелательность. Он обладает мощной энергетикой, что обуславливает наличие громкого голоса. Дж. Буш говорит с необычным напором, будто выступает на собрании или митинге с участием большого количества людей. При этом с его лица не сходит улыбка, которая постоянно меняет свои оттенки — от радостной до иронично-скептической. В чём американскому президенту не откажешь, так это в убеждённости в правоте собственных слов. Внимательно слушая Дж. Буша и наблюдая за его поведением, я подумал, что он — типичный продукт американских семейных ценностей, так как воспитывался в духе протестантской морали и любви ко всему, что касается великого государства — США. В то же время его не обременяли надуманными запретами, напротив, родители всячески поощряли проявление индивидуализма.

Дж. Буш закончил престижный Йельский университет, что вполне естественно с учётом его, в общем-то, аристократического происхождения. Напомню: прадед 43-го президента США был богатым и образованным человеком, входившим в когорту основателей современной Америки. В университете Дж. Буш не отличался прилежностью и способностями, но тем не менее окончил его с вполне приличными показателями и был принят в тайное общество избранных выпускников. По словам самого президента США, это было время “безответственной юности”. Он сумел избежать полноценной службы в армии, что послужило поводом для обвинений в ходе последней для него президентской кампании, поскольку основной противник, демократ Дж. Керри, был героем антивоетнамской войны.

По окончании университета Дж. Буш решил следовать семейной традиции и занялся нефтяным бизнесом, но, не проявив должного усердия и навыков, переключился на политическую деятельность. В 32 года он уже баллотировался в конгресс, однако потерпел поражение во время предвыборной кампании, что, впрочем, не умерило его влечения к большой политике. В 42 года он стал активным участником президентской кампании своего отца, уверенно взявшего в свои руки бразды правления Америкой после Рональда Рейгана, который впоследствии был назван одним из лучших президентов США за всю историю страны. А в 1994 году Дж. Буш был избран губернатором крупнейшего штата Техас. Через шесть лет он стал президентом, продолжив семейную традицию, заложенную его отцом, 41-м президентом США.

В молодости Дж. Буш сильно увлекался алкоголем, его любимым напитком было виски "Teacher's" ("От учителя"). По интересному стечению обстоятельств жена будущего президента Лора получила педагогическое образование, работала библиотекарем, была учительницей в школе. Именно она сыграла решающую роль в отваживании мужа от пристрастия к алкоголю. Злые языки утверждают, что Дж. Буш дал клятву жене бросить пить после того, как не узнал её во время очередного запоя. Тем не менее общее мнение склоняется к тому, что ему сильно повезло в жизни, ведь он женился на такой умной и харизматичной женщине, как Лора. Действительно, в ходе изнурительных президентских кампаний, государственных визитов, международных встреч и общения с простыми людьми она всегда была на должной высоте и своим присутствием выгодно дополняла своего мужа, президента США.

Дж. Буш был выбран лидером республиканцев-неоконсерваторов прежде всего потому, что всегда отличался своей решительностью при принятии решений. Он не терпит долгого обсуждения проблемных вопросов и требует дать ему варианты их решения, после чего берёт на себя всю ответственность за результат. Лора Буш как-то пошутила, что её мужу достаточно увидеть дерево, чтобы тут же схватиться за топор. Тем не менее в том, что касается интересов зажиточного класса, Дж. Буш и его команда проявляли удивительную рассудительность. Специалисты обратили внимание на следующую закономерность: за время пребывания у власти республиканцев не было принято ни одного закона, ущемлявшего интересы богатых людей.

Президенты начали переговоры с обсуждения практических вопросов. Н. Назарбаев заявил, что имеет намерение высказать просьбу о поддержке США в решении следующих проблем: вступление Казахстана во Всемирную торговую организацию, председательствование нашей страны в ОБСЕ, отмена действия поправки Джексона — Вэника, налагающей ограничения на взаимную торговлю. Наш президент далее сказал, что провёл переговоры с вице-президентом Д. Чэйни, министрами энергетики, сельского хозяйства и торговли, а также с директором ЦРУ, обсудил с ключевыми членами президентской команды наиболее важные проблемы двусторонних отношений. Найден общий язык по всем вопросам, в связи с чем есть все основания надеяться на успешное развитие сотрудничества между двумя странами.

Дж. Бушу такое вступление явно понравилось. Было видно, что он основательно подготовился к переговорам и проинформирован по основным

моментам двусторонних отношений. Он уверенно отреагировал на обращение по ВТО, сказав, что сделает всё возможное для ускоренного вступления Казахстана в эту организацию. Американский президент кивнул в сторону Д. Чэйни и К. Райс, сказав, что поручает своей администрации довести это важное дело до конца.

Интересной была его реакция на вопрос о председательствовании Казахстана в ОБСЕ. Но до рассказа о том, как Дж. Буш ответил на данное обращение, важно отметить, что мы, члены казахской делегации, всячески отговаривали нашего президента высказываться по этой деликатной теме. Но надо знать Нурсултана Абишевича: чем больше доводов мы приводили в свою пользу, тем крепче становилось его желание всё же обсудить данный вопрос с американским коллегой.

Итак, едва услышав аббревиатуру “ОБСЕ”, Дж. Буш, повернувшись в сторону Кондолизы Райс, спросил её: “Конди, а мы ещё члены этой организации?”. Государственный секретарь стала смущённо разглядывать свои туфли и собираться с мыслями. Но, не дожидаясь её реакции, энергичный президент произнёс такую тираду:

— Подумайте, нужно ли Вам председательствование. ОБСЕ — это такая организация, где каждый день кого-то обсуждают, кого-то осуждают или обвиняют. Ничего хорошего она не даст. Будут каждый день рассматривать через лупу, изучать, что Вы сделали или не сделали, сравнивать Казахстан с другими странами. Так что подумайте ещё раз, нужна ли Вам эта организация.

Это была тщательно закамуфлированная форма отрицательного ответа, о чём мы заранее догадывались. Но всё же было важно узнать о позиции США из первых рук. Ведь до начала визита каких только версий, предположений и выводов не приходилось выслушивать. Мол, достаточно Н. Назарбаеву затронуть данную тему, как Дж. Буш, ведомый “здоровыми силами” в своей администрации, сразу же даст согласие на председательствование в ОБСЕ. Кто-то, ссылаясь на “спецканалы” собственной информации, утверждал, что между администрацией и госдепартаментом, дескать, существуют “серьёзные противоречия”, поэтому надо использовать эти разногласия для получения положительного результата. К счастью, всё стало на свои места, наш президент убедился, что если разногласия и существуют, они, тем не менее, остаются втуне и не препятствуют выработке консолидированной позиции США по принципиальным вопросам.

Н. Назарбаев проявил твёрдость, убедительно обосновав нашу точку зрения по данной проблеме. Он подчеркнул, что абсолютное большинство стран-участниц ОБСЕ уже выразило поддержку председательствованию Казахстана в этой организации. Пренебречь этим моментом было бы неправильным в отношении этих государств, у нас нет такого политического и морального права. Поэтому США остаются здесь в явном меньшинстве. Кроме того, нельзя делить государства на высшую и низшую категории, сейчас другие времена, мир изменился. Тем более, Казахстан не заслужил подобного к себе отношения, ведь наша страна внесла существенный вклад в ядерное разоружение, борьбу против международного терроризма, а также в развитие рыночной экономики и продвижение демократии.

Дж. Буш поспешил ответить, что не может быть и речи о высокомерном отношении к Казахстану. Он предложил перевести данную тему в плоскость дальнейшего обсуждения между дипломатическими ведомствами.

Н. Назарбаев не стал обострять дискуссию и дал согласие на такое предложение. К. Райс и я поддержали это решение президентов утвердительными кивками голов, дав понять, что продолжение дискуссии на президентском уровне не имеет смысла.

Далее Н. Назарбаев сказал, что на протяжении по крайней мере восьми лет он ставит вопрос об отмене пресловутой поправки Джексона — Вэника, принятой в годы холодной войны в знак протеста против запрета советского правительства на эмиграцию евреев. “Мы тут причём? — воскликнул Нурсултан Абишевич. — Когда-то Советский Союз запретил евреям выезжать из страны, а суверенный Казахстан должен страдать от этого? Той страны уже давно нет!”. Для пущей убедительности наш президент добавил: “У нас не существует проблем с евреями, они строят синагоги в Казахстане, выезжают и приезжают, хорошо отзываются о нашей стране. Я, — подчеркнул далее Н. Назарбаев, — передал еврейскому обществу США все материалы КГБ о казни в Казахстане лидера любавического движения евреев. Американские евреи нам благодарны за такое решение. И в это время продолжает своё действие дискриминационная поправка Джексона — Вэника”.

Дж. Буш ответил в том плане, что для отмены этого закона необходимо иметь “новый” конгресс. “Надеюсь, в скором времени мы его получим”, — добавил хозяин Белого дома. Но его надеждам не было суждено сбыться, поскольку республиканцы в ходе выборов уступили принадлежавшее им большинство в конгрессе. Спикером нижней палаты стала демократ Нэнси Пелоси, имеющая репутацию жёсткого критика внутренней и внешней политики республиканской администрации. Из этого следует, что такой рудимент холодной войны, как поправка Джексона — Вэника, будет оставаться инородным телом в структуре двустороннего сотрудничества. Своеобразным утешением может служить то, что этот закон действует и в отношении России, которая тоже безуспешно добивается его отмены. А вот украинцам удалось убедить Вашингтон не применять его в торговле с Киевом. Правда, это произошло после “оранжевой революции”, получившей поддержку в США.

Заслуживают внимания высказывания Дж. Буша о ситуации в нашем регионе и о характере двусторонних отношений. Он сделал важное заявление: “Многие думают, что США считают Казахстан своим другом из-за нефти. Это не так. Отношения между нашими странами выходят далеко за пределы нефти”. Далее американский президент сказал: “Я смотрю на карту вашего региона. Казахстан соседствует с такими крупными государствами, как Россия и Китай. На юге от вас ситуация нестабильная, хаотичная. Правительства известных вам стран обижают своих граждан. Афганистан борется за свободу и демократию”.

После такого специфического обзора расстановки геополитических сил в нашем регионе Дж. Буш высказал следующий комплимент: “Вы, господин президент, проводите умную политику. Ваша стратегия правильная, потому что Вы не выбираете между Россией и Китаем, а дружите с обоими государствами. Такая политика даёт нам возможность иметь хорошие, стабильные отношения с Казахстаном, быть вместе с вами в борьбе против экстремизма и терроризма”. Американский президент подчеркнул: США и Казахстан являются партнёрами в “идеологической борьбе”.

Далее Дж. Буш выразил признательность за сотрудничество в разведывательной сфере, добавив, что не будет углубляться в эту тему, так как

“у нас постоянно происходит утечка информации”. При этом он строго и в то же время с оттенком презрительности посмотрел на сидевших рядом членов своей команды. Д. Чэйни покраснел и опустил глаза, К. Райс стала растирать щёку и уставилась куда-то вдаль, руководитель администрации С. Хэдли сделал вид, что поглощён чтением какого-то документа. Скорее всего, Дж. Буш имел в виду череду скандалов с разоблачениями сотрудников администрации, замешанных в разглашении государственных тайн. Руководитель аппарата вице-президента Х. Либби был даже приговорён к 30 месяцам тюремного заключения за передачу сведений средствам массовой информации о супруге американского посла в Нигере, оказавшейся агентом ЦРУ. Правда, Дж. Буш помиловал его, заменив тюремное заключение на условный срок, чем вызвал бурю негодования в стане демократической партии.

В ходе переговоров стало ясно, что республиканскую администрацию сильно волнует ядерная программа Ирана. Американский президент даже обратился с просьбой к Н. Назарбаеву поработать с руководством этой страны: “Скажите иранцам, что военная программа не делает их страну сильней. Напротив, она делает жизнь людей гораздо трудней. Зачем им ядерное оружие? Лучше отказаться от него, как это сделал Казахстан, а взамен получить возможность свободно торговать и делать бизнес”. Американский президент не скрывал разочарования по поводу неудач своей политики на иранском направлении: “Мы пытались им объяснить ошибочность такой политики, но они нас не слушают”. И с надеждой добавил: “Может быть, Вас они послушают”.

Что касается Афганистана, то Белый дом выразил просьбу оказать этой многострадальной стране посильное содействие, особенно в строительстве инфраструктуры. Дж. Буш: “Подумайте, чем можно помочь Афганистану. Возможно, было бы правильным построить в этой стране дороги и школы”. Н. Назарбаев ответил, что такое сотрудничество уже началось и имеет хорошие перспективы. Эту страну посетили наши официальные представители, включая министра иностранных дел. Крайне важно добиться стабилизации обстановки в Афганистане, что способствовало бы привлечению инвестиций, в том числе казахстанских.

Затем Дж. Буш в довольно раскованной манере высказался о политике России, которая, по его мнению, “использует энергетические ресурсы в качестве орудия давления” на некоторые неудобные страны. Он обвинил Кремль в непостоянстве и отсутствии должного уважения к интересам соседних государств. По его словам, “это главная ошибка Путина”. Другая же ошибка российского правительства — постоянный пересмотр ранее заключённых контрактов, в том числе касающихся нефтяной сферы. Дж. Буш подчеркнул, что энергетические ресурсы России на исходе, инвестиции в разведку и обновление оборудования недостаточны, это ведёт к застою всей отрасли.

В ответ на такие резкие высказывания Н. Назарбаев сказал, что при всех возможных ошибках и недостатках Россия остаётся великой державой, с которой необходимо считаться. Имея в руках такой мощный козырь, как энергетические ресурсы, Россия, конечно, пытается его использовать, но обвинять её в применении шантажа было бы некорректным. Эта страна играла и будет играть важную роль в мировых делах, поэтому нельзя загонять её в угол и тем более, третировать. Что касается Казахстана, то

наша политика неизменная: мы за всестороннее сотрудничество с Россией, что соответствует нашим стратегическим интересам.

Другими словами, наш президент проявил принципиальность и верность союзническим обязательствам. Это не могло не понравиться Дж. Бушу, который известен своей прямоотой и честностью. В США хорошо известно его более чем ироничное отношение к Вашингтону, где, как он считает, засели “яйцеголовые”, то есть адвокаты, лоббисты и служащие. Президент как-то публично пошутил, что чувствует себя на ранчо в Техасе гораздо лучше, чем в столице: мол, коровы — более приятные существа, чем вашингтонские чиновники. Он — настоящий техасский ковбой, любящий резать правду-матку в глаза, невзирая на авторитеты. За это ему многое прощается, в том числе грубые просчёты во внешней политике, особенно на Ближнем Востоке. Его соратники по партии считают, что с простоватым, но решительным лидером работать более предпочтительно, чем с витиеватым интеллектуалом.

В том, что касается Ирака, Дж. Буш проявляет удивительное упрямство. Он предупредил конгресс, что будет продолжать военную операцию в этой стране до победного конца и готов использовать право вето, если законодатели посмеют принять резолюцию с требованием прекращения вторжения в Ирак.

Аналитики обратили внимание ещё на одну особенность Дж. Буша: он предпочитает обсуждать не суть региональных проблем, а конкретных государственных деятелей, имеющих отношение к ним. Заходит речь о Ближнем Востоке — американский президент говорит о Нури аль-Малики, достоинствах и недостатках этого человека, об Афганистане — разговор идёт о Х. Карзае, о Европе — объектами суждений становятся А. Меркель, Т. Блэр и Н. Саркози, о России — Дж. Буш пускается в рассуждения о В. Путине.

Высказывания нашего президента о России и других вопросах настолько благоприятно повлияли на настроение Дж. Буша, что он принялся говорить комплименты в его адрес: “Я аплодирую Вам. У Вас новый, оригинальный взгляд на вещи, в том числе на развитие демократии. Вы можете стать казахским Джорджем Вашингтоном, далеко не каждому даётся такой шанс. Потомки с благодарностью скажут о Вас: он не только добился процветания страны, но дал нам свободу”. Поясняя свою мысль, он подчеркнул, что США вовсе не собираются диктовать свою волю, навязывать собственную модель: “Америка не принуждает, она всего лишь советует”.

Н. Назарбаев ответил, что благодарен за сравнение с Джорджем Вашингтоном, это ко многому обязывает. Но надо помнить, что строительство государственности в Казахстане — это трудное дело, сопряжённое с опасными вызовами. Тем не менее многого удалось достичь, прежде всего улучшения жизни людей в условиях либеральной экономики. Страна заявила о себе как региональный лидер, приверженный реформам. Экономика находится на подъёме, в стране работают сотни тысяч иностранных рабочих, которые за счёт заработков кормят свои семьи и пополняют бюджеты собственных государств. Это уже немало.

Внимательно выслушав высказывание Н. Назарбаева, американский президент заметил, что хотел бы продолжить взаимное общение и обмен мнениями за обеденным столом. Но до этого предстоит дать пресс-брифинг журналистам, сильно интересующимся первыми итогами переговоров. Формат, предложенный хозяином Белого дома, оказался весьма

оригинальным. Главе своей администрации он дал такое поручение: “Пригласите этих журналюг, скажите им, что президенты сделают заявления и на этом всё. Я не хочу отвечать на их вопросы. После того как мой друг, президент Назарбаев, закончит своё заявление, дайте им пинка под зад”.

Надо признать, оснований не жаловать журналистов (не только американских) у Дж. Буша более чем достаточно. Он — любимый объект нападок и иронии с их стороны, тем более, сам даёт повод для сатиры в свой адрес. То с дивана во время сна упадёт, то кренделем подавится, то на велосипеде кого-то сожмёт. После завершения пресс-брифинга в Пекине он не смог найти выход со сцены и на виду всей журналистской братии из многих стран пытался открыть декоративную дверь.

Объектом насмешек является его невысокий интеллектуальный уровень. Дж. Буш в душе остался типичным американским парнем из глубинки, имеющим слабое представление о мире за пределами Америки. Его любимая книга — Библия, телевизор он не смотрит. В одно время профессор Кондолиза Райс пыталась бороться с этим недостатком, просвещала президента насчёт политической географии мира и даже посоветовала ему почитать произведения Достоевского, чтобы лучше понимать русскую душу во время переговоров с В. Путиным. Но успехи в запоздалой учёбе оказались более чем скромными, президент США остался американоцентристом. Во время переговоров в Кремле он, разглядывая уникальное убранство этого исторического сооружения, поинтересовался его возрастом. Получив ответ, Дж. Буш с неподдельным удивлением воскликнул: “Неужели старше, чем Америка?”.

Во время ланча Н. Назарбаев достаточно подробно рассказал собеседнику о переговорах с Чэйни в Астане и Вашингтоне. Тем самым он дал понять, что тема двустороннего сотрудничества и партнёрства хорошо проработана с заместителем американского президента. Скромно хранивший молчание Чэйни подтвердил, что Астана — достойный город, который было бы интересно посмотреть самому президенту. К. Райс в знак согласия кивнула головой, преданно заглядывая в глаза хозяину Белого дома. Тот вдруг спросил Н. Назарбаева: “А сколько людей живёт в вашей столице?”. Получив ответ, он поинтересовался населением всего Казахстана. При этом разговор вице-президент и госсекретарь стали смущённо разглядывать меню. Получив ответ и на этот бесхитростный вопрос, Дж. Буш пошутил: “Вы не боитесь китайцев, которые начнут осваивать ваши просторы?”. Н. Назарбаев нашёлся с ответом: “Вот поэтому я здесь, у вас в гостях”. Его партнёру ничего не осталось делать, как разразиться громким смехом.

Этот непринуждённый обмен шутками предопределил интересную тему для обсуждения — Китай. Из последующей беседы мне стало понятно, что этой стране в США уделяется повышенное внимание. Не будет преувеличением сказать, что китайская тематика сейчас находится в центре внешнеполитической стратегии Вашингтона. К такому выводу я пришёл ещё во время предыдущих визитов в США, где встречался с ведущими политиками, конгрессменами и учёными-политологами. Отношение американцев к Китаю настороженное, но уважительное. Отношение же к России — опасливое, но без должного уважения.

Из слов Дж. Буша, а также высказываний Д. Чэйни в ходе его визита в Казахстан и встречи с Н. Назарбаевым в Вашингтоне явствовало, что экономика Китая оценивается в США как более мощная, здоровая и

перспективная по сравнению с российской. Пекин делает упор на современные технологии, грамотно использует финансовые инструменты, регулирует рынок. Через десять лет эта страна может стать второй экономикой мира. Уже сейчас она стала империей потребительских и промышленных товаров. Её влияние распространяется на финансовый рынок США, страдающий зависимостью от КНР.

Дж. Буш с интересом воспринял информацию о казахстанско-китайских отношениях и согласился с мнением, что Китай — это уже глобальный фактор, с которым надо считаться. Он также внимательно выслушал соображения о роли Китая в Шанхайской организации сотрудничества, сказав, что для США очень важно знать, чем занимается данная организация. В присущей только ему манере он сказал: “Я хорошо знаю председателя Ху, он нормальный парень”. Н. Назарбаев отыграл назад: “С этим парнем я встречаюсь через два месяца в Пекине”.

Затем американский президент стал вновь “сползать” к российской тематике. Подчеркнув, что по-прежнему с уважением относится к В. Путину, он сказал следующее: “Проблема России состоит в том, что там нет демократии, этой страной управляет секретная служба, которая разрабатывает мифы об агрессивных планах США. Мол, Америка пытается окружить Россию путём захвата Прибалтики, Грузии, Украины”. По словам Дж. Буша, российский президент порой бывает слишком категоричным, что не идёт на пользу сотрудничеству его страны с Западом. “Кто-то нашептал ему, что неправительственные организации выполняют американские заказы, он тут же бросился их закрывать”, — с досадой говорил руководитель самого крупного государства в мире.

Дж. Буш далее запальчиво сказал, что дорожит хорошими личными отношениями с В. Путиным. Но эти отношения, по его словам, должны подкрепляться взаимным доверием между государствами. “Я всегда был на его стороне в самые трудные моменты, — подчеркнул американский президент. — После трагедии в Беслане я, единственный из западных лидеров, поддержал его, хотя было недовольство и даже протесты, ведь во время захвата театра “Норд-Ост” в Москве использовался газ, повлёкший за собой большие жертвы среди невинных людей. И в Беслане войска действовали топорно”.

Но Н. Назарбаева трудно сбить с толку, он постоянно держит ухо востро во всём, что касается интересов своей страны. Президент ответил в том духе, что Россию следует вовлекать в сообщество великих держав, работать с ней в партнёрском духе, больше доверять этой стране. Тем самым можно сводить на нет имперские настроения, оставшиеся в наследство от Советского Союза. В России умные люди понимают, что дружба с одиозными режимами её не красит. В то же время весьма интересным было его замечание о том, что оружие, нефть и газ сами по себе не являются отличительными чертами великого государства, главное — это структурные преобразования, технологии, искоренение бедности и рост влияния среднего класса. “Я хорошо знаю Россию, поэтому мой совет: почаще разговаривайте с её президентом. Он — надёжный человек”, — подытожил свои высказывания Нурсултан Абишевич.

Наблюдения и замечания Н. Назарбаева пришлись по душе Дж. Бушу, который выразил согласие в такой форме: “Вы правы. Я должен регулярно звонить Путину, молчание — плохой знак. Через пару дней я дам поручение

организовать телефонный разговор с ним". Затем американский президент стал громко чеканить: "Я — друг России. Я желаю ей добра. Но продолжительность жизни в этой стране невысокая, качественного экономического роста нет. Она проигрывает соревнование с Китаем. Это нас тревожит".

Столь откровенная беседа была прервана весёлым эпизодом. Дж. Буш вдруг заговорил о демократии в исламских странах, сказав, что "Салла" всё же смог провести справедливые выборы. Мы не поняли, кого он имеет в виду. Нурсултан Абишевич повернулся ко мне с вопросом в глазах, но я уже спрашивал об этом непосредственно Дж. Буша. Тот ответил: "Президент Йемена, классный парень, Вы знаете его?". Я был вынужден отпарировать: "Мы называем его "Саллех". Американский президент не остался в долгу: "У меня техасское произношение", после чего небольшой обеденный зал заполнился раскатами дружного смеха.

После такого забавного момента сам бог велел перейти к обсуждению исламской проблематики. Так оно и случилось. Инициативу взял на себя наш президент, приведший целую серию убедительных доводов в пользу ислама как религии добра, милосердия и дружбы. Чтобы практичным американцам было более понятным современное значение ислама, Н. Назарбаев отметил, что около 70 процентов запасов нефти и 50 процентов газа находятся в мусульманском мире. Далее президент повторил свою идею о создании некоей коалиции умеренных исламских стран, которые могли бы сыграть ключевую роль в примирении различных конфликтующих религий, конфессий и государств, в том числе между Израилем и Палестиной.

Эта болезненная для США тема нашла благодарный отклик в умах и сердцах наших собеседников. Дж. Буш оценил предложение Н. Назарбаева как "очень хорошее". Касаясь ближневосточного урегулирования, он сказал, что его перспективы напрямую зависят от признания права палестинцев на создание собственного государства. "Нельзя забывать, что я первым из американских президентов ещё в 2002 году заявил об этом. Такое признание далось нелегко", — сказал Дж. Буш, явно намекая на жёсткое сопротивление мощного произраильского лобби. Он подчеркнул, что экстремисты — еврейские и палестинские — не хотят создания независимого государства, но премьер-министр Израиля Ольмерт понимает, что без суверенной Палестины мира в этом регионе никогда не будет.

Президенты обсудили немало других, в том числе конфиденциальных, вопросов, но время пролетело незаметно — настолько переговоры были интересными и насыщенными. А напоследок Дж. Буш преподнёс ещё один сюрприз. Указывая рукой на К. Райс, он с укоризной сказал: "Конди хочет стать президентом". Не ожидавшая такого выпада госсекретарь густо покраснела и растерянно ответила: "У меня нет таких планов, я не хочу быть президентом". Тут хозяин Белого дома, подмигнув Н. Назарбаеву, выдохнул: "Кто их знает?". Наш президент охотно согласился: "Это точно".

По всей видимости, Дж. Буш высказал таким способом своё неприятие широко распространённой в то время версии о том, что на смену ему от республиканцев будет баллотироваться именно К. Райс, которая сможет противостоять демократу Хиллари Клинтон. Однако во время этой пикировки подумалось: взаимная ревность в правящих дворах — это уже не национальное, а глобальное явление.

Так завершился визит Н. Назарбаева в США. Он был насыщен десятками встреч и выступлений — обо всех не расскажешь. Вышеприведённый

обзор переговоров на высшем уровне — это всего лишь фрагмент тяжелой и в то же время тонкой, можно сказать, филигранной работы главы нашего государства. Н. Назарбаев искусно защищает и продвигает интересы Казахстана, что, откровенно говоря, по плечу не каждому президенту.

В порядке “оживляжа” касательно этого визита можно привести ещё один любопытный эпизод.

Глав государств, прибывающих в США с официальными визитами, размещают в государственной резиденции “Блэр Хаус”, в доме, когда-то принадлежавшем американскому аристократу — однофамильцу бывшего премьер-министра Великобритании. Перед прибытием Н. Назарбаева в Вашингтон в этой резиденции проживал президент Пакистана Первез Мушарраф, а затем, буквально на один день, в ней поселился президент Афганистана Хамид Карзай. Что касается афганского руководителя, то, судя по всему, его пребывание в “Блэр Хаус” заранее не планировалось, для него, как верного союзника США, американцы сделали исключение. Поэтому протокольной службе Белого дома пришлось сильно потрудиться, чтобы “развести по сторонам” президентов Афганистана и Казахстана. Размещаясь в резиденции, мы видели следы недавнего пребывания афганских представителей. Правда, американцы делали всё возможное, чтобы ничто не напоминало о предыдущих визитах, но не всё было в их силах. Мы, как вежливые гости, не стали драматизировать сложившуюся ситуацию.

Тем не менее во время встречи с Д. Чэйни, состоявшейся накануне переговоров с президентом Дж. Бушем, Н. Назарбаев не удержался от шутки по этому поводу, сказав: “Перед вылетом в Вашингтон выпался в кровати американского президента, сейчас же приходится вдыхать запахи Мушаррафа и Карзая”. К счастью, американцы любят и ценят оригинальные шутки. Даже серьёзный и порой мрачноватый Чэйни не является исключением. Правда, он не столько смеётся, сколько ухмыляется.

Вообще личность Дика Чэйни притягивает к себе внимание своей неординарностью. Этот человек играет ключевую роль в республиканской администрации, поскольку обладает уникальным опытом работы в правительстве в качестве министра обороны и в сфере бизнеса как руководитель всемирно известной нефтяной компании “Хэллибертон”. Его называют главным идеологом и вдохновителем военной кампании в Афганистане.

Поэтому вовсе не случайно, что во время переговоров вице-президент США акцентированно высказался по афганской проблематике. Мы обратили внимание на его обеспокоенность по поводу ситуации в этой стране. Опытный политик хорошо понимал, что там наступил “момент истины”: или коалиция НАТО всё же сумеет стабилизировать ситуацию, или талибы, воспользовавшись раздробленностью страны и слабостью центрального правительства, перейдут в контрнаступление и похоронят планы восстановления Афганистана. Д. Чэйни был достаточно откровенен в своих высказываниях и обратился к Н. Назарбаеву с настоятельной просьбой оказать материальную и военную помощь этой стране.

В лице Н. Назарбаева вице-президент США нашёл достойного собеседника, владеющего всеми нюансами афганской проблематики. Во-первых, наш президент подчеркнул необходимость эффективного и полного

использования финансовых средств, выделяемых странами-донорами. Тем более, обещанная ими сумма достигла 20 млрд. долларов. Во-вторых, по мнению казахстанского президента, нужно продолжать бороться за Афганистан как важное в географическом и политическом отношении государство, к тому же богатое природными ресурсами. В-третьих, надо что-то делать с наркотрафиком, который пролегает через территории всех среднеазиатских стран. И в-четвёртых, следует учитывать специфику этого государства и менталитет афганцев, нельзя повторять печальный опыт Советского Союза, пытавшегося навязать свою модель.

Что касается возможной помощи Казахстана этой стране, то Н. Назарбаев не стал давать пустых обещаний, сказав, что мы пока не планируем своего участия в военных программах, но готовы оказать содействие в строительстве инфраструктурных и социальных объектов. Простые афганцы должны видеть, что о них заботятся.

Д. Чэйни был удовлетворён таким обменом мнениями по столь болезненной для Вашингтона теме. Он не преминул бросить несколько колкостей в адрес России, чем подтвердил в наших глазах свою репутацию стойкого противника этого государства. В январе 2007 года он перед визитом в Казахстан посетил Литву, где выступил с беспрецедентно жёстким анти-российским заявлением, обвинив Москву в попытках шантажа и запугивания ряда постсоветских стран.

Его высказывания вызвали ответную реакцию со стороны российских политиков. То заявление Чэйни в какой-то мере спровоцировало знаменитое выступление В. Путина в Мюнхене. Прозвучавшие в этом германском городе обвинения в адрес США, которые, по мнению российского президента, исповедуют концепцию однополярного мира, навязывают свой диктат и проводят политику экспансионизма, некоторые политики и журналисты поспешили сравнить со знаменитой “Фултонской речью” Уинстона Черчилля и оценили их как объявление холодной войны Западу.

По всей видимости, Д. Чэйни это помнил. По-другому нельзя объяснить его жёсткую критику российской экономики и политики. Например, он сказал, что по потреблению газа Россия находится на втором месте в мире, хотя её экономика несравненно слабее американской. Это, по мнению вице-президента, говорит о её неэффективности, об отсутствии должного объёма инвестиций в энергетику, что уже привело к износу капитального оборудования и технической отсталости. По словам Чэйни, Россия проводит иррациональную экспортную стратегию, “наживается” за счёт среднеазиатских стран, используя их газ для поставки в Европу по собственным трубам.

Надо сказать, что Н. Назарбаев никогда не изменяет обыкновению разъяснять специфику России как крупного евразийского государства, обладающего огромным потенциалом. Порой нам казалось, что лучшего защитника своих интересов на Западе Кремль при всём желании не мог бы найти. Американцы это ценят, тем более, президент говорит без елей, дельно и оперирует фактами, которые, судя по всему, являются новыми для них.

Ещё одна особенность Дика Чэйни: он всегда высказывается по конкретным, имеющим практическое значение вопросам. И никакой риторики о демократии и соблюдении прав человека. Поначалу это нас сильно удивляло. Н. Назарбаев даже сам предложил поговорить на эту излюбленную

американцами тему. Но вице-президент не поддержал данную инициативу. Изобразив свою фирменную улыбку, он устало махнул рукой, дав понять, что не хочет тратить время на пустопорожние разговоры. Гораздо больше ему понравилась шутка Нурсултана Абишевича о том, что, может быть, не стоило бы тратить сотни миллиардов долларов на войну в Ираке, достаточно было бы пары десятков миллиардов, чтобы “договориться” с багдадскими лидерами и привести к власти новых людей. Как крупный бизнесмен, Чэйни уловил рациональное зерно в этой оригинальной шутке, ответив на неё своей знаменитой “улыбкой Джоконды”.

Внимательно посмотрев на Н. Назарбаева, Д. Чэйни сказал, что он хорошо выглядит, и поинтересовался его предпочтениями в спорте. Наш президент стал перечислять: теннис, волейбол, альпинизм, общая гимнастика, гольф, конная выездка. Взгляд американского вице-президента заострился, он спросил, хватает ли у него времени для чтения. И тут Н. Назарбаев сослался на перечень русских и западных классиков, чьи произведения побывали на его рабочем столе. Д. Чэйни задумчиво сказал: “О таких, как Вы, говорят, что они сделали себя сами”. Наш президент не стал отрицать: “Я родился и вырос в деревне, среди моих родственников не было людей с высшим образованием. Но я всегда тянулся к знаниям, хотел учиться. И делаю это до сих пор. Сейчас, например, учу английский язык”. Одобрительно кивнув, Д. Чэйни ответил: “Ваш английский достаточно хорош”.

Н. Назарбаев и американский вице-президент настолько понравились друг другу, что продолжили общение за пределами Ак-Орды во время вечерней поездки по Астане.

В роли глашатая демократии с американской стороны неизменно выступает государственный секретарь Кондолиза Райс. Надо отдать ей должное — она делает это профессионально, убедительно и, я бы сказал, достаточно изящно. Любопытно её высказывания по этому вопросу во время встречи с Н. Назарбаевым в октябре 2005 года в ходе посещения Астаны накануне президентских выборов.

— Демократические государства разделяют и поддерживают общие принципы. Неотъемлемой частью демократии являются свободные средства массовой информации. Я согласна с тем, что пока пресса в погоне за сенсациями не проявляет должной ответственности. Но важно предоставить возможность людям самим выбирать, насколько средства массовой информации ответственны или безответственны. Очень важно с пониманием относиться к деятельности неправительственных организаций, которые не могут работать по правительственным заказам. Казахстан находится на перекрёстке путей, поэтому крайне важно определиться с вектором дальнейшего движения. Мы надеемся, господин президент, на Ваше стратегическое видение будущего Казахстана. Реформы изменили облик Вашей страны, но темпы преобразований — это большая проблема. Не надо опасаться, что в ходе кардинальных, быстрых реформ что-то выйдет из-под контроля. Когда демократия наберёт обороты, Вам останется лишь наблюдать за её развитием и пожинать её плоды. Президент Буш отличается от всех других американских президентов, за исключением Рональда Рейгана. Он внёс свой личный вклад в дело демократического развития государств. Его кредо: относиться ко всем народам, как к американскому. Даже бывая на Ближнем Востоке и встречаясь с королём Саудовской

Аравии и президентом Египта, он постоянно говорит о демократии. Мы считаем Казахстан своим другом, поэтому говорим с Вами о демократии. Я не идеализирую американскую демократию, она имела взлёты и падения. Например, мой отец не имел избирательного права. Мы не навязываем свою волю, свою модель. Важно создавать условия для демократического развития. Есть разные модели демократии, в различных странах она развивается по-разному. Сама обстановка в Казахстане подскажет Вам, какая модель является наиболее подходящей. Но демократические принципы универсальны. Важный элемент — это оппозиция, обладающая возможностью бросить вызов власти. Каждая страна должна иметь власть, дарованную народом. Успех Казахстана в демократических преобразованиях абсолютно необходим для развития всего центральноазиатского региона. Ваши реформы послужат хорошим примером для всех соседних государств. Поэтому мы рассчитываем на Казахстан. В Америке знают Вас, господин президент, как выдающегося реформатора. Надеемся на сотрудничество с Вами на подлинно демократической основе.

При всей спорности вышеприведённых высказываний К. Райс нельзя отказать ей в убедительности и основательности. Как очевидец многих дипломатических событий, возьму на себя смелость утверждать, что в современной политике очень мало людей, обладающих даром ведения аргументированной полемики. К этому привилегированному меньшинству искусных политиков, несомненно, относится президент Казахстана, который, кстати, весьма убедительно изложил свой подход к вопросу о демократии. Не отвергая всё, что было сказано К. Райс, он, тем не менее, оспорил её тезис о медленных темпах политических реформ в нашей стране: «Вы стараетесь не замечать, что сделал Казахстан за десять лет. А ведь эти десять лет равны вашему столетию. Ещё 100 лет назад в США было неблагополучно с правами женщин, не говоря уже о правах чёрного населения — это уже хрестоматия». Под влиянием этих и других аргументов К. Райс сделала примечательное признание о наличии разных моделей демократии. В прошлом американские политики воздерживались от таких высказываний, утверждая, что демократия — всеобъемлющее и универсальное понятие.

Не могу не отметить, что дипломатия Казахстана на американском направлении по сути дела представляет собой совокупные усилия многих заинтересованных ведомств с обеих сторон. Но внешнеполитическим ведомствам — министерству иностранных дел и государственному департаменту — отводится роль координирующих органов. Поэтому вполне естественно, что в организации встреч и переговоров на высшем уровне, между мной и госсекретарём США Колином Пауэллом, а затем Кондолизой Райс, между руководителями ведомств, а также в развитии межпарламентских связей важное место занимают посольства двух стран. Их усилиями снимаются многие проблемы, в конструктивном духе решаются вопросы двустороннего сотрудничества.

Мне довелось контактировать со всеми американскими послами в Казахстане: У. Кортни, Э. Джонс, Т. Джонсом, Л. Нэппером, Дж. Ордвэем. Все они — профессионалы высокого класса, последовательно выступавшие за сотрудничество с Казахстаном. Порой им было нелегко: ведь двусторонние отношения нельзя рассматривать вне контекста развития внутренней ситуации в нашей стране. Были серьёзные дискуссии в МИД и за

его пределами. И здесь не могу не отметить работу посла К. Саудабаева, приложившего немало усилий для разъяснения в США смысла и задач казахстанских реформ, сыгравшего заметную роль в укреплении сотрудничества между нашими государствами.

В преддверии упомянутого визита президента Н. Назарбаева в США МИД информировал руководство страны о том, что переговоры в Вашингтоне будут иметь “прорывное” значение для развития казахстанско-американских отношений. Мы также сообщили, что президент Казахстана станет единственным из глав государств региона, удостоенным в столице США приёма на самом высоком уровне с соответствующими протокольными почестями и церемониалом. Визит Н. Назарбаева придаст внешнеполитическому курсу Казахстана должную устойчивость и сбалансированность, продемонстрирует наличие большого ресурса нашей дипломатии. В письме, адресованном президенту, отмечалось, что значение казахстанско-американского саммита, несомненно, выйдет далеко за рамки традиционной проблематики двусторонних отношений, поскольку переговоры в Вашингтоне сыграют важную роль в укреплении международной репутации нашего государства, станут подтверждением его лидерских позиций в Центральной Азии.

Думаю, данный прогноз был весьма корректен, в нём не было угоднического “перехлёста”. Наша оценка значения визита Н. Назарбаева в США базировалась на материалах посольства Казахстана, своевременно информировавшего МИД о повестке дня переговоров и представившего добротные материалы по каждому из вопросов. Такое оперативное взаимодействие между “центром” и дипмиссией в значительной степени предопределило успех казахстанско-американского саммита.

Говоря об огромных усилиях главы государства в сфере дипломатии, нельзя обойти вниманием такую важную тему, как взаимоотношения Казахстана с Россией.

С обретением независимости обе страны начали поиск оптимальной и взаимоприемлемой модели политического и экономического сотрудничества. Соглашения, подписанные между союзными республиками, уже не отвечали потребностям нового исторического периода. Поэтому президент Н. Назарбаев ещё в начале 1992 года договорился с Б. Ельциным о подготовке масштабного договора. С этой целью в Казахстане была создана большая межведомственная группа, подготовившая первый вариант его проекта. Затем начались переговоры с аналогичной российской группой.

Были большие трудности в достижении взаимопонимания по целому ряду положений данного документа. Например, российская сторона настаивала на исключении из текста договора пункта о признании территориальной целостности государств. Сейчас, по прошествии шестнадцати лет, такой подход кажется невероятным и даже абсурдным. Ведь кардинально изменились геополитические реалии. Россия сама вынуждена твёрдо отстаивать данный принцип.

Но в начале 90-х годов в полную силу действовал имперский синдром, миллионными тиражами расходилась статья А.Солженицына “Как нам обустроить Россию”, в которой северные области Казахстана назывались “южной Сибирью”. Набирали обороты воззвания В. Жириновского к

“русскому народу ближнего зарубежья”. Данные тенденции во внутренней политике, конечно, сказывались на внешней стратегии России. Б. Ельцин и его окружение опасались обвинений со стороны ультрапатриотов в предательстве национальных интересов России. Поэтому Москва настаивала на “облегчённом” варианте договора.

Понадобились значительные усилия, чтобы убедить россиян в обратном. Конечно же, не обошлось без личного вмешательства Н. Назарбаева, прошедшего не один раунд переговоров с Б. Ельциным, который в конечном счёте всё же не устоял перед убедительными доводами нашего президента. Подписанный 15 мая 1992 года договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи до настоящего времени служит основой двусторонних отношений, поскольку охватывает все основные сферы взаимодействия двух стран. Это фундаментальный документ.

В марте 1994 года Н. Назарбаев совершил первый официальный визит в Россию. Стороны подписали 22 соглашения, в том числе такой важный документ, как договор об углублении экономического сотрудничества. Но особое значение имели соглашения, касающиеся правового статуса российских граждан, проживающих в Казахстане, и казахстанских граждан, проживающих в России, а также договор об аренде космодрома Байконур.

В 1997 году президенты двух стран, с удовлетворением отметив большое значение договора от 1992 года, приняли решение о подготовке нового масштабного документа, определяющего принципы сотрудничества в грядущем столетии. Надо сказать, что к этому времени характер двусторонних связей коренным образом изменился, советские стереотипы мышления уступили место пониманию необходимости строительства отношений нового типа. Другими словами, Казахстан и Россия за пять лет проделали такой большой объём работы в договорно-правовой сфере, что не осталось никаких сомнений в дальнейшем развитии равноправного сотрудничества. Н. Назарбаев поставил свою страну на один уровень с северным соседом — так оценивали иностранные наблюдатели дипломатию казахстанского лидера на российском направлении.

Приступив к работе по подготовке такого документа, мы поначалу нацелились на взятие высокой планки: предложили россиянам подписать договор о союзничестве и партнёрстве. Но Е. Примаков, занимавший в то время пост министра иностранных дел, своевременно предупредил меня, что было бы лучше и легче ограничиться подписанием декларации. По его словам, Государственная дума, где заправляют коммунисты и сочувствующие им, ищет любую возможность, чтобы насолить Ельцину. Часть депутатов уже инициируют процедуру импичмента (увольнения) президента. В этих условиях они обязательно провалят ратификацию договора.

Пришлось согласиться с опытным политиком. Действительно, в то время ситуация в России была нестабильной, Государственная дума практически вышла из-под контроля Кремля, да и высшая палата парламента — Совет Федерации — тоже показывала свой норов: например, отказалась дать согласие на увольнение прокурора Ю. Скуратова, замешанного в неприглядном секс-скандале. Словом, всё складывалось против подписания полноценного документа.

Взвесив “за” и “против”, мы, министры иностранных дел, решили не рисковать большим делом и поработать над подготовкой другого, не менее важного документа, наполнив его таким содержанием, которое

не оставляло бы сомнений в добрых устремлениях сторон. Консультации не прерывались ни на неделю, ни даже на день. Наконец, после того как вырисовался проект документа, я во главе рабочей группы, состоявшей из представителей заинтересованных ведомств, прибыл в Москву для проведения сверхочной работы над текстом декларации. Споры и дискуссии было хоть отбавляй, поскольку сохранились разногласия по целому ряду положений документа. Хотя медленно, но всё же удалось выйти на желанный компромисс.

Подписание декларации с броским заголовком — “О вечной дружбе и союзнчестве, ориентированном в XXI столетие” — внесли в повестку дня очередной встречи в верхах. Но это был не единственный документ, рекомендованный для подписания президентами двух стран. Огромное значение для Казахстана имело соглашение о разграничении дна Каспийского моря в целях недропользования. Этого соглашения с нетерпением ждали все инвесторы и нефтяники, желавшие участвовать в разработке недр Каспия.

Между тем работа по определению юридического статуса моря за буксовала, что немудрено — слишком серьёзны были разногласия прикаспийских стран. Иран настаивал (и до сих пор не изменил своей позиции) на “справедливом” разделе дна моря, то есть по 20 процентов каждому из государств. Обострились противоречия между Азербайджаном и Туркменистаном по поводу месторождения, в советское время носившего название “26 бакинских комиссаров”. И лишь Казахстан и Россия вели поиск компромиссной формулы решения, основанного на принципе международного права. Такой принцип был вполне очевиден: делить дно моря, взяв за основу срединную линию, противостоящую от противоположных берегов. Другого пути не существует до сих пор.

Но одно дело абстрактный принцип, другое — его практическое применение. Тем более когда появились интересы крупнейших нефтедобытчиков. Российская компания “Лукойл” уже приступила к разведочным работам на месторождении “Хвалыньское”, расположенном в секторе дна, по которому проходила срединная линия. Нас интересовало месторождение “Курмангазы”, россияне заявили свои права на “Центральное”. Словом, переговоры были необычными хотя бы потому, что имели стратегическое значение. Шутка ли — делить дно, в котором находятся миллиарды тонн нефти и кубов газа!

Наша исходная позиция была такой: во-первых, статус дна моря, по крайней мере его северной части, нужно определить, этот вопрос уже нельзя держать в подвешенном состоянии; во-вторых, без разумных компромиссов данную проблему не решить. Поэтому во время переговоров мы нашли оригинальную формулу: “модифицированная” срединная линия. На практике это привело к отводу “Хвалыньского” в российскую часть дна моря, но “Курмангазы” отошло под полную юрисдикцию Казахстана. Но компромисс касался не только юридического статуса северной части дна моря, главное состояло в том, что стороны договорились о совместном освоении месторождений, исходя из возможностей и интересов добывающих компаний.

Н. Назарбаев хорошо понимал важность указанных соглашений для Казахстана, поэтому поторапливал МИД с их формализацией. Надо отметить, что президент находил время для детального изучения данных документов. Он задавал много вопросов по их содержанию, подчёркивая необходимость твёрдого отстаивания наших интересов и позиций. Например, он поначалу в резкой форме выразил недоумение по поводу появления

“модифицированной” срединной линии: “Почему соглашаетесь?”. Получив объяснения и вникнув в суть вопроса, он не стал возражать. Тем более, помимо рамочного соглашения, готовился специальный протокол.

Дотошность нашего президента резко контрастировала с подходом Б. Ельцина, который никогда не читал соглашений. Он считал, что этим должны заниматься эксперты, министры, чья обязанность состоит в том, чтобы советовать президенту. Мне довелось быть свидетелем церемонии подписания соглашения о сотрудничестве по транскаспийскому трубопроводу. Занеся большую авторучку “Монблан” над документом, Б. Ельцин вдруг полуобернулся к своим подчинённым и спросил: “А это за Россию?”. Те дружно закивали головами и стали выкрикивать: “За Россию!”. Тогда российский президент, удовлетворённо поджав губы, неспешно поставил свою подпись под этим важным для Казахстана документом.

После завершения работы над проектами двух особых соглашений возникла необходимость определения даты их подписания. Откладывать это дело в долгий ящик не имело смысла: данные акты наполняли новым содержанием казахстанско-российские отношения. Наконец поступило сообщение от посла Т. Мансурова, имевшего тесные личные контакты с чиновниками Кремля, что российская сторона готова принять президента Н. Назарбаева в начале июля. Предпочтительной датой встречи глав государств является 6 июля 1998 года. Трудно сказать, помнили ли россияне о том, что в этот июльский день родился казахстанский президент. Если помнили, то можно предположить, что российское руководство решило преподнести Н. Назарбаеву оригинальный подарок в форме двух очень важных соглашений.

Что касается Нурсултана Абишевича, то он ни на секунду не сомневался, принимая приглашение российской стороны. Хотя, признаться, кое-кто из близкого окружения пытался отговорить его от поездки в Москву: мол, зачем загружать день рождения такими хлопотами за пределами Казахстана. Но президенту невозможно отменить собственное решение, если оно продиктовано национальными интересами. Поэтому своё 58-летие он провёл в трудах, увенчавшихся большим успехом.

Разумеется, Б. Ельцин не забыл поздравить президента Казахстана, пригласив на торжественный обед премьер-министра С. Кириенко, спикеров палат Е. Строева и Г. Селезнёва, министров Е. Примакова, И. Сергеева, Б. Немцова. Глава российского государства произнёс проникновенный тост в честь именинника, назвал его “великим сыном казахского народа”. Нам, сопровождающим лицам, было приятно за своего руководителя. Мы обратили внимание на то, что Б. Ельцину было нелегко сидеть за столом, давали знать о себе сердечные боли, его самочувствие оставляло желать лучшего. Тем не менее он держался молодцом и даже поведал нам, как “выяснял отношения” с председателем Совета Федерации Егором Строевым, которого пригласил на обед в Кремле, где они “уговорили” две большие бутылки традиционного русского напитка и условились дружить и работать вместе. Чтобы не осталось сомнений в искренности своих побуждений, российский президент тут же дал поручение пресс-секретарю С. Ястржембскому организовать большое интервью Е. Строева по центральному телевидению, добавив: “Больше его показывайте”.

Уже осенью 1998 года правительству С. Кириенко под давлением финансового кризиса пало и после долгих дискуссий, интриг и перетягивания каната Б. Ельцину была предложена компромиссная фигура

69-летнего Евгения Примакова. Он создал правительство, напминавшее по своему составу коалиционное. Последствия кризиса новой командой были нейтрализованы, экономика России стала восстанавливаться. Особую актуальность приобрёл вопрос оживления и наращивания казахстанско-российской торговли. Поэтому президент Н. Назарбаев пригласил нового председателя правительства с официальным визитом в Астану.

Е. Примаков прибыл в нашу столицу поздним декабрьским вечером из Дели, где активно продвигал идею создания оси Россия — Индия — Китай. Ещё не осып от переговоров в индийской столице, Примаков стал осваивать новую тему. Неприятно удивило неприглядное поведение некоторых членов его делегации. Один из российских губернаторов был в таком состоянии, что, по-моему, так и не понял, где находится. Весь день он провёл в гостиничном номере, приходя в себя от тяжёлого алкогольного похмелья. Российский премьер-министр пытался оправдать плохое самочувствие своих подчинённых тем, что в Индии они переборщили с “дезинфекцией”.

С наступлением нового века завершилась “эпоха Ельцина”. Но его заслуги в налаживании и развитии сотрудничества с Казахстаном вполне очевидны. Основа взаимоотношений между нашими странами была заложена при первом российском президенте и подтвердила свою неизбежность. Нельзя забывать, что Н. Назарбаев и Б. Ельцин начали работать над вопросами двустороннего сотрудничества буквально с чистого листа. На начало 90-х годов не было ни одного межгосударственного договора, предстояло решать проблемы взаимных долгов, развития торговли, контактов между ведомствами и предприятиями, сотрудничества приграничных областей и, наконец, статуса Байконура. От Б. Ельцина неизменно исходил положительный импульс, он искренне хотел преодолеть все трудности в продвижении двусторонних отношений. Не всегда и не всё удавалось, в том числе по причине нерадивости его команды, прямо сказать, не отличавшейся пунктуальностью и трудолюбием.

Весомую роль в укреплении сотрудничества с Россией в тот ответственный период сыграл посол Т. Мансуров, в течение восьми лет способствовавший достижению полезных договорённостей по многим важным вопросам.

Приход к власти В. Путина означал наступление нового этапа в казахстанско-российских отношениях.

Мне довелось встретиться с ним в начале 2000 года, когда он только обживал Кремль и привыкал к роли президента. Приставка “исполняющий обязанности” к основной должности несколько смущала В. Путина, он был скромным и непритворным. Уже тогда молодой российский руководитель обратил на себя внимание отсутствием “царственной” фундаментальности и невелеречивостью, столь присущей Б. Ельцину. Он говорил тихо, спокойно и как-то вкрадчиво, чем производил впечатление очень вдумчивого человека. Новый хозяин Кремля не чеканил фразы, как это делал его предшественник, а говорил обычными словами, без переговорного пафоса, будто сидел где-то у себя на даче. Такая манера поведения стала новым явлением в мировой политике, к российскому президенту начали приглядываться и приспосабливаться.

За короткие восемь лет президентства В. Путин преодолел большой путь от безвестности до мировой славы. Его политическая карьера — самая стремительная в новейшей истории России: приехал в Москву в 1996 году, а через три года был объявлен преемником Б. Ельцина и вошёл в президентский кабинет в Кремле.

Биографы российского президента утверждают, что его личность и политические взгляды сформировались под влиянием родителей, которые были простыми русскими людьми, а также во время службы в органах госбезопасности. Занятия спортом (дзюдо) физически укрепили В. Путина, придали ему дополнительную уверенность в себе. Работа же в КГБ приучила быть осторожным в поведении и скрытным при принятии важных решений, особенно кадровых. В. Путин — твёрдый сторонник укрепления российской государственности.

Именно в годы путинского правления российское государство встало с колен и заявило о себе как держава, имеющая естественные интересы во многих частях земного шара, даже на Северном полюсе. В. Путин произвёл фурор своей мюнхенской речью, заявив о решительном неприятии гегемонии и диктата одного государства в международных отношениях.

Его знаменитые выражения — “мочить в сортирах” (о чеченских бандах), “мозги им надо поменять, а не нам конституцию” (по поводу заявления британского министра иностранных дел), “в Португалии тепло, но Кондопога для нас важнее” (в адрес местного губернатора, уехавшего отдыхать после массовой драки на межнациональной почве), “уши им от мёртвого осла” (в связи с территориальными претензиями Латвии), “ни шиша не сделали, ковыряетесь в носу, непонятно, чего там выковыриваете” (по поводу бездействия правительства) — стали своеобразным стилевым символом путинского правления.

Россия значительно усилилась в военном отношении, приступила к модернизации экономики и укреплению научно-технического потенциала. В этом, несомненно, большая заслуга её президента, который ещё на заре своей политической деятельности проявил волю и порядочность, кругозор и трудолюбие.

После поражения своего учителя и покровителя Анатолия Собчака на губернаторских выборах В. Путин резко порвал с новой командой, таким образом проявив верность своему прежнему руководителю. Через некоторое время он спас бывшего мэра Санкт-Петербурга от преследований генеральной прокуратуры, руководителем которой Ю. Скуратов впоследствии был уличён в аморальном поведении. Коллеги В. Путина отмечают, что “если он дружит с человеком, это большое счастье, если кого-то ненавидит, это большая беда”.

По-видимому, эти качества предопределили выбор Б. Ельцина в пользу В. Путина, который, придя к власти, сделал всё возможное, чтобы обеспечить комфортную старость своему благодетелю и его семье, обезопасить их от преследований возможных недоброжелателей. Он тут же подписал указ о гарантиях безопасности и привилегиях первого президента России и наградил его орденом “За заслуги перед отечеством” I степени. Б. Ельцин был доволен таким отношением преемника к себе и на приёме в Кремле в честь глав государств СНГ поблагодарил его: “Я понимаю, Вам нелегко принимать такие решения”. Позднее пути-дороги первого и второго президентов России стали постепенно расходиться, на смену ельцинским кадрам пришли путинские назначения, появились новые нюансы во внутренней и внешней политике.

Что касается Казахстана, то приход к власти энергичного В. Путина представил новые возможности для укрепления многогранного сотрудничества с Россией. В двусторонних отношениях наступил этап активных личных контактов президентов и достижения новых договорённостей. В этом плане следовало бы выделить 2000 год, в течение которого состоялась

взаимная “притирка” Н. Назарбаева и В. Путина. Не будет преувеличением сказать, что в то время российский президент нуждался в советах и содействии гораздо более опытного Н. Назарбаева и не обманулся в своих надеждах. Наш же президент был заинтересован в продолжении диалога на высшем уровне для обеспечения успешного развития сотрудничества между двумя странами. И, конечно же, он был тоже заинтересован в установлении доверительных личных отношений с новым российским президентом.

Поэтому вполне закономерным выглядит обмен визитами на высшем уровне в 2000 году. В Кремле состоялись переговоры, нацеленные на закрепление имевшихся договорённостей и дальнейшее развитие сотрудничества в политической и экономической областях. Можно с уверенностью сказать, что было найдено взаимопонимание по всем вопросам и установлены доверительные личные контакты. Н. Назарбаев обнаружил в В. Путине надёжного партнёра, твёрдо стоящего на своём слове. Лидеры договорились проводить регулярные встречи и, надо сказать, своё слово сдержали. Только в 2006 году президенты провели 12 встреч и переговоров, что положительно сказалось на характере двусторонних отношений: объём торговли превысил 10 млрд. долларов, в результате чего Россия стала вторым торговым партнёром Казахстана после Европейского Союза.

Тесное казахстанско-российское сотрудничество зиждется на близких и доверительных взаимоотношениях двух президентов.

Важное значение имел визит российского президента в Астану в октябре 2000 года. В. Путин впервые посетил нашу столицу в качестве главы государства. Помимо двусторонних соглашений, была достигнута договорённость о наращивании взаимодействия в интеграционной сфере. Именно тогда главы государств Таможенного союза приняли решение о создании на его основе Евразийского экономического сообщества. Считаю, что это было историческое событие, положившее начало интеграции нового уровня и качества. Идея Н. Назарбаева о создании Евразийского союза, впервые обнародованная им в середине 90-х годов в Москве, обрела конкретные очертания.

Сама жизнь подтвердила актуальность и практическое значение данной инициативы, хотя на первых порах она воспринималась в России и

других государствах СНГ как нереализуемая, “утопическая”. Идея Н. Назарбаева была основана на естественном желании людей, некогда проживавших на территории большого государства, беспрепятственно общаться друг с другом и торговать, иметь возможность направлять своих детей в лучшие вузы стран СНГ. Разумеется, воплощение этой перспективной инициативы было бы невозможно без положительного отношения к ней высшего руководства России, и роль В. Путина в создании ЕврАзЭС трудно переоценить.

Весьма разумную позицию В. Путин занял по так называемому “русскому вопросу”. Принимая меня в Кремле в 2000 году, он тихо и спокойно высказал свою точку зрения: “Люди уезжают потому, что не видят будущего для своих детей. Евреи уезжали из Советского Союза не потому, что здесь было плохо, а ради своих детей, которые обретали возможность получить образование за рубежом, устроиться на работу”.

Российский президент вызвал к себе искренние симпатии со стороны постсоветских лидеров своей простотой, вдумчивостью и обязательностью. Он, конечно, разительно отличается от Б. Ельцина и комплекцией, и манерой поведения, и образом мыслей. Без преувеличения, это две противоположности. Выбирая преемника, Б. Ельцин, по-видимому, поставил перед собой задачу найти человека не только лояльного, но полностью не похожего на себя. В. Путин отличается от первого российского президента даже своей непунктуальностью. Если Б. Ельцин никогда не опаздывал на официальные мероприятия, то его преемник, как правило, “задерживается” как минимум на 20 минут.

В книге “От первого лица”, посвященной В. Путину, его жена Людмила Александровна рассказала, что он опаздывал даже на первые свидания с ней. Вначале главы государств, не знавшие об оригинальной привычке российского президента, сильно ей удивлялись, но затем привыкли. В. Путин заставил ждать себя даже короля Испании Хуана Карлоса I, что же говорить о коллегах из стран СНГ — подождут. “Позднее зажигание” В. Путина, тем не менее, никак не сказывается на качестве его работы будь то внутри страны или в области внешней политики. Он активен, оперативен, тверд и дипломатичен. Все эти качества определили ему место в ряду видных руководителей современного мира.

Правда, неприятно поразило, что некоторые руководители постсоветских государств стали спешить с похвальными речами в адрес В. Путина. Мне довелось быть участником ряда саммитов СНГ, где президенты соседних стран стали превозносить достоинства второго российского президента, который, мол, придал совершенно новый импульс и качество сотрудничеству и интеграции. При этом постоянным рефреном звучала мысль, что первый президент России был совершенно плох в работе. Но ведь значительная часть аудитории, состоявшая из руководителей правительств и министерств, хорошо помнила изысканные комплименты, которые в своё время те же президенты высказывали в адрес Б. Ельцина.

На этом фоне выгодно отличалось поведение Н. Назарбаева, который, конечно, воздавал должное главе российского государства, но к месту и по делу не забывал упомянуть и Б. Ельцина, стоявшего у истоков современной России. По-моему, такой подход к данному деликатному вопросу импонирует В. Путину гораздо больше, нежели сладкоголосые других коллег по СНГ. Тем более он сам не забывал своего предшественника, особенно во время первого президентского срока.

По предложению В. Путина своё 75-летие Б. Ельцин отметил в Кремле, что само по себе явилось знаковым событием. Этот момент подчеркнул

в своём выступлении Нурсултан Абишевич, сказавший, что в России благодаря В. Путину закладывается новая политическая традиция: уважать и чествовать ушедших на покой глав государств. Ведь вся российская, а затем — советская история была пропитана ненавистью к ушедшим руководителям, будь то к царям, генеральным секретарям или президентам. Именно Б. Ельцин оказался первым главой государства, достойно ушедшим со своего поста и получившим признание и уважение со стороны новой власти. Речь Н. Назарбаева была воспринята на “ура” участниками торжественного банкета — об этом мне говорили приглашённые гости, например, бывший министр иностранных дел России А. Козырев.

В ходе одного из визитов в Астану В. Путин включил в свою делегацию ректора МГУ В. Садовниченко, который подписал соглашение об открытии филиала всемирно известного учебного заведения при Евразийском университете им. Л. Гумилёва. Это было важное решение, давшее возможность нашей молодёжи обучаться по передовым образовательным стандартам. В. Путин был доволен достигнутой договорённостью, сказав, что она сблизит наши страны в гуманитарной сфере. Эту мысль ректор МГУ развил: “Половина казахского правительства обучалась в Москве”.

В общей сложности В. Путин совершил более 20 визитов в Казахстан, что наглядно свидетельствует о дружественном характере двусторонних отношений и доверительности личных контактов глав государств. Во время очередного приезда в Астану российский президент пошутил: “Я скоро поселюсь у вас”. Как бы то ни было, взаимные визиты нужны для оперативного решения текущих проблем и достижения договорённостей на перспективу. Н. Назарбаеву и В. Путину это хорошо удаётся.

Мне довелось быть свидетелем обсуждения в Кремле “газовых” вопросов. Опираясь фактами и цифрами, Н. Назарбаев без обиняков спросил у российского президента: “Мы поставляем газ по одной цене, затем он проходит по территории России и попадает в Европу по совершенно другой цене. Интересно знать, куда девается ценовая разница? Если в бюджет российского государства — это одно дело, но если она расходуется по чьим-то карманам, то это совершенно другое дело. Давайте выясним”.

К чести В. Путина, он воспринял такой вопрос совершенно спокойно и сказал, что непременно докопается до истины, так как это принципиальный момент. Поручение российского президента действительно поступило и в правительство, и в компанию “Газпром”. После завершения официальной части переговоров президенты организовали “очную ставку” министров и руководителей ведомств обеих сторон, чтобы они в присутствии глав государств смогли бы договориться по всем спорным вопросам в области энергетики, торговли, транспорта, космоса. Это была очень важная и результативная встреча, так как проходила под бдительным оком двух президентов.

Что касается газа, то в конечном счёте были подписаны соглашения о его поставках на Оренбургское перерабатывающее предприятие по рыночной цене и строительстве второй очереди завода. Данная договорённость удовлетворяла интересы, в том числе ценовые, обеих сторон и, кроме того, избавляла нас от необходимости строительства аналогичного завода на территории Казахстана.

Российский президент по-настоящему вдумчив, никогда не спешит с выводами. Как-то в Кремле зашёл разговор о А. Лукашенко, подвергшемся жёсткой критике Запада после президентских выборов, где он, естественно,

одержал оглушительную победу. Задумчиво поглядывая в высоченный потолок, В. Путин сказал: “А что такого ужасного он сделал? Никого не убил, действовал по закону. Он же не виноват, что за него голосуют”. Н. Назарбаев решил перевести разговор на другую волну: “Он куда-то пропал, неделю не появляется”. Российский лидер вопросительно посмотрел на помощника, тот отчеканил: “Выясняем. Подключили все службы”.

В 2001 году В. Путин с подсказки своих экспертов предложил Н. Назарбаеву организовать “совместную охрану” внешних границ ЕврАзЭС. Эта идея была воспринята нашим президентом с изрядной долей скептицизма: “Что скажут нам узбеки, увидев на границе с Казахстаном российских пограничников?”. Хозяин Кремля не стал настаивать на своём предложении. Более того, по пути в аэропорт он сказал мне, что, пожалуй, поспешил с данной инициативой, которая оказалась “сырой”.

Стилю работы В.Путина как главы государства присуща защита интересов крупных российских компаний. “Газпром”, “Лукойл”, “Роснефть”, ведущие банки и другие компании — все они в значительной степени обязаны своими успехами за рубежом протекции со стороны главы российского государства. В духе известного изречения русского императора Александра I “Идите и побеждайте!” В. Путин настраивает отечественных предпринимателей на освоение рынков постсоветских стран. Кроме того, он взял на вооружение американскую практику, которая хорошо известна и нам: не раз были свидетелями прямого лоббирования высшими должностными лицами США вопросов деятельности американских компаний в Казахстане.

И таких примеров немало. Практика лоббирования национальных компаний считается нормальной и законной, поскольку касается стратегических интересов США. Данное явление было названо “экономической дипломатией”, приобретшей особую важность в условиях обострившейся конкуренции за мировые рынки.

Н. Назарбаев тоже ведёт переговоры с зарубежными коллегами под углом зрения защиты и продвижения экономических интересов Казахстана. Он вникает во все детали соответствующих проектов, чем производит сильное впечатление на партнёров, удивляющихся компетенции казахского лидера. В зарубежных поездках президента часто сопровождают ведущие предприниматели нашей страны. Так было, например, во время его государственного визита в Узбекистан в марте 2006 года. Казахские бизнесмены провели встречи с президентами государственных акционерных компаний и, как следовало ожидать, не смогли найти с ними общий язык. Во время визита в Россию Н. Назарбаев принял участие в церемонии открытия лучшей московской гостиницы, построенной на средства казахстанских предпринимателей. Всё это говорит о его прагматизме в вопросах, касающихся экономических интересов нашей страны.

“Экономическая дипломатия” президента заставляет правительственные ведомства, в том числе МИД, рассматривать задачу обеспечения доступа казахстанских компаний на зарубежные рынки в качестве приоритетной.

В этой связи особое значение приобретает главенствующая и координирующая роль МИД. К сожалению, несмотря на поручения и даже распоряжения главы государства, не все ведомства понимали важность совместных усилий на этом направлении: сказывалась инерция советского

прошлого. Тем не менее из года в год положение улучшалось, внешнеполитическое министерство стало вступать в свои права. Президент решительно поддержал МИД, выступив на расширенном заседании коллегии министерства в июне 2005 года. Логическим завершением этого серьёзного процесса стало решение правительства о координирующей роли МИД, инициированное министром М. Тажиным в 2007 году.

Возвращаясь к казахстанско-российским отношениям, хотел бы отметить результативную работу специалистов над таким важным документом, как протокол к соглашению о разграничении дна северной части Каспийского моря. Данный документ предметно и конкретно решил вопрос национальной юрисдикции двух стран в отношении минеральных ресурсов этого уникального водоёма. Над подготовкой протокола работали эксперты дипломатических ведомств с привлечением представителей других министерств. С нашей стороны консультации вёл первый заместитель министра иностранных дел Н. Абыкаев. Работа была сложная и интересная, хотя не без противоречий и разногласий сторон и острой полемики между ними. Вновь, как и в 1998 году, в полный рост встал вопрос о принадлежности месторождений “Курмангазы” и “Хвалынское”. Настаивая на своей методике проведения срединной линии, россияне требовали провести её по “телу” месторождения “Курмангазы”, что было неприемлемо для нас. Вопрос перенесли на уровень премьер-министров, затем — глав государств.

Наша делегация зачастила в “Белый дом”, где располагается российское правительство. В те годы его возглавлял Михаил Касьянов, сделавший быструю карьеру при покровительстве тогдашнего президента Б. Ельцина. Порой мы встречались с российским премьером дважды в день, что дало мне повод пошутить: “Ходим сюда, как к себе на работу”. Действительно, мы так свыклись с обстановкой правительственной резиденции, что ощущали себя там вполне комфортно.

Однажды М. Касьянов пригласил меня позавтракать с ним. Он оказался отменным едоком: сумел справиться с огромным омлетом с грибами, двумя котлетами, немислимым количеством жареных сосисок и большой кружкой чёрного кофе. Подумалось: “Хорошее здоровье у этого парня”.

М. Касьянов действительно внешне привлекателен, обладает полувойенной выправкой, приобретённой в годы службы в роте почётного караула Кремля. Но бывший российский премьер отличался не только этими качествами, но и сильной экономической подготовкой и общей сметливостью. Он быстро вошёл в суть каспийской проблематики и через пару-тройку раундов переговоров с нами смог дельно докладывать своему президенту ситуацию с рассмотрением данного вопроса.

Уже тогда мы обратили внимание на специфические взаимоотношения президента и председателя правительства. То, что они не были единомышленниками, бросалось в глаза. В. Путин и М. Касьянов — люди разных взглядов на настоящее и будущее страны. Они разные по своему жизненному пути и даже по физической комплекции. Президент является твёрдым сторонником централизации и вертикализации, другими словами, укрепления государственной власти. Он вышел из недр одной из самых могущественных спецслужб мира, поэтому его менталитет и отношение ко многим проблемам внутренней и внешней политики обусловлено долгим пребыванием в военном коллективе. Как человек, занимающийся спортом, В. Путин поджар и быстр в движениях.

Что касается М. Касьянова, то он окончил непрестижный по московским меркам вуз — автодорожный институт, затем выбрал стезю экономиста-практика, работал в госплане России, потом перешёл в минфин, где дорос до должности заместителя министра. В этом качестве занимался вопросами внешних долгов страны и, видимо, приглянулся “ельцинской семье”. Во всяком случае, его, чиновника невысокого ранга, вдруг стали показывать по телевидению, и страна увидела в симпатичном и вальяжном Касьянове новую Россию — молодую и уверенную в себе. Он пошёл дальше по служебной лестнице, стал министром финансов в правительстве С. Степашина, а при В. Путине — возглавлял его. Знаток закулисных дел потом утверждали, что это была часть “пакета договорённостей” между уходящим в отставку Б. Ельциным и его преемником. Трудно судить, правда ли это или всего лишь спекуляция, но ясно одно: первый российский президент выделял министра финансов. Однажды по телевидению показали, как Б. Ельцин советует исполняющему обязанности президента В. Путину “держаться вместе с Касьяновым”.

В канун второй президентской кампании В. Путин отправил правительство в отставку, после чего М. Касьянов не нашёл себя на государственной службе и занялся политикой, став ярким оппонентом власти. Но в этой ипостаси никак не проявил себя: его характер и репутация не сочетаются с образом борца против коррупции власть предержащих.

Этот, безусловно, способный человек, как считают политологи, преждевременно “спалил” себя. Слишком сильна была обида на президента, не оценившего его усилия на премьерском поприще. М. Касьянов не смог выдержать паузы, стал метаться из одной стороны в другую, зачем-то поехал в США, где выступил в “закрытой” аудитории, по возвращении создал фонд, а затем оказался в разношёрстной политической компании, которая выдвинула его кандидатом в президенты. Эксперты считают, что его шансы занять пост главы государства близки к нулю.

Привсей противоречивости натуры этого своеобразного человека не могу не отметить, что он был достаточно искренен в своем желании видеть сотрудничество между нашими странами более продуктивным и масштабным. Конечно, не всё ему удавалось, да и окружение не раз подводило своего премьера. В этой связи мне запомнились переговоры в Москве в ноябре 2002 года. Вопреки ожиданиям они оказались довольно напряжёнными, особенно в части, касавшейся статуса российских военнослужащих на космодроме Байконур. С плохой стороны проявил себя тогдашний начальник генерального штаба А. Квашнин, искажавший и даже перевиравший в своём выступлении известные факты и положения документов. М. Касьянов же внимал его дезинформации с приятной улыбкой политика, которому неинтересны скучные детали и нюансы возникшей проблемы.

Запомнилась также своеобразная трактовка М. Касьяновым региональной интеграции. Во время одной из встреч он вдруг поставил вопрос о закрытии в Казахстане двух предприятий по производству линолеума по причине выпуска аналогичной продукции в России. Дескать, зачем производить на вашей территории, если мы сможем поставлять линолеум российского выпуска. На законный вопрос о занятости трудоспособного населения Казахстана — милейшая улыбка и никаких смысловых комментариев.

В. Путин, напротив, уделял повышенное внимание наращиванию позитивных моментов в двусторонних отношениях. Начиная от мегапроектов, например, в космосе и заканчивая сотрудничеством приграничных

областей. К этой же категории относятся и переговоры по делимитации границы, которая является самой протяжённой сухопутной границей в мире.

Договорённость о начале переговоров по этому вопросу была принята ещё при Б. Ельцине, в 1998 году. Но решение по самым трудным моментам этого переговорного марафона пришлось принимать его преемнику. Сам факт юридического оформления границы с Казахстаном поначалу с трудом воспринимался российскими политиками: дескать, пограничное размежевание может привести к подрыву всех положительных результатов в двустороннем сотрудничестве и дистанцированию государств друг от друга. Да и протяжённость — 7591 км — отпугивала некоторых дипломатов от работы по её юридическому описанию, другими словами, определению точных географических координат.

Тем не менее переговоры начались в установленные сроки. Они шли с переменным успехом, были споры и дискуссии, но общая атмосфера процесса определялась решимостью сторон добиться успеха. Поскольку изначально в основу переговоров был положен принцип признания существующей административной границы в качестве государственной, то работа шла споро, без серьёзных затруднений. Однако они возникли при определении линии границы на участках, оказавшихся по сути дела спорными из-за отсутствия соответствующих документов и постановлений местных исполнительных и центральных законодательных органов бывшего СССР.

Так случилось в ходе делимитации границы на участке, расположенном между Атырауской и Астраханской областями. Интерес к данной территории подогревался тем, что там расположено большое газовое месторождение “Имашевское”. Переговоры были сложными, порой нервными. Претендуя на этот участок, ни одна из сторон, тем не менее, не смогла представить убедительных “документационных” аргументов в свою пользу. История попросту их не оставила. В то же время мы исходили из важности общего соглашения о делимитации границы, поэтому дали согласие на разделение данной территории поровну. Такой же компромиссный, “пакетный”, подход был применён и в отношении некоторых других участков. На подготовку договора ушло более пяти лет.

Подписание пограничного договора и последующая его ратификация имели поистине огромное историческое значение. Особенно для Казахстана, некогда входившего в состав российской империи, затем — Российской Федерации в качестве автономной республики. В новых исторических условиях суверенные Казахстан и Россия нашли силы и волю окончательно и бесповоротно решить вопрос о юридическом оформлении границы. Данный договор привлёк к себе внимание мирового сообщества, которое высоко оценило его как серьёзный фактор стабильности в евразийском пространстве и очевидный успех казахской дипломатии. Конечно, подписание такого масштабного соглашения не могло состояться без личного вмешательства глав государств, продемонстрировавших не только политическую волю, но и высокую степень взаимного доверия.

Это не могло не отразиться на последующей работе по упрощению пограничных процедур. Было подписано соглашение о поездках граждан двух стран по внутренним документам, что существенно облегчило жизнь населения приграничных районов.

Окончание главы в следующем номере.

Какимбек САЛЫКОВ

На родине Рудаки

Я сын степей, я не был горцем,
Не обвинён ещё в грехах.
И девушка палящим солнцем
Сияет в пламенных стихах.

Скала. Долина подо мною,
И пальцы гладят небеса,
И песня говорит с мечтою...
Теперь я верю в чудеса.

Душанбе, 1983 г.

Какимбек САЛЫКОВ

родился 22 января 1932 года в ауле Енбек нынешнего района Шал-акына Северо-Казахстанской области. После окончания в 1955 году Московского института цветных металлов работал в Джезказгане мастером участка на руднике, секретарём парткома горно-металлургического комбината, первым секретарём горкома, вторым секретарём областного комитета партии. Затем много лет был инспектором в отделе организационно-партийной работы аппарата ЦК КПСС. С 1984 года являлся первым секретарём Каракалпакского обкома партии Узбекской ССР, членом бюро ЦК Компартии Узбекистана.

Был делегатом ряда партийных съездов, депутатом Верховного Совета Казахской ССР трёх созывов, избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Трудовую деятельность успешно сочетал с творческой. Какимбек Салыков — известный казахский

поэт, автор свыше пятидесяти книг стихов, поэм, документальной прозы и публицистики. Многие его произведения переведены на русский и другие языки. К. Салыков перевёл на казахский язык творения А. Пушкина, В. Маяковского, Я. Коласа и других поэтов. На стихи К. Салыкова композиторами Н. Тлендиевым, А. Бейсеуовым, Е. Хасангалиевым написаны десятки песен, многие из которых приобрели большую популярность в народе.

За заслуги перед государством Какимбек Салыков в советское время награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями. Является заслуженным деятелем Республики Казахстан.

Постоянный автор "Нивы". Живёт в Астане.

Предлагаем читательскому вниманию стихи К. Салыкова, в разные годы написанные им на русском языке.

Ослеп Рудаки. Жизнь — как ночь в глуши.
Но гений был хозяин положения:
Беда, когда нет зрения души,
А без него — нет радости прозрения.

1983 г.

Не соловьи Панджруда звали —
К тебе стремился я, мудрец.
Ты вывел через перевалы
Дороги в вечность для сердец.

1983 г.

Ручей журчит от озорства,
Но скалы точатся.
Река бурлит от баловства,
Ей к морю хочется...

Анзоп, 1983 г.

В садах созрели абрикосы.
Эх, утолить бы жажду!
Как распустила ива косы —
Тебя я вспомнил дважды.

Хоть на мгновенье, но явись —
Я боль иначе не снесу.
Ну, крикни мне, пронзая высь, —
Я голос в сердце унесу...

1983 г.

Гиссарская долина

Чудо ясных зорь гиссарских грело,
Лаской окружив со всех сторон.
И ушли так робко и несмело
Ноющая боль и сердца стон.

Загорелась ты, в лучах зарделась,
Но я вижу только негатив.
По-казахски спеть мне захотелось
Про тебя. Напомни мне мотив!

1983 г.

Снежными папахами Памира
Мне не вдохновить себя нельзя:
Спит здесь Рудаки, а его лира
Сквозь века звучит для нас, друзья.

Обжигает грудь стихов горенье.
Здесь я оказался не напрасно —
Это гор волшебное веленье,
А не страсть житейского соблазна.

В древности седой, борясь со злом,
Прояснял поэт всей жизни суть.
Рудаки величие и в том,
Что искал он к счастью верный путь.

Поклониться мой настал черёд,
Сердце разрывается на части:
Он в мечтах предвидел наш полёт
И надеялся на наше счастье.

Стал крылатым я, в небесной сини
Всей душой к Памиру устремясь,
Ведь меня сподобили святыни
Обрести с величием этим связь.

Здесь земля пропитана стихами —
Сладость мысли, тела и плода.
И сравненья вольно льются сами,
Будто речки свежая вода.

1983 г.

Где печаль и больше боли

Не шептали губы, обжигая слова,
Перешёптывались только сердца.
Прошла стороною злая молва
Клеветника и завистливого глупца.

Припоминаю как благородную лань —
Не сказал бы я, что без печали.
О тебе тёмной ночью и в светлую рань
О любви и разлуке стихи звучали.

То отраженья моей же доли,
Ведь друзья и враги подмечают грехи.
Вслушиваясь, где печаль и больше боли,
Почему-то любят лишь за эти стихи.

1983 г.

Я читал Рудаки
И в Москве, и в Панджруде,
Постигая в стихах его древний Восток.
Я увидел его и весь мир в изумруде
Четырёх — всё на диво вмещающих — строк.

1983 г.

Строки, написанные в Москве

Любые бывают суждения.
Откуда отсчёт верней?
Исток своего рождения
Ищу я
В сердцах людей.

От зла доброту защищая,
Я снова и снова пою,
В живые слова воплощая,
Как в чудо,
Всю душу свою.

Да, жизнь для меня начинается
С порыва —
Новой мечтой,
Когда вдохновенно сменяется
Одна моя песня другой.

Имеют различные нравы
Начало начал и конец.
Пою я не ради славы,
Правда —
Вот песен венец!

1983 г.

Во мне живут
И Пушкин, и Абай.
Быть двуязычным не стесняйтесь.
Есть песенный Расул иль Межелайтис..
И мне, судьба,
Такое счастье дай!
С одной лишь мыслью не хочу расстаться:
Дай бог казахом мне остаться.

Не изменяет душа себе,
Лишь на созвучное ей отзовется.
Жизнь поэта —
В его судьбе.
Судьба не пишется,
А поётся.

Так не мною заведено..
Лишь стихами
Я речь заведу, —
Творца восславить немудрено
И через взлёты,
И через беду.

1981 г.

Знай,
Равняясь на идеал:
Абсолютного
Нет на свете.
Что ты сделал
И что сказал —
Ты за это за всё
В ответе.
Важен в трудном пути
Итог,
А не просто сама дорога.
Только гений для нас — как Бог,
Остальные —
Равны от Бога.

1983 г.**Себе**

Я себе говорю:
Отдохни, не спеши
И напрасно не мучай себя,
Если песня
Не рвётся в простор
Из души,
Эту степь,
Эту жизнь полюбя.

Я пою — как скачу.
Мне привольно в пути.
Я скачу,
Отпустив поводья...
Мне поможет и ветер
Слова донести,
И доскажут точнее
Провода.

Автограф на книге, подаренной Гамзатову

Здесь разное
По-разному воспето.
Дарю
Собрату по труду.
Я на ладони
Книгу эту,
Как сердце на сердце,
Кладу.

1983 г.**Умей восхищаться**

Чувства мои,
Словно волны, зыбки,
И разные мысли

Снуют, как рыбки.
Мир предрассветный ,
Прислушавшись, стих,
А рифмы проснулись —
Рождается стих.
Рифмы всё крепче,
Кричат, а не шепчут,
Эпитеты — радугой,
На сердце — легче.
Жизнь, ты бунтуешь
В крови горячей,
Душа становится
Лёгкой и зрячей,
Каждая клетка
Спешит отозваться...
Какое счастье —
Уметь восхищаться!

1983 г.

Приник я к тебе,
Приник чутким духом.
Как в лунную ночь
Шелест листвы,
Биение пульса
Подслушал ухом.
Перешёл на нежное “ты”
От “вы”.

Душевность людская,
Природы краса
У тебя
В мои песни взяты.
Раздвинулись дали,
Видны небеса,
Так в каждом слове —
Вся ты.

1976 г.

Да, все мы смертны.
Мгновения века
Время отпущенное сторожит.
Чем больше
Человечности
В человеке,
Тем больше он
Временем дорожит.

1981 г.

Любить одну —
Это честно и лестно,
Если к тому же
Она прелестна.
Готов повторять
Не пустую фразу:
Да, я — однолюб,
Хоть им стал не сразу.

Зато уж во мне,
Как степная песня,
Бурлит целебный поток.
Есть отрада большая —
В груди ей тесно,
И горечи есть глоток.
В руках цветёт,
Признаюсь вам честно,
Самый лучший
Земной цветок.

1976 г.

Моё утверждение

Ну что сказать тебе,
Новый друг?
Пусть ответит душа моя вслух:
“Старый друг —
Лучше новых двух”.
Эта мудрость к народу
Пришла не вдруг.

О любви своей
Говорю молчком.
Не до новых встреч и потех.
Вокруг одной
Я кружусь волчком,
Потому что она —
Лучше всех.

1977 г.

Я — крики белых журавлей
И ланей лёгкое дыханье,
Полыни запах из полей,
Степей пшеничных колыханье.
Я вкусом терпким кумыса,
Стихом ужалю, как оса.

Но будь уверен, стуком в дверь
Не попрошусь в твой дом с бедой.
Я щедрым стал от всех потерь —
Богат я мудростью седой.

1983 г.

В степи озёра все милы,
Глаза твои теплы, не строги.
Они — нектар из пиалы —
Страсть источают, недотроги.
И ощущается бесценным
Короткий, пылкий этот миг.
И жажду он напитком пенным
Заменит на любовный вскрик.

1983 г.

Русь! Белая Русь!
Сколько здесь белокурых Марусь!
Их белые ноги и щёки...
Я глазами за них держусь.

Белая Русь! Как красивы леса —
Блуждает мой взгляд по рощам поныне...
Ноги, щёки, голубые глаза,
Встретить бы вас в пустыне!..

1981 г.

Что ищешь жадно в моей лире?
В ней думы и тревоги есть,
И, ценность в этом дивном мире,
Созвучие — борьба и честь.

Но не найдёшь веселья, смеха —
Я с детства грусти груз несу.
Войны отгрохотавшей эхо
Порой я слышу, как в лесу.

Люблю в сиянье лунном степи,
Они тихи, но не унылы.
Дарю любовь я ветке, стеблю,
Склоняясь у маминой могилы...

Спасибо, мама, за благословенье,
На свете я стараюсь жить не зря.
Работа и приливы вдохновенья —
Мои святые, верные друзья.

Мгновенья беспокойства привечаю,
Заботы и тревоги мне — не бремя,
Стихи пишу я не в прикуску с чаем,
А чтоб гордилось всех казахов племя.

1983 г.

Владимир ДЕГТЯРЁВ

Документальный роман

(Продолжение. Начало в № 1 за 2008 г.)

Оперативные документы

23.12.81 г.

Москва, КГБ
Быстрову**Телетайпограмма**

Самохин, Пашин, Ахметин¹⁷ прошли полную акклиматизацию. Согласно легенде, Ахметину выделены деньги на приобретение дома и места на базаре, для торговли овощами и фруктами. Товар поставляет Алма-Атинская плодоовощная база № 3. Самохин и Пашин играют роль его подручных, точнее "рабов", якобы задолжавших Ахметину крупную сумму денег. Неоднократно выходили на контакт с местными нелегальными баптистами. Однако те явно не допускают их в свою среду. Возможно, местной баптистской общиной будет произведена негласная проверка легендирования Самохина и Пашина.

Прошу произвести соответствующие мероприятия по нейтрализации любых попыток со стороны баптистской общины проверить достоверность легенды по якобы последнему месту жительства вышепоименованных.

Завербованных верующих Хорошилова и Кучкина целесообразно отправлять в Фергану в начале нового года.

Фергана, УКГБ
Чуйкин**Телетайпограмма**

27.12.81 г.

Фергана, УКГБ
Чуйкину

Баптисты-нелегалы Ковалёва и Надеждин, постоянно проживающие в Фергане и направленные в город Алма-Ата для негласной проверки места работы, проживания, моления Самохина и Пашина, задержаны вчера по обвинению в хранении наркотических средств и помещены в следственный изолятор г. Алма-Ата. Готовится соответствующее заседание суда. Предполагаемый срок приговора — полтора года каждому фигуранту в лагерях общего режима.

В Фергану срочно выезжает наш "источник", член общины города Каскелена Фатеев Михаил Сергеевич, 1949 года рождения. Примите меры для обеспечения безопасности вышеупомянутого. После проведённого Фатеевым перед ферганской баптистской общиной положительного удостоверения благонадёжности необходимых вам личностей, немедленно отправьте его обратно.

Алма-Ата, УКГБ

¹⁷ Так в тексте документа.

Кулябин

Распоряжение

27.12.81 г.

Фергана, УКГБ
Чуйкину

Наличные деньги, полученные Ахметовым в результате торговых операций, кроме средств, оговорённых для расходов на соответствующее существование, должны передаваться в финансовую часть Ферганского УКГБ для последующих расчётов с «Алма-Атаплодощторгом». До сих пор это распоряжение Ахметовым не выполняется. До 10 января 1982 года прошу незамедлительно выполнить данное распоряжение и предупредить Ахметова о персональной ответственности в финансовых вопросах.

Москва, КГБ
Кирсанов**19. Базарная жизнь**

Фергана — город, где зимы не бывает. Там можно всю жизнь проходить в пиджаке и не заметить, что жизнь пролетела.

Но зато заметят тебя, тебя оценят, и жить будешь под вечной отметиной. Шаг влево, шаг вправо, прыжок вверх — только с молчаливого разрешения общества. А общество здесь — базар.

Ферганский «Колхозный рынок» колхозным никогда не был. Всю тысячелетнюю жизнь это был восточный базар. Там сохранились веками освящённые традиции Великого Восточного Базара на Великом шёлковом пути.

Если ты нашёл рубль, ты должен пройти шесть городских кварталов и громко спрашивать: «Кто потерял деньги?». Только потом, если не найдётся хозяин, ты отнесёшь эти деньги в мечеть. Или пропьёшь, если ты русский, это снисходительно разрешат.

Если у тебя гости, то каждый проходящий мимо твоего дома должен зайти и посидеть за дастарханом, выпить хотя бы чашку зелёного чая, иначе наутро весь базар отвернётся от тебя.

Эти обычаи сохранились только на окраинах. В центре, где построены непонятные и жаркие многоэтажные дома и где живёт много русских с толстыми портфелями, там нет уже традиций базара.

Там судит человека не базар, а милиция, а милицию надо кормить, потому что всегда базар кормил и своих, и чужих стражников. Поэтому русским на базаре всегда продают чуточку дороже, раз они сами не догадываются кормить свою милицию.

А директор базара Хасан — великий и справедливый человек. Он поймёт всякую нужду всякого человека и подскажет, что делать человеку в беде. Или сделает сам. Поэтому каждый день в обед ходят по базару люди от Хасана, и торгующие дают им деньги по своим возможностям и по уважению к директору базара.

Тогда милиция тебя не тронет, и люди директора Хасана будут с тобой здороваться на улице, как с уважаемым человеком.

Это освящено веками, а старики говорят: нельзя нарушать обычаи предков, иначе Аллах покарает твой род до седьмого колена.

Вот приехал из Алма-Аты чужой казах, он сразу купил дом старого Али, а дом большой и хороший, но Али умер, а дети уехали жить в высокие дома.

Так вот, он купил дом старого Али, и заплатил много, не торгуясь, чтобы младший сын Али мог купить себе машину.

Все соседи смотрели, куда чужой казах пойдёт потом, после покупки дома. Толстый казах с утра пошёл к директору рынка Хасану, и через час директор уже выделил ему место, где торговать. Много местных уважаемых людей ходило к директору Хасану, они тоже просили место, где торговать, где поставить весы, но базар не кипчакская степь и места там мало. А этому казаху Хасан сразу нашёл место, и кран сразу приехал, чтобы установить прилавок.

Звали казаха Тохтар, а рабами у него были двое русских. Значит, Тохтар непростой человек. Умеет жить.

Русские делали всё, что прикажет Тохтар, значит, Тохтар очень уважаемый человек. Но пока у себя в степи, а не на ферганском базаре. Пока ещё базар не прибавил к его имени уважительного завершения. Кто он будет: “агатай”¹⁸, “бек”¹⁹ или “бай”²⁰, базар ещё не определил. И худо Тохтару будет, если не определит. Пока посмотрит базар на человека, подумает.

Старики в чайхане, которую для них построил под чинарами сам Хасан и прохладный арык туда провёл, пили чай и гадали: подойдёт к ним Тохтар или нет?

Тохтар оказал уважение старикам, Он вошёл в чайхану вечером, после хозяйских хлопот, с каждым седобородым аксакалом поздоровался уважительно, двумя руками, тогда ему показали место, где он может пить чай и беседовать. Пока его рабы торгуют.

А кстати, чем собирается торговать уважаемый Тохтар? Ведь в Ферганской долине растёт всё, что захочешь, в Алма-Ате такого не найдёшь? На базаре есть всё, что даёт людям Аллах и добрая земля. Не обидит ли почтеннейший гость из Казахстана других торговцев, продавая то, что продают другие?

Тохтар показал рукой на многоэтажные дома. И старики поняли, что он выбрал правильное направление колёсам своей жизни. И ум его подобен лезвию ножа. А ещё поняли старики, что он не будет им соперником в торговле, а это много значит для пришлого человека. Потому старейшина базара при прощании назвал пришлого казахского торговца Тохтарбай, что значит: “Тохтар, уважаемый за богатство”. Добавить к имени “агатай” — мелко для такого человека, а “бек” — он не заслужил ещё, мало прожил.

Дом, где обосновались Ахметов и двое его подручных, действительно был большой — на пять комнат. Ахметов купил его со всей обстановкой, если обстановкой можно назвать железные кровати, низенький круглый стол метра три в диаметре, гору засаленных подушек и одеял. Ахметов был в своей стихии. Он ловко примостился за столом на подушках, скрестив ноги, как бай. Он не разрешил Самохину купить обычный стол и стулья, “чтобы конспирацию не нарушать”.

На старых кроватях пружины проваливались, и после целого дня беготни уснуть на них было нелегко.

Дом был обнесён высоким глинобитным дувалом, чтобы крышу с улицы не видать. И только одна деревянная вещь была во всём огромном дворе — ветхая деревянная калитка, служившая не одному поколению домовладельцев, чуть ли не со времён Тамерлана.

¹⁸ Агатай — уважительное обращение к старшему по роду или занимаемой должности.

¹⁹ Бек — справедливый человек, судья.

²⁰ Бай — богатый человек.

Новый год новосёлы встретили тихо, как и весь старый квартал, ибо для базара и для живущих базаром Новый год называется “Навруз” и его положено встречать весной, в конце марта. А те, что живут в высоких бетонных домах нового города, тешат шайтана, когда кричат и пьянствуют в конце декабря. У них другая, нечестивая жизнь.

Сразу после Нового года приехали ещё два постояльца — Хорошилов и Кучкин. Им отвели комнату, дали одеяла, подушки, подробно объяснили, кто есть кто и как себя вести. Считалось, что они оба инвалиды и нанялись охранять дом и двор, где хранится товар. Пока не найдут себе работу.

А кто им приготовил тут работу? Свой, местный парень, если пристроится грузчиком, уже считается выгодным женихом.

Тем более, приехали — русские. Тыкву вместо головы надо держать, чтобы русскому сюда ехать.

Но раз Тохтар взял убогих в свой дом, значит так надо. Тем более что во дворе появились два осла и две повозки, чтобы возить на базар товары. Никто тебя не пустит сюда на грузовике. Эта машина не для базара. А ослов что, сам Тохтар будет погонять, кормить, убирать? На это только рабы годятся.

В общем, соседи сложили два и два и ещё раз поразились, как правильно живёт Тохтарбай.

И когда в пять утра муэдзин с высокого минарета мечети созывает правоверных на молитву, Тохтар поднимается на плоскую крышу своего дома и молится. Правда, в мечети он бывает редко, но денежные подношения его щедры и все в округе довольны правоверным мусульманином.

Пока обустранивали свой быт, начал поступать товар. Два грузовика привезли картошку, её мешками расхватили за день. Один грузовик привёз крупу коричневую — гречку, её продали за два дня. Всё это покупали только русские, это их пища. Хороший купец Тохтарбай, и деньги большие взял, и базар не обидел. Так и завертелось колесо.

20. На крючке двойной жизни

Обычно днём Хорошилов и Кучкин поодиночке, а чаще вдвоём отправлялись “искать работу”. Но их настоящей целью было выяснить, вынюхать, где среди путаных лабиринтов глинобитных кварталов обитают верующие. И не любые верующие, а только баптисты, позарез нужные лубянскому полковнику. Там, на окраине города, жили и узбеки, и туркмены. И русские, которым или судьба, или прихоть не позволила проживать в многоэтажных домах. Вот там, среди русских кварталов, Хорошилов и Кучкин подходили к прохожим и спрашивали, где верующие живут. Стучались в калитки и тем же вопросом беспокоили хозяев.

Из-за жары, наверное, даже русские, будто восточные люди, ходили неторопливо, лениво говорили, медленно думали. Кучкин сообразил, что к ним приглядываются, поэтому они с Хорошиловым решили надоедать населению русских кварталов до изнеможения. И нутром чувствовали, что их посещения кое-где ждут.

Однажды Хорошилов, будучи в разведке один, свернул на незнакомую пустынную улочку. Из-за угла неожиданно появился русский парень, тихо спросил:

— А какие верующие вам требуются?

Хорошилов внимательно огляделся, осмотрел парня сверху донизу, потом лишь тихо ответил:

— Мы с другом... только освободились из узилища... принадлежим к евангельским христианам-баптистам, объединённым служением Совета Церквей...

— Живут здесь верующие, живут... во многих домах, только я вас что-то не припомню.

— А я из-под Новосибирска, из Бердской общины, а брат Кучкин из под Алма-Аты. Потому нас и не знает здесь никто.

— А сюда зачем приехали? Почему домой не вернулись, в свои общины? Это был самый неприятный вопрос. И в Москве, на Лубянке, когда готовили “группу проникновения Хорошилов — Кучкин — Самохин — Пашин”, этот вопрос оставили для решения по обстоятельствам. Меж собой Кучкин и Хорошилов его сто раз обсуждали. Самохин с Пашинным пытались обмозговать, ничего путного не выходило.

Тохтар Ахметов, как всегда, решил, что проблемы пусть разматывают другие. И попросил москвичей подготовить для бывших заключённых кучу разных бумаг с грозными приказами, и печатей на бумагах понаставить побольше. Пусть сами баптисты разбираются. Грамотных юристов у них нет, а к настоящим адвокатам они не сунутся. Так и решили действовать.

Только парень стал наседать “зачем, да зачем?”, Хорошилов затрясся, будто от нервности жизни:

— Да сослали нас сюда! Освободили досрочно, а отвезли не домой, а сюда. То ли начальник лагеря у нас шутник, то ли на нас бумаги такие пришли. Вот наши справки!

Хорошилов было полез за бумагами в поношенный пиджак, одетый прямо на майку, но парень остановил его:

— погоди. Ты бери своего брата по вере...

— Кучкина...

— Да, Кучкина, и вечером прямо сюда подходите. Документы возмите. Все документы, какие есть.

— Ой, брат, спасибо, вот обнадёжил так обнадёжил!

Хорошилов обрадованно заспешил в сторону базара.

А парень сразу исчез среди кривых уличных поворотов.

Оперативное наружное наблюдение, которое “вело” Хорошилова, через час установило, что он беседовал с Разумовским Александром Евгеньевичем, 1958 года рождения, проживающим в селе Бетболы по улице Чапаева, дом 15. Село Бетболы находилось у самой границы города и, по определению спецов из местного КГБ, было гнездом баптистов-раскольников. Значит, Хорошилов попал в самую точку.

“Наружка” зафиксировала, что Разумовский зашёл в свой дом и до вечера никуда не выходил.

Когда “наружка” по рации сообщила, что Хорошилов вышел на контакт, Самохин срочно вызвал домой Ахметова, заседавшего в чайхане. На частной машине к ним сразу примчался Самат Чуйкин, заместитель начальника Ферганского УКГБ. На базаре остался торговать только Пашин.

Чуйкин стал читать наставления Хорошилову и Кучкину:

— Хотя плачьте, но держитесь версии, что Ахметов вас перекупил у начальника Экибастузского лагеря. И пока у вас срок условно-досрочного освобождения не окончится, вы у него за похлёбку должны работать.

Кучкин сразу спросил, жуя дыню:

— А на самом деле? Скоро нам домой, на борщ с салом?

— Сколько тебе можно повторять — возьмём нелегальную типографскую точку, и дуйте по домам! Справки у меня лежат, только числа осталось проставить. Так что ваша свобода — в ваших руках. Да перестань ты хrustеть! Дыню никогда не ел?

— Ел, но давно! Соскучился!

Кучкин и правда когда на базаре возился с товаром, ел только дыни и ещё домой покупал. Как прорва какая образовалась в человеке. Видимо, после лагерных харчей организм витамина требовал. Тем более, дынь в специальных травяных сеточках навешено возле каждого торговца десятки. Выбирай, плати, ешь.

Тохтар Ахметов на питание Кучкина не скупился, дыни стоили копейки, а Тохтару важнее денег было мнение базара.

— Ладно, — продолжил Чуйкин, — проверять вас будут дней десять. Думаю, в Сибирь к тебе, Хорошилов, не поедут, по телефону о тебе поговорят. Там, говоришь, всё чисто?

— Век воли не видать, гражданин начальник!

— А с тобой, Кучкин, посложнее будет. Тебе надо в молеальный дом Самохина и Пашина за собой притащить. И пристроить. Пусть мы организовали о них хорошие отзывы, но это всё туфта. Нашего человека подставили, а они всё равно могут не поверить. Коварные бестии. Почуешь, что горишь, Самохина и Пашина разрешаю сдать. Мол, знать не знаю. Сами прицепились. Не матерись, Самохин, ты, бляха-муха, баптист или кто? Ну да ладно, поживём — увидим. Из карманов — всё на стол! А что в карманах у двух бывших заключённых? Тряпки вместо носовых платков, да денежная мелочь на проезд.

И, разумеется, документы. Чуйкин собрал в стопочку направления на лёгкие принудительные работы, справки о досрочном освобождении, медицинские заключения:

— Вот эти бумажки будете всем совать, остальные получите от меня лично после завершения операции. Вопросов нет? Топайте на молитву. Главное, побольше плакать.

— У меня стаж верующего — прямо с горшка, — обиделся Хорошилов, — я лучше знаю, когда плакать, когда молиться.

— А вы сегодня и не будете молиться, — посверкивая чёрными глазами, напористо ответил Чуйкин, — вы, ребята, сегодня как в гестапо побываете.

Вот зараза! Сбылись слова Чуйкина! Когда вечером Хорошилов и Кучкин пришли к указанному дому, они увидели и парня, и сидящего на лавочке мужчину постарше. По схожести лиц поняли — родственник. В кишках у Кучкина забурчало, а у Хорошилова побледнели щёки и нос. Как в лагере, когда их блатные первый раз били.

— Присаживайтесь, братья, — сказал старший, — я брат Евгений Петрович, а это сын мой, Александр. Раскройте сердца свои, поведайте единоверцам ваши страдания.

Кучкин сразу заплакал. Натурально, со всхлипами, с обильными слезами.

Пришлось Хорошилову отдуваться за двоих:

— Освободили нас по инвалидности, — он сунул брату Евгению Петровичу лагерные бумажки, — направили сюда, якобы на лёгкий труд.

— На “химию”,²¹ — уточнил пожилой.

²¹ “Химия” — направление заключённых на стройки народного хозяйства, условное освобождение. Жаргонный термин родился во времена Н.С. Хрущёва, когда он начал развивать химическую промышленность.

— Ну да. А какой здесь лёгкий труд? Ну и подобрал нас на базаре этот казах, Ахметов, торгош вонючий. Справки об освобождении забрал, говорит — у меня тоже лёгкий труд. Вот на него и ишачим.

В доказательство Хорошилов снял башмак и носок с правой ноги и показал страшную, плохо заросшую рану.

— Ты скажи им, что на базаре про этого казахского Ирода нам рассказали, — сморкаясь и пуская слёзы, прогундосил Кучкин.

— Нам сказали, что Тохтарбай купил нас, взял и купил у начальника лагеря. Как рабов...за деньги, на два года! — тут неожиданно для самого себя Хорошилов почувствовал, что тоже плачет и плачет натурально, со слезами и комком в горле.

Кучкин ошарашенно глянул на своего дружка, издал неприличный звук и заёрзал по скамейке:

— Мне нужно быстрее до ветра... в туалет. Нас кормят всякими помоями, наверное, в автобусе желудок растрясло...

По нему было видно, что серьёзно прижало мужика.

— В дом не води, пусть в огород идёт! — приказал сыну отец.

Они вошли во двор. Тут, как у всех русских, и деревья росли, и огоро-дик был. Старый щелястый туалет торчал в конце участка. Кучкин, приплясывая на ходу, зачастил туда. В метре от туалета Кучкин заметил в кустах навес из шифера. Под ним лежало что-то белое. Аккуратно, ровно, как белые кирпичи. Да ещё закрыто брезентом.

Основательно пристроившись, Кучкин в щель между досок хорошо рассмотрел, что за белые кирпичи прятали в огороде его бывшие единовверцы.

Это сияли под солнцем пачки бумаги. Точно такие пачки Кучкин видел в лагере у начальника оперативной части Нуртазина, чтоб он был здоров и только кашлял. Туберкулёзом.

В другую щель виднелся молодой баптист Саша. Он терпеливо глядел на дверь отхожего места.

Кучкин всё сделал, застегнул брюки, вышел, виновато улыбнулся.

Прислушался к брюху и вдруг снова скрылся в туалете.

Младший Разумовский ещё постоял немного, потом пошёл за ворота, чего ему караулить слезливого поносника?

Тогда Кучкин выскользнул из туалета и, пригибаясь, нырнул под навес. Вытащил два листа бумаги из пачки, слабо перевязанной бечёвкой. Лихорадочно сложил их и сунул во внутренний карман пиджака.

Когда Кучкин вернулся на улицу, там уже прощались.

— Так вы в воскресенье на утреннюю молитву приходите, — приглашал Хорошилова Евгений Петрович, — увидите, где старушки с автобуса сходят, за ними и вы идите. А сюда больше приходить не надо. Понятно?

— Понятно. А можно мы в воскресенье ещё двоих наших братьев приведём? Самохина и Пашина. Они тоже в узах у Ахметова маются, христианские души, гонимые.

— Ох, не уверен я что-то в них, смирения в их лицах не вижу. Я же на базаре специально бывал, смотрел...

— Будешь на этого выжигу Ахметова горбатиться, волком станешь, — встрял Кучкин, — они же здесь одни, всего боятся! Им молитва нужна, нужна поддержка Господа нашего, сестёр и братьев наших!

— Хорошо, приводите. Посмотрят люди, разберутся.

Дома, ночью, вся оперативная группа расселась за столом вокруг мя-тых листов бумаги, добытых Кучкиным.

— Там гора такой бумаги, — рассказывал Кучкин, — метра три на три. Чуйкин аккуратно сложил листы в папку.

— Ладно, мы выясним, где изготовлена, как попала в Фергану, как сумел Разумовский полмашины бумаги стибрить. Ты, Кучкин, сегодня половину своей “химии” отработал.

— В воскресенье все идём на молитву, — встрял Хорошилов, — и Самохин, и Пашин, и мы. В девять часов утра.

— А торговать кто? — взвился Ахметов, — я за весы встану? Да меня весь базар засмеёт!

Чуйкин поморщился:

— Ты к директору рынка сходи. Посоветуйся. Он, ты запомни, верующих любит. Неважно кого, мусульманина, православного или баптиста. Тихий они народ. А ему тихость и нужна. Так что он тебе спасибо скажет, если завтра сам за весы встанешь. Нам позарез необходимо быстро выяснить, где они, паразиты, типографскую краску добывают. Если за краску зацепимся, типография наша! Все танцуют и сверлят дырки для ордена. А Кучкин грызёт вагон дынь, пополам с Хорошиловым! Нет! Хорошилов лопаёт пельмени из самосвала! Так будет справедливо.

Служебная переписка

19.01.1982 г.

Москва
Бумлеспром
Бугрову

Телетайпограмма

Просим провести экспертизу прилагаемого листа бумаги и ответить на поставленные ниже вопросы:

1. Где была произведена бумага?
2. Дата производства?
3. Каким способом бумага порезана до потребительских размеров?
4. Поступает ли эта бумага в розничную торговлю?

Ответ прошу дать незамедлительно.

Москва, КГБ
Быстров

Телетайпограмма

21.01.1982 г.

Москва, КГБ
Быстрову

На ваш запрос от 19.01.82 г.

Экспертизой выявлено следующее:

1. Бумага произведена на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате, в рулонах стандартного газетного формата.
2. № партии 162/-10-81., срок производства — октябрь 1981 года.
3. До потребительских размеров бумага доведена промышленным путём с помощью бумагорезательной машины, однако есть сомнения, что резал профессионал.
4. Бумага с такими характеристиками (плотность, вес и т. д.) в розничную торговлю не поступает, а распределяется согласно заявок министерств и ведомств.

Москва
Бумлеспром
Бугров

21. Нудная оперативная работа

В воскресенье Ахметов с самого раннего утра матерился, пил чай и дожидался, пока четвёрка его рабов загрузит на ослиные повозки товар, потом привезёт на базар, потом разгрузит. Время показывало, что на молитву “группа проникновения” опаздывает.

Воскресная “наружка”, два узбекских паренька, вмешались и помогли справиться с тяжёлыми мешками крупы. Базар дружелюбно молчал.

Ахметов орал на своих рабов пуще прежнего и даже два раза пнул Самохина. Потом отсчитал десять рублей рублями и сунул ему, ругаясь по-казахски:

— На, бери, шайтана сын, неси своему Богу! Узнаю, что Богу не отдал, зарежу!

Вокруг загомонили продавцы. Они одобряли Ахметова, ведь он сам встал за весы, чтобы его рабы могли воздать молитву Богу!

Старший из “наружки” шепнул Пашину:

— Опаздываете на молитву, ребята. Там, через квартал, во дворе наша белая “Волга”. Окна тёмные. Бегом!

Они на “Волге” домчались до арыка, заросшего кустарником, быстро выскочили, продрались через кусты и очутились недалеко от Дома молитвы.

Часы у Пашина показывали 9.00.

В сам Дом молитвы их вели две старушки. Вели так запутанно, через проходные дворы, через дыры в заборах, что хвалёное самохинское чутьё дороги отказалось работать.

Пришли, наконец, к обычному дому. Во дворе его стоял сарай не сарай, не теплица и не погреб, а несуразное сооружение с двускатной крышей из шифера и шиферными стенами. Сооружение было низким, и понятно стало, что наполовину оно в земле. Размеры его Пашин оценил 10 на 12 метров. И окон нет.

“Ох, и душно там”, успел подумать Хорошилов, как их подтолкнули и они попали чуть ли не в парную. Было действительно душно. Плакали младенцы. Матери старались их утorkать, но младенцы орали ещё сильнее, и пресвитеру приходилось сильно напрягать голос, чтобы вести служение.

Хорошилова и Кучкина брат Евгений Петрович сразу протолкал вперёд, под руку пресвитера. А младший Разумовский уволок Самохина и Пашина в самый дальний от сцены угол и предупредил:

— Место вам здесь будет. Пока терпите.

В спёртом воздухе остро пахло детской мочой и людским потом.

Махонькая сутулая бабулька хлопнулась в обморок, и единоверцы потащили её на улицу.

— Пободрствуем на коленях, — сказал пресвитер, увидев неприглядную картину обморока, и все облегчённо встали на колени. От земляного пола тянуло прохладой. Стоя на коленях и тихо бормоча тарабарщину, Пашин и Самохин посмотрели друг на друга и поняли одно и то же. Что уже почти два месяца они болтаются без толку, в эту общину баптистов-нелегалов им вряд ли удастся внедриться, хотя они и пострадавшие. Якобы.

— Напьюсь сегодня, — шепнул вместо слов молитвы Самохин.

— Мне не забудь налить, — ответил Пашин.

А в это время Хорошилов показывал всем с низенькой сцены свою израненную в узилище ногу и передавал привет от Бердской общины. За ним поднялся Кучкин, сразу заплакал и рассказал, как он умирал в

исправительно-трудовом лагере, а община его якобы спасла, и передал привет от каскеленской общины. В Доме молитвы после этого началась тихая истерика. Заплакал пресвитер, за ним прихожане.

— Здесь есть ещё двое братьев, страдающих по воле Господа, — перекрывая общий плач, надрывался Кучкин, — сейчас вы познакомитесь с другими страстотерпцами за веру! Где вы, братья? Подойдите ко мне, чтобы мы вместе преклонили колени перед приютившей нас общиной! Подойдите!

— Вот паразит, сумел нас на буксир зацепить, — шепнул Самохин Пашину, — говорить легенду будешь ты!

Они поднялись на сцену и встали рядом с Кучкиным.

— Наша община выделила четыре тысячи рублей, чтобы вот... моему зятю построить дом... А деньги украли.

Пашин понял, что его бормотанье плохо слышно из-за плача. И почти заорал:

— И мы совершили тяжкий грех: не сказали общине о горе нашем, а пошли и заняли деньги у Ахметова. У торгаша заняли, забыв, что Христос выгонял торгашей из храма...

Самохин восторженно толкнул Пашина в бок, мол, ври дальше, складно получается.

— И мы попали в рабы к этому жестокому человеку не нашей веры. Мы знаем, что страдаем за грехи свои и готовы страдать, но чем виноваты семьи наши, живущие по чужим углам?

Пресвитер заметил жёсткий взгляд Евгения Петровича и взмахом руки согнал всех четверых со сцены. Хорошилов и Кучкин опять остались в первом ряду, а молодой Разумовский оттолкнул Пашина и Самохина в их дальний угол, за спины верующих.

— Приступим, братья, к материальному служению, ибо это есть одна из главных обязанностей члена общины! — возгласил Евгений Петрович.

Три парня и две девчонки, со специальными кошлями из бордовой парчи, стали обходить верующих.

В кошли сыпали денежную мелочь, летели и бумажки. Самохин заметил, как серьёзный мужик в белом костюме, при галстукe, опустил в кошель коричневую сотенную бумажку.

На сцене молодёжь стала петь духовные песни, но люди потянулись к выходу, на воздух.

Когда бордовый кошель дотянулся до сидящих в левом углу страстотерпцев, Пашин вытащил заранее приготовленные два рубля и опустил их по назначению.

Самохин внимательно посмотрел на него.

— Если деньги взяли, значит, потихоньку внедримся, — порадовался Пашин.

— Я не про то, я про остальные восемь рублей.

— А водку на что купим?

— Я пить не буду, я пошутил...

— Зато я буду, я все жилы сегодня выплакал, надо восстановить, — зло оправдался Пашин, — мне, мить твой мить, что, Ахметова бояться надо? Или местных управленцев? Мы, Витюня, работаем самостоятельно. Над нами, баптистами, сейчас никого, кроме Господа Бога нет. А мы с Ним не договаривались ежедневно общаться путём подачи отчётов и рапортов. Уговорил я тебя сегодня вмазать, нет? Уговорил, по глазам вижу!

— Не богохульствуй, брат Володимир, — сурово отбрил его Самохин. Но Пашин успел заметить, что в глазах его пыхнули волчьи огоньки. И возрадовался.

Хорошилова и Кучкина они быстренько сплывили на базар, помогать Ахметову, а сами потопали мимо автобусной остановки. То один, то другой незаметно проверялись по пути, но хвоста не обнаружили. Тогда Самохин нащупал внутри лацкана своего пиджака кнопку и три раза нажал её.

Ждали недолго. К ним подлетела та же белая “Волга” и там были те же симпатичные узбеки из “наружки”. Старший забеспокоился:

— Случилось чего?

— Случилось, — прямо ответил Пашин, — мы выпить хотим.

— Живо прячьтесь в машину!

Самохин с Пашиным повалились на заднее сиденье, и “Волга” понеслась, визжа тормозами на крутых поворотах. Старший быстро затараторил по-узбекски в микрофон. Потом перешёл на русский: “Да чтобы на твой дом дерево упало! Нервы у них тоже не железные, блин!”. Типично русский голос отозвался в динамике:

— Ладно, у них своё начальство. Пусть перед ним прогибаются. А вас отпускаю. До вечера.

Они примчались в какой-то кишлак, взяли бутылку домашнего вина, ещё о чём-то распорядились и в конце концов очутились у прохладной горной речки. На скрытой кустами лужайке уже лежали заготовленные дрова и огненно светились угли в мангале.

В город Пашин с Самохиным попали под утро. Формально к чему придраться?

Не к чему. И охраняемые и охранители сидели на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и охраняемые бежать не собирались. Кто же побежит от добрых, понятливых коллег, от шашлыка из молодого барашка, от домашнего крепкого вина?

Так что ни одна из сторон себя виноватой не чувствовала. Только Ахметов матерился так, что слышали даже соседи, но делали вид, что не слышат, потому что русские разве понимают другой язык? Тем более эти рабы?

Ахметов проорался и сказал, чтобы к вечеру дома поставили радиостанцию или телефон, на худой конец. Город чужой, может, им баптисты плотки перерезали, а он всю ночь должен не спать?

Примчался Чуйкин, ему уже доложили о длительном отсутствии законспирированной опергруппы. Суть конфликта Чуйкин сразу перевёл на деловую основу. В старом городе телефона отродясь не видали, значит, телефона в доме не будет. Рацию ставить нельзя, потому как у баптистов зафиксировано наличие импортного всеволнового приёмника с системой пеленгации. Значит, всё останется как есть. Только надо заранее, нормально договариваться: куда пойдут, сколько человек, на какое время? И сколько в гостях выпьют, надо обязательно знать. В ответ на эту разумную речь совершенно злой Ахметов разорался, что отвечать за срыв операции он не будет, а будет каждое нарушение дисциплины отмечать в рапорте на имя председателя КГБ СССР! Потом сел на осла и поехал на базар, отводить душу в чайхане.

22. Сладкие, сладкие дыни

На базаре каждый продавец свои дыни метит. Они висят над прилавками в травяных сеточках и на каждой дыне метка: то ли цветная тряпочка, то ли ножом знак нацарапан. Это для того, чтобы не перепутать, когда грузить-разгружать, а ещё чтобы покупатель знал, у кого купил. И снова шёл покупать к нему же.

А подвешивают дыни затем, зачем на севере капусту вешают в гаражах за кочерыжку. Чтобы не гнили. И не гниют дыни, а доходят до высшей спелости. Чистый мёд, а не дыни.

Кучкин у всех торговцев дыни перепробовал. И всё не наедался. Хорошилов неделю фруктов поел и стал питаться исключительно бараниной с рисом. А Кучкин, как с цепи сорвался, всё глодал и глодал дыни. Баловал организм за государственный счёт. Потому Хорошилов в феврале, когда Кучкин немного приболел и кашлял, приволок ему вечером дыню. Вместо лекарства.

Дыню он выбрал большущую, только не в травяной сеточке, а в синтетической. Такой зелёной, как чулок, сеточке.

В такой сеточке продают обычно магазинную картошку, лук или яблоки. А базар такой упаковкой брезгует, отцы и деды такой сетки не видели, и базар нынче не видит. Дыня с одного бока оказалась подпорченной, но очень сладкой. Да и досталась Хорошилову даром. Точнее, за погрузочную работу. Он две повозки этих дынь сегодня перегрузил. Дыни привёз узбек с противоположного конца города и продал их оптом, подешевле, Ахметову. И обещал через день снова привезти дешёвый сладкий продукт.

Кучкин быстренько вооружился ножиком и начал кромсать дыню на ломти. И тут-то увидел метку.

Будто хозяин макал толстую малярную кисть в ярко-красную краску и небрежно тыкал в бок дыни.

Кучкин с Хорошиловым ещё поспорили, что за краска — половая или эмаль. Половая краска стёрлась бы в миг, да и цвет её больше похож на ржавчину. А на дыне краска адела как свежая кровь. Значит, эмаль, импортная. Дыню Кучкин быстро оприходовал, но кусок с меткой оставил.

Вернулись после базарных хлопот и остальные. Тохтар Ахметов сразу заперся в своей комнате, деньги считать и делить: на расходы группе, на «шапку»²² бастыку²³ Хасану и государству. Самохин и Пашин гремели на кухне посудой, их очередь подошла кухарничать.

Ужинать Ахметов вышел хмурый, опять не сходиллся приход — расход! Вяло уселся за стол и только тогда заметил, что стол пустой, а его подручные сосредоточенно рассматривают кусок дыни с красным пятном на кожуре.

— Что, дыней отравился? — спросил Ахметов Кучкина, — сходи во двор, поблужай.

— Ты на краску полюбуйся, — сказал Пашин, — типографская краска. Я не спутаю. Нас натаскивали. Ты где эти дыни взял, спекулянт паршивый?

Ахметов просипел внезапно севшим голосом:

— Во второй повозке лежат ещё восемь штук... не успел продать. Тащите их сюда! Самохин, вызывай Чуйкина! По тревоге или как там...

²² «Шапка» — определённый процент неучтённых денег, отдаваемых за услугу (жаргон).

²³ Бастык — голова, большой начальник.

Восемь ярко помеченных дынь рядком лежали на столе, когда примчался злой Чуйкин — его вырвали из гостей. Два дежурных оперативника всё время перемещались за его спиной.

Чуйкин сразу засомневался:

— А если этот узбек больше не приедет? Ты спросил, откуда он?

Ахметов не без гордости ответил:

— Не только спросил, но и сфотографировал и разговор записал.

В весы, что стояли на прилавке, умелые московские ребята вмонтировали фотоаппарат и магнитофон. Две незаметные кнопки приспособили под левую руку продавца: одна включала магнитофон, другая — фотоаппарат. Всё импортное, надёжное.

— Только он по-узбекски бормотал или по-турецки, чёрт его знает, — Самохин передал Чуйкину катушку фотоплёнки и магнитофонную кассету, — мы ничего не разобрали.

Чуйкин упёрся взглядом в Ахметова:

— А ты что?

— А чего я, чего? Моё дело финансы. Откуда приехал, куда уехал, мне допросить некогда, товар уйдёт или проторгуюсь. Мне кричит: “Эй, дыни возьмишь?” — “Эй, почём?” — “Эй, по три рубля?” — “Эй, возьму!”. И всё. Если бы он в чайхану со мной пошёл, там чай пьём, манты кушаем, то да сё, как семья, как дети, размножаются ли твои стада? А он дыни скинул, деньги посчитал и уехал. Совсем не торговец.

Чуйкин молча взял две дыни, по две дыни взяли оперативники:

— На экспертизу!

И они умчались на белой “Волге”, а соседи стали говорить: “Зачем ночью к Тохтарбаю люди ездят на большой белой машине?” — “На такой машине или плохие люди ездят, или люди власти!” — “Тогда кто такой Тохтарбай?”. Разве от базара что укроешь? Бойся, если базар на тебя печать поставит, но вдвойне бойся, если эту печать сдирать будут, чтобы другую шлёпнуть. С кожей сдерут, до смерти не очухаешься.

Служебная переписка

07.02.1982 г.

Фергана, УВД
Лаборатория
криминалистики
Сухорукову

Служебное письмо

(с нарочным)

Прошу определить производственную принадлежность краски, предоставляемой на экспертизу, а также её предполагаемого изготовителя. Дело оперативное, прошу ускорить.

Фергана, УКГБ
Чуйкин

Служебное письмо

(с нарочным)

07.02.1982 г.

Фергана, УКГБ
Чуйкину

Краска, в количестве 3 грамм, полученная лабораторией в полиэтиленовом пакете, является типографской и предназначена строго для полиграфических целей. На предприятиях СССР типографская краска

подобного состава, цвета и наполнителей не производится. Предположительно, странами-изготовителями данной краски могут быть Финляндия, Западная Германия. В СССР подобная краска отпускается специализированным предприятиям по строго лимитированным объёмам.

Фергана, УВД
Сухоруков

Служебное письмо

(с нарочным)

07.02.1982 г.

Фергана
Областная типография
Рыжулину

Направляем с нарочным краску, которая определена как типографская. Прошу ответить на следующие вопросы:

1. Применяется ли подобная краска в подведомственных вам типографиях?

2. Если применяется, то где?

3. Откуда областная типография получает цветную краску для своих нужд?

4. Можно ли приобрести краску в свободной розничной продаже?

Фергана, УКГБ
Чуйкин

Служебное письмо

(с нарочным)

07.02.1982 г.

Фергана, УКГБ
Чуйкину

На поставленные Вами вопросы отвечаю незамедлительно.

1,2. Типографская краска красного цвета имела в наличии до 1980 года. Использовалась для печатанья афиш и нужд театра. На сегодняшний день в наличии имеется только синяя, зелёная и чёрная краски.

3. Типографская краска любого цвета поступает централизованно, с оптовых баз города Москвы. Краска красного, синего и зелёного цветов поступила к нам с вышеупомянутой оптовой базы в пластиковых бочках, объёмом по 50 литров. На этикетках указано: "произведено в Финляндии". Этикетки прилагаются.

4. Ввиду особых свойств, типографскую краску нигде, кроме типографий, использовать нельзя. Поэтому в розницу она не поступает.

Фергана
Облтипография
Рыжулин

С утра на базаре толкалось больше оперативников, чем покупателей. Каждый был снабжён фотографией предполагаемого владельца краски. По фотографиям же осведомители подсказали, что живёт он в посёлке Бетбола, только живёт на самой окраине, как бы на хуторе, и земли у него в усадьбе много больше, чем у русских. А зовут его Узбек. Вообще-то имя другое, но русским проще говорить "Узбек" и он им разрешает так его называть, потому что национальность его — узбек.

Ещё вчера оперативники Чуйкина всё облазили, установили, что да, живёт здесь Узбек, вот его дом, вот огород. Узнали, что половину огорода он как бы арендует у бастыка Хасана и ему весь урожай отдаёт, себе мало берёт. Понятно стало, что Узбек не печатник, а бишара²⁴.

²⁴ Бишара — от русского "бичара, бич", наёмный работник, низшая каста.

Но всё равно нервничали. Вдруг спугнули? Не Узбека спугнули, а тех, кто так неосмотрительно обошёлся с краской.

Однако в семь часов утра Узбек, как ни в чём не бывало, подкатил на двух ослах с повозками к прилавку Ахметова:

— Эй, хозяин, дыни возьмёшь?

Древняя неприязнь казахов к узбекам как заноза сидела в Ахметове:

— Эй, Узбек! Опоздал совсем! Эй, теперь дешевле возьму! Ты, Самохин, грузи, а ты, Пашин, считай!

Дыни, как и прежде, были затянуты в синтетическую сетку и, главное, имели на боках красные пятна.

Если бы знал бедный Узбек, какой тайной мощи механизм он включил своими дынями! Работали японская видеокамера, две советских кинокамеры, полдюжины фотоаппаратов, столько же магнитофонов.

— Какая красивая сеточка! — восхитился Самохин.

— Эй, где взял? — строго спросил Узбека Ахметов.

— Сосед мой, Петя, на складе работает, где овощи сохраняют, знаешь? Портят только. Им много такой сетки привезли, он мне отрезал. Со всем хороший человек. У него пять детей. У меня семь. Надо соседу помогать, правильно, эй!

— А какая краска красивая! Сам придумал так дыни метить?

— Конечно.

— Краску тоже Петя дал?

— Нет. Другой сосед. Напротив меня живёт. У него красивая бочка есть, — Узбек показал руками бочку литров на пятьдесят, — я у него попросил, он мне краски налил. Красиво получилось, да?

Получилось, конечно, красиво. По всему выходило, что “сосед напротив” только хранит краску. А типография размещена в другом месте.

— Мне этой краски купи, — наступал Ахметов.

— Эй, со всем сердцем тебе помогу. Чего хочешь проси. Свою краску отдам, а у соседа уже краски нет!

Ахметов аж лицом потемнел:

— Как нет?

— А люди приезжали, увезли. Им, наверное, много надо.

Дыни были разгружены, деньги отданы. Ахметов повёл Узбека в чайхану, со всех сторон подбирался, но выяснил только, что краску увезли ещё до русского Нового года, а куда, Узбек не знает. А если Ахмет-агатай ещё дыни захочет купить, Узбек ему только два воза привезёт. Больше нету.

Узнав, что краску увезли, Чуйкин дал команду своим оперативникам под видом электромонтёров проверить, осталась ли бумага во дворе у Разумовских?

Ему доложили, что бумаги у Разумовских нет.

23. Неприятности оперативного порядка

Вечером домой к Ахметову заглянул Чуйкин с двумя быстроглазыми оперативниками. Самохин растопил дрова в мангале, наготовил углей. Ахметов распорядился насчёт водки и мяса.

Хорошилова и Кучкина оставили на улице — машину Чуйкина сторожить, мясо жарить. Да и лишние люди за деловым столом ни к чему.

Первую стопку выпили за хорошие отношения. Чуйкин, быстро жуя горячее мясо, проговорил:

— Будь моя воля, я бы организовал ложный побег заключённых, солдат бы нагнал целый полк. Ни одна машина мимо бы не проскочила. Обнаружили бы враз этот проклятый станок!

— Станок можно разобрать и в рюкзаках унести. Солдаты не догадуются. Нам же нелегальные печатники нужны, — отозвался Пашин.

— В рюкзаках? Вот дьяволы! — удивился Чуйкин, — всё умеют сделать, когда захотят! А люди... Ты прав, Пашин, люди похитрее железа. Но их в рюкзаках не носят, найдём!

Вторым кругом выпили за то, чтобы нервы беречь и не торопиться. Выход всегда есть.

Хорошилов занёс очередные шампуры с шашлыком.

— Хорошилов, а ты, наверное, теперь домой поедешь, и друг твой тоже. Доволен?

— А как же, гражданин Чуйкин, доволен, обязательно.

— Ну иди, — махнул Чуйкин, — порадитесь там.

Задумчивый Пашин проследил, как разливают водку:

— Может, мы зря тормозим? Может, они стянули краску, бумагу в одно место и сейчас печатают свои Евангелия, только брызги летят?

Хорошилов заглянул снова:

— А как мы поедем — по этапу или... свободно?

— Это как Москва решит. Думаю, чего им с вами возиться, поедете своим ходом, как свободные люди в свободной стране!

Хорошилов подумал немножко, стоя в дверях. Он вспомнил своё мыканье по чужим углам в Сибири, как пятнадцать лет стоял в очереди на государственную квартиру. Подумал и твёрдо сказал:

— Завтра, в воскресенье, мы снова пойдём в Дом молитвы. И потихоньку будем всех расспрашивать, может, кто срочно дом продаёт. Скажем, что Хозяин надумал жениться, ему дом надо. А при покупке дом всегда осматривают. Вот и посмотрят ваши люди, чего от прежних хозяев осталось. Обычно много разного хламу остаётся...

Чуйкин крикнул:

— Молодец! Если дело выгорит, я тебя самолётом, за свой счёт хоть на Луну отправлю!

Тогда Хорошилов виновато сообщил, что Кучкин просит разрешения стакан водки выпить. Надо дать человеку, хорошо поработал, устал.

Ахметов заорал:

— Может, он ещё вместо меня здесь сядет?

— Помолчи, — рявкнул Чуйкин, — сказано, устал человек! — он протянул Хорошилову початую бутылку, где оставалась добрая половина водки. — Только тихо там! А то отправлю домой дальним этапом, месяц в зарешечённом вагоне ползти будете!

Хорошилов не уходил:

— Ещё пару сигарет.

Молодой оперативник кинул ему начатую пачку, и только тогда Хорошилов исчез в темноте, плотно прикрыв дверь.

Самохин снова наполнил стопки и, убирая пустые бутылки, спросил Ахметова:

— Ты чего сегодня смурной? Чаю недопил в чайхане?

— Сам не знаю, как понимать. Сегодня бастык Хасан подошёл... Сам за прилавок ко мне подошёл! И говорит: "С завтрашнего дня за торговое место в три раза больше платить будешь!".

— Ну, мы ему рога обломаем, — отмахнулся Чуйкин.

— Ещё не всё. В чайхане меня не так встретили. С разговорами не подходят, а чего сам спрошу, только “да”, “нет” отвечают. Чувствую я, базар против меня, а отчего?

Чуйкин зло скривил губы, оба узбекских оперативника сочувственно покачали головами.

— Ты засветился! — угрожающе сказал Чуйкин, — думай, где засветился! Впрочем, чего думать. Радию дай!

Молодой оперативник отцепил от брючного ремня радиостанцию, но передать не успел. Она запикала сама, вызывая пирующих.

Быстрый узбекский говорок что-то сообщил Чуйкину. Можно было уловить только фамилию: “Разумовский”.

Чуйкин перевёл:

— Сегодня утром все Разумовские: отец, дядя, сын уезжают в горы. Уже грузовик пригнали, грузятся. В горах у них пчёлы зимуют, вроде ничего подозрительного. Только рано они собрались. Ещё почти месяц до вывода маток. Сыплется на нас, братцы, всё дерьмо, как град на виноград. И чего мы прошляпили?

Он вызвал по радиии оперативного дежурного, и снова зазвучала быстрая речь, только имена звучали другие: “Хасан”, “Тохтарбай”...

Диалог был короткий, и Чуйкин, закончив говорить, долго молчал.

Тут Хорошилов с сигаретой в зубах внёс очередную порцию шашлыков.

— Ты чего? — заорал на него Самохин, — ты же баптист, едрёна кобыла! Выбрось сигарету сейчас же!

— А я у ослов под навесом курю, никто не видит.

— У ослов он курит! а унюхают завтра?

— Не унюхают!

— Молчать! — устало скомандовал Чуйкин, — иди, Хорошилов, к ослам, пусть следующее мясо Кучкин занесёт.

— Он спит уже, — весело ответил Хорошилов, — он только стакан хлебнёт, так спит. Но к утру будет свежим, гражданин начальник.

— Брысь! — рыкнул Чуйкин, — распустили вам вожжи!

Хорошилов исчез. А Чуйкин враз протрезвел, вроде и не пил совсем:

— Опознали тебя, Ахметов. Один из подручных Хасана опознал. Он у него после лагеря пристроился. А брал его ты, в Алма-Ате, в 1977 году, по золотовалютному делу. Помнишь?

— Садык?

— Он.

— Зарежут они меня. Точно зарежут!

— Поэтому сиди дома, никуда не выходи. Мои орлы теперь твоё тело круглые сутки стеречь будут. А твои “баптисты” пусть торгуют в обычном режиме. Очень любопытным покупателям пусть радостно докладывают, что ты уехал за товаром и вернёшься через неделю. Но мы денька за три закончим, я думаю. Я всё село переверну, но узнаю, где типография. Всё! По последней!

Выпили мрачно, просто так, чтобы выпить и распрощаться.

Ахметов распорядился перетащить в дом бесчувственного Кучкина, самолично проверил все крючки и запоры в доме. Самохин с Пашиным улеглись спать. Ахметов воткнул в стол большой нож, пил водку и бормотал всякую несуслаицу. Ну пил, ну и что? Ему завтра не на работу.

Ему надо прятаться завтра и ещё три дня, как суслику. А может, всю жизнь доведётся прятаться, а?

24. Большая покупка

— Ты у бабулек, у бабулек спрашивай, — шептал Хорошилов Кучкину, — бабульки больше знают.

Они в воскресенье пораньше приехали в Дом молитвы, чтобы у братьев и сестёр по вере выпросить: никто поблизости дом не продаёт?

— Наш хозяин жениться задумал, а нас отселить, — жаловался Кучкин, — дом купит, на меня запишет, а с меня возьмёт расписку, что должен Кучкин Ахметову 10 тысяч рублей. И я у него до гроба в долгу.

Но не бабки и не деды помогли бедолагам.

Молодой русский парень, ещё жизнью не трёпанный, отвёл их в сторону и сказал, что тут недалеко освободился хороший дом. Пол деревянный и печка небольшая есть. Согласен проводить, показать. Там пожилая пенсионерка с дочерью полгода квартировали, но три дня назад они съехали. Дом принадлежит парню, отец в наследство отписал. Только парня весной в армию заберут. А после службы он сюда не вернётся, в Сибирь поедет, деньги заколачивать. Так что отец разрешил дом продавать. Чего дому без хозяев гнить?

У Хорошилова захолонуло сердце. Есть! Сработала его идея! Значит, скоро освободят они с Кучкиным души и полетят по своим домам!

Но идти самим осматривать покупку никак нельзя. Чего они в разведке понимают? Надо звать сюда этих...волкодавов, на кого они работают. Пусть они щупают, нюхают. Кучкин, глядя парню в глаза, жалостливо заныл:

— наших братьев Хозяин сегодня не отпустил на молитву. Мы без братьев зачем будем смотреть? Нам с ними жить. Давай мы все вместе дом посмотрим, ладно? В шесть часов вечера на этом месте встретимся, хорошо?

— Хорошо, — согласился парень, — но вы долго не думайте, а то уже другие покупатели есть.

Они разошлись. Ради скорости Кучкин и Хорошилов примчались на базар на такси.

— Нашли дом, по рожам видно, — сказал Самохин, манипулируя гирями.

— В шесть часов вечера смотрим!

— В шесть так в шесть, — сказал Пашин, — адрес дома узнали? Не узнали? Ну и лопухи! Получите сейчас и в хвост, и в гриву! Ахметов злой, как бык без стада. Вы домой направляетесь?

— Домой, а что?

— Потихе топайте, а то охрана Ахметова дырок в ногах наделает.

— Могут и в голове сквозняк устроить, — мрачно сказал Самохин, — на сегодня пароль: "Мы от Ивана Ивановича".

— Могут и в голове, — подтвердил Пашин, — на всякий случай пригibasйтесь. На открытых пространствах.

Хорошилов и Кучкин чуть не бегом запылили в сторону дома. Кучкин и дыню забыл купить, хотя деньги на неё приготовил.

Дверь в дом и правда оказалась закрытой. Кучкин тихонько постучал.

— Кто? — спросил незнакомый голос.

— Мы от Ивана Ивановича! — пискнул Кучкин.

Лязгнул запор, двери открылись. На пороге стоял здоровенный оперативник, на этот раз — русский.

— Какого, мля, Ивана Ивановича?

— Да это Самохин всё шутит, мерин некованный, — раздался из глубины голос Ахметова, — это свои, Петя.

— Свои? — прогудел оперативник, — тогда заходите.

Он снова лязгнул задвижкой и протопал в зал.

Второй охранник Ахметова тоже был русским, тяжеленным, медлительным детиной. Они втроём резались в карты.

— А мы нашли!

— Чего? — уставился на них Ахметов.

— Дом нашли, который продаётся. Завтра бы его купить — и всё, можно на свободу с чистой совестью!

Ахметов засуетился. Он вырвал рацию из рук старшего, когда его соединили с Чуйкиным.

— Нашли дом, нашли! Надо покупать! — заорал он в микрофон, — деньги я дам!

— Ничего покупать не будем, — раздался в ответ спокойный голос Чуйкина, — я скоро заеду и всё объясню.

Через час в доме Ахметова собрался целый взвод специалистов разного профиля. Ахметов настаивал дом купить и за ночь раскатать по брёвнышку, по кирпичику.

— Москве нужен результат! — орал ему в ответ Чуйкин. — Ты соображаешь, что начнётся, если в этом доме пять гвоздей торчат, а типографией и не пахнет? Тем более адреса не знаем, хозяина дома не знаем, пенсионерка с дочкой во временной прописке не числится! В постоянной прописке тоже нет безродных пенсионеров! Агентура хренова! А испугается этот парень, не придёт на встречу? Верёвки тогда мылить будем? Петли себе вокруг шеи вязать?

Вмешался узбек в штатском, с жёстким лицом большого милиционерского чина:

— Не горячись так, Самат. Маленькая зацепка есть — большую сделаем. Организуем милиционерскую операцию. Запустим три сотни человек по всем домам посёлка, допросим каждого жителя. Будет Москве результат. Мои орлы обязательно в клювах чего-нибудь притащат.

— А может, действительно это случайный дом, — усомнился тихий очкастый человек в штатском, — зачем горячку пороть? Вечером сходят, посмотрят, доложат. У нас не одна такая операция. А грохотом мы других баптистов спугнём, по которым работаем. Считаю, что действовать надо тихо, в рамках правил проведения секретных оперативных мероприятий.

Присутствующие утихли: говорил новый начальник УКГБ по Ферганской области.

— Вам, конечно, никто не запрещает, — обратился он к милиционерской чину, — провести тщательную проверку паспортного режима. Покупать дом, деньги тратить необязательно. Вы, генерал, самых тупых сержантов напустите на продавца дома. Пусть отволокут его в отделение милиции, подержат в подвале до утра. А наши криминалисты за ночь управятся.

— Успеете за ночь? — спросил Чуйкин.

— Так точно, успеем, — подтвердил пожилой человек с бородкой, представляющий криминалистов, — у меня, товарищ генерал, просьба. Пусть нам выделяют для маскировки машину “скорой помощи”, а белые халаты у нас свои найдутся. Может, одному покупателю станет плохо с сердцем, а мы тут как тут. Всё реально, всё законно. Можно всю ночь человеку сердце лечить, никто плохого не подумает. Ещё спасибо скажут.

Начальник УКГБ поднялся с подушек, прищурил свои узкие глаза:

— Итак, решено! В 18.30 — начало проверки паспортного режима. В 18.45 задержание продавца, в 19.00 — “скорая помощь” с криминалистами.

— А наша группа? — спросил Чуйкин.

— А вы, как всегда, на острие копыта. То есть горящего розыска. Приступайте!

Ровно в шесть часов вечера “братья по вере” подошли к Дому молитвы. Но продавец дома отсутствовал. На улице отмечалась непривычная тишина и безлюдность.

Самохин раздосадовался:

— Эх, лопухи! Хотя бы улицу знать, всё легче человека найти. А сейчас что, плясать прикажете? Или по-пластунски вдоль заборов домой ползти? Через полчаса здесь начнётся пришествие Антихриста, а мы торчим тут, как попки. Родная милиция думать не будет, заметёт нас до утра в чистые и светлые подвалы...

Но парень не подвёл. Он прикатил на велосипеде, а это значило, что придётся топать, и топать немало. Ещё это значило, что парень маскируется, но маскируется неуклюже, с ним никто серьёзный не работал. А тогда и дело может выйти пустое, несерьёзное. Случайный дом, получается, разведчики хреновы надыбали!

— Далеко нам топать? — вежливо спросил Пашин.

— На самый край посёлка.

— Там узбек рядом не живёт, дыни не выращивает?

— Живёт, а что?

— Да так, мы его дынями торговали. Хорошие дыни.

Хорошилов подмигнул Кучкину: пока всё сходится!

Идти пришлось больше получаса. На углах улиц уже кучковались милицейские посты, мимо проехал автобус, набитый людьми в форме.

— Чего они? — парень остановил велосипед, начал нервно оглядываться.

— Может, облава, из тюрьмы кто сбежал, а может, учения, — безмятежно произнёс Самохин, — шевелиться надо иногда, иначе за что они деньги получают?

Слава Богу, автобус с милиционерами свернул, и улица опустела. Наверное, “наружка” милицию предупредила, что начало операции сдвигается.

Дом стоял на крайней улице. Действительно, вполне приличный дом, свежепобелённый. И дувал известью обработан, что считается особым достатком.

Парень достал связку ключей, отомкнул высокую железную калитку, потом входную дверь в дом:

— Ну, смотрите. Только побыстрей.

Кучкин сделал шаг вперёд и вдруг натурально завалился на бок, схватился за сердце.

— Сердце, — умирающим голосом просипел он.

— Чего стоишь? — заорал на парня Самохин, — жми к телефону, “скорую помощь” вызывай!

Пашин быстро расстегнул Кучкину пиджак, под голову сунул древнюю липкую подушку.

— Телефон только в городе, — беспомощно засуетился парень, — в город я не поеду, далеко! И вас одних мне отец не велел оставлять.

— А врач поблизости есть?

— Да какой врач? Тут каждый сам себя лечит.

— Ну куркули! Самохин! Беги на улицу, останавливай любую машину! Человек умирает!

Самохин выскочил на улицу. Он знал, что автомашина “скорой помощи” с криминалистами должна подойти по расписанию через пять минут.

По улице уже шастало достаточно людей в форме и в штатском. И возле дома стояли двое, дожидаясь сигнала.

И дождались.

Они вошли вслед за Самохиным, представились и попросили у присутствующих документы.

У парня, как и предполагали, документов не оказалось.

— Вынуждены вас задержать для выяснения личности.

Парень сильно испугался:

— Я этот дом не могу бросить, это мой дом! Меня зовут Сергей Романов. У меня паспорт есть, он у отца!

— Повторяю! Гражданин Романов, вы задержаны за нарушение паспортного режима! Сержант, уведите! Дом останется под охраной милиции. Мы всё опечатаем. Дайте ключи!

Парень безропотно отдал ключи и поплёлся за сержантом на улицу. Навстречу им неслась белая машина, разрисованная красными крестами.

Конечно, Сергея Романова сразу задержали и до утра не отпустили. Он всю ночь просидел на бетонном полу в подвале районной уголовки, среди всякого сброда. Только утром его вызвал следователь и сказал, подавая паспорт:

— Ваши данные установлены. А теперь садитесь и пишите объяснение: кому, когда и на каких условиях вы сдавали жилой дом, принадлежащий вам по наследству? И почему не прописали временных жильцов? Всю правду пишите, а то придётся вам жить в нашем подвале.

Сергей Романов, путаясь и зачёркивая, исписал пять листов. Написал, что в принадлежащем ему жилом строении жила полгода тихая старушка Наталья Петровна с незамужней дочерью, за квартиру платила исправно. Дочь мало кто видел. Говорили — болеет. Иногда приезжали навестить старушку племянники да другая родня. Вот и всё. А насчёт прописки старушка сама хлопотала и сказала, что всё в порядке. Он, Романов, ей поверил. Пожилая женщина, как ей не верить?

— Ладно, Романов, и я поверю твоей писанине. Сейчас дуй домой и жди повестку на административную комиссию. Заплатишь штраф, получишь паспорт и ключи от дома. Распишись.

Романов быстро расписался и кинулся к двери.

— Больше ко мне не попадайся, штрафом не отделаешься! — крикнул вдогонку следователь.

— Не попадусь! — донеслось из-за двери.

25. Следопыты невидимой службы

Сначала действовали криминалисты. Они сняли все отпечатки пальцев на дверях, на посуде, на окнах.

Потом затренькали и заскрипели приборы.

Пол, стены, потолок в трёх комнатах дома приборы скребли, нюхали и лизали. Хорошилова и Кучкина отослали домой на дежурной машине, чтобы отдохнули и всех этих чудес, на всякий случай, не видели.

Самохин и Пашин вышаривали каждый закуток, переталкивали с места на место небогатую мебель. Они доверяли только своим глазам и рукам.

К рассвету все умотанные, но довольные, дремали на полу и ждали Чуйкина. Он примчался около семи часов утра.

Оперативники перед ним выложили блок скрепок для степлера, кусок газеты, залитой веществом вроде клея, два пустых двухлитровых флакона с остатком содержимого на дне.

Бородатый глава криминалистов передал Чуйкину листок с перечнем веществ, обнаруженных в доме. Чуйкин жадно стал читать вслух:

— Калий, натрий, силикон, кислота ортофосная...

— Ортофосфорная, — поправил бородатый.

— Чего ты мне подсунул? Заключение где?

— Заключение мы у себя в конторе напишем и вам передадим. Дальше читайте.

— Да катись оно шайтану в задницу! Мне заключение надо — была здесь типография или нет?

Бородатый взял у него из рук листок, прочитал сам:

— Переплётный клей, типографская краска четырёх цветов...

— Вот-вот что мне надо!

Молодой сотрудник передал Бороде кипу длинных узких бумажек, исчерканных кривыми загогулинами. Борода сунул их Чуйкину:

— Вот. Здесь всё. Когда упала капелька на пол, что за капелька, где изготовлена... Нам же время нужно это расшифровать! Москва день-два ещё потерпит...

Чуйкин, когда увидел, сколько сделано, ничуть на подначку не обиделся:

— Вы мне прямо скажите — была здесь типография?

Борода всё равно осторожничал:

— Могу только сказать, что здесь производились химические процессы, часто или постоянно применяемые для нужд офсетной печати.

— Да, была, была типография, — встрял в разговор Самохин, — только опять упустили!

Он "на сладкое" приготовил сюрприз Чуйкину: неправильно сброшюрованный "Бюллетень совета родственников узников ЕХБ". В спешке нелегальные полиграфисты перепутали страницы, исправлять не стали. Бросили в подполье и присыпали землёй.

Чуйкин рванулся было в подполье.

Его остановил Пашин:

— Мы там на полметра всё перелопатили. Вы лучше эту статейку из "Бюллетеня" прочтите, на пятой странице. Ладно, я сам прочту:

"Освобождены:

Условно-досрочно

1) Хорошилов Виктор Кузьмич, 55 лет (г. Бердск)

2) Кучкин Олег Ефимович, 38 лет (г. Каскелен)"

— Обратите внимание на номер, дату и город, где выпущен "Бюллетень".

Чуйкин посмотрел и сказал "ну-ну". А там стояло: "№ 101/1/ город Москва". То есть выпущен тираж якобы в Москве, в январе 1982 года.

Чуйкин рывком ослабил галстук:

— Если в Москву тираж попадёт, отпилят мне звёздочки на погонах. Тупым ножом отпилят, в тёмном уголке на Лубянке, на третьем этаже.

Присутствующие понимающе похихикали.

— Короче, потерянная типография — наш прокол или совпадение? Давайте версии! — распорядился Чуйкин, — у меня в 9.00 доклад генералу.

Встрял Борода:

— Товарищ полковник, нас отпустите, а то возни с материалами много, можем не успеть.

Чуйкин согласился:

— Поехали по базам! А ты здесь запришь. Ключи у тебя?

Оперативник в форме милиционера показал ключи.

— Замкни всё и жди. Я человека с печатью пришлю, пусть везде печатей нашлёпает.

В доме у Ахметова всё та же была картина: он и два охранника резались в карты. Хорошилов и Кучкин отправились торговать. Охранников выставили во двор и стали сочинять версии. Никому не хотелось и думать, что вся гигантская полугодовая работа сотни человек, тем более работа, контролируемая Москвой, сорвалась по их вине.

— Может, эти перевёртыши своим баптистам о нас лягнули, — сказал Ахметов, имея в виду Хорошилова и Кучкина, — не верю я, что за день из баптиста родится атеист.

— А может, наши службы прокололись? — спросил интеллигентный Пашин, не терпящий в работе лавирования и фальши, — слишком грубо взяли баптистов, которые нас проверяли в Алма-Ате. Меня, Самохина, Кучкина здешняя община проверяла, помните? Подбросили верующим анаши, арестовали, посадили. Грязно сработали ...

— А я думаю, что мы имеем дело с блуждающей типографской точкой. Сегодня она здесь, а завтра — в Сибири, — решил успокоить себя Чуйкин, — я все милицейские бумаги после вчерашней облавы изучил. Так и выходит: старушка жильё прикрывает, “дочка” печатает, “родственнички” сырьём снабжают и готовую продукцию вывозят. Потом тихо в другой регион переезжают. На зарплату спорю, что действует блуждающая точка!

— А как тогда непрерывное снабжение обеспечивать? Что, создавать бумажные и лакокрасочные склады по всему Союзу? — не сдавался Пашин, — это не карандаши в портфельчике возить! Это сложнейшее производство, какого и в Москве нет. Я лично считаю, мы прокололись на нашей проверке. Спугнули их. И куда они теперь залягут? Снова надо полгода искать!

Ахметов чуть не завыл от бешенства:

— Опять ушли, опять мне полковник... повышение не подпишет!

— Заткнись, — прикрикнул на него Чуйкин, — я руковожу здешней операцией, я и отчёт буду писать. И Москве, и твоему полковнику тоже. Ты всё грамотно организовал, успокойся. У нас трое суток есть на подготовку отчёта Москве. И ещё три дня на сворачивание дел. Ещё пободаемся! Я вечером одного хитромудрого человека навещу, давно с ним не советовался. Он уже по мне успел соскучиться.

Служебные документы

15.02.82 г.

Особо секретно

Москва, КГБ

Быстрову

Служебная записка

Источник “Клён” сообщает, что четыре дня назад неустановленным способом транспортировки из Ферганы была вывезена нелегальная типографская точка. Предположительно, в сторону городов: Ташкент, Джамбул, Алма-Ата. Причиной провала “группы проникновения”, работающей по делу “Дыня”, источник “Клён” считает скрытную деятельность директора ферганского колхозного рынка Хасана Усман-ходжа,

направленную на дискредитацию карательных органов и усиление личного влияния среди верующих различных конфессий, в том числе и баптистов-нелегалов. Источник “Клён” оценивает провал операции “Дыня”, как случайное совпадение обстоятельств, не влияющих на высокое качество работы “группы проникновения”.

Москва, КГБ
Петров

26. Бастык Хасан и метис Чуйкин

Чуйкин, пока ехал в управление, думал о постороннем. Вот он — метис: отец русский, мать узбечка. Раньше такие браки поощрялись, а теперь он чувствует, как будто от одних ушёл, к другим не дошёл. Раньше он на своём происхождении быстро делал карьеру. Ждал, что вот-вот станет начальником всего управления КГБ по Ферганской области. А нынче обломилось.

Начальником управления, на удивление всем, назначили человека из ЦК Компартии Узбекистана. И что самое удивительное, узбека. Хотя раньше пост начальника управления КГБ традиционно занимал русский. Они почти все ключевые посты занимали, эти русские. Или эти метисы, ухмыльнулся про себя Чуйкин. А пришёл в КГБ СССР Андропов и стал всё менять, стал поднимать местные кадры, чистокровные. Стал на руководство ставить непрофессионалов из партийных органов, но только не русских. Значит, политика его такая, далеко метит. Вот сейчас, через десять минут ему, Чуйкину, собаку съевшему на нервном сыском деле, надо идти к начальнику управления, говорить с ним только по-узбекски, и объяснять, почему провалилась операция. Как объяснять, если нет в узбекском языке слов “переплётный клей”? Нет! Есть 70 обозначений лошади, а переплётного клея нет. Но этот... тихий начальник, в очках, будет терпеливо ждать, какие слова придумает Чуйкин для объяснения слова “клей”. Час будет ждать! Нельзя ещё по-узбекски сказать “переплётный”, потому что образуется понятие “плётка, камча или юрта”. А сам начальник по-русски чешет на общих собраниях, только ухо подставляя. Когда назначили этого начальника, по утрам стало мучительно Чуйкину вставать, умываться, бриться. В брюхе каждое утро ощущение, будто снегу натолкали. И когда в управление дверь открываешь, как в ледяную воду прыгаешь. И стал Чуйкин выпивать больше обычного. Вроде дома или на проверенной стороне выпиваешь, вроде с верными людьми, но никак не скроешь это дело. Так что не быть ему начальником управления. Никогда.

— Ну и чёрт с ним, — вслух сказал он по-русски. Шофёр даже головы не повернул. Правильный малый, потому что — русский.

Машина въехала в ворота управления, и Чуйкин прошёл к себе в кабинет. На часах ещё не было девяти. Нет, определённо что-то меняется. Вроде в государстве тишь да благодать, за мир боремся, крепнет дружба народов, а штат Управления вырос в полтора раза. И милиция расширяется. Тут не вялая рука Брежнева чувствуется, тут железные руки за государственный руль ухватились. И кроме Андропова, таких рук ни у кого нет. Да, задачка! Как себя поставить? Я, метис Чуйкин, знаю, как одним махом накрыть эту типологию. И кто поможет её найти, знаю, а дальше что? Добиваться перевода в Ташкент или даже в Москву? Здесь ему начальником не быть. А в Ташкенте? Там сначала назначают начальником отдела, а таких начальников там пруд пруди! И потопашешь через год на пенсию полковником. Но в столице республики! А в Москву уже не поднимусь — возраст не тот. И вообще стану я работать как работал, а думать за меня есть кому. Есть пара верных людей в

ЦК Компартии Узбекистана, на самом верху. Помогут, прикроют. А в спецслужбе я себе прочно место забил. И хрен я “коллегам” Хасана отдам. На пенсию пойду или куда переведусь, всё равно бастык Хасан исключительно на меня работает. И знает об этом только писарёнок, что в спецархиве сидит, секретные папки подшивает. Но он, если слово сболтнёт, пятнадцать лет тюрьмы себе обеспечит. Подписку давал.

Бастык Хасан не был поражён или озадачен, когда ему через доверенного человека передали, что вечером подъедет “Метис”. Он, конечно, знал, кто этот “Метис”. И где он живёт, и какую зарплату получает, знал, но делал вид, что не знает. Иначе нельзя. Будешь, иначе, в ларьке гнилыми помидорами торговать и семью одними лепёшками кормить. Хасан в молодости так начинал и знает, что такое нож у горла, и половину денег из кассы — отдай в волосатую руку. Один раз он закрылся в ларьке изнутри и не пустил тех, что вечером приходят за деньгами. Тогда ему разбили зарешечённое стекло в ларьке, плеснули внутрь бензина и следом бросили горящую газету. А снаружи дверь ларька подпёрли ломом. Как здорово Хасану повезло, что “Метис”, тогда тоже молодой, искал кого-то на базаре. Он сразу всё понял, но милицию не позвал, кричать не стал. Он этих двоих в сторону отвёл, где лампочка горела, и показал удостоверение. И сказал, что Хасан его брат. И всё. На следующий день Хасана вызвали к директору рынка. Тот был так, мелкий человек, не понимал людей на базаре, а умел только жрать. И Хасан получил целый торговый ряд, чтобы собирать с торговцев лёгкую дань и вечером половину денег отдавать директору рынка. Сначала Хасану было неудобно перед земляками, но потом он понял, что лучше обирать земляков, чем гореть в железном ларьке. Да и земляки ему легко деньги давали, понимали, что он, Хасан, просто рука директора рынка, не более. У него таких рук много было.

А потом “Метис” сказал Хасану: деньги в семье есть, значит иди учись. Хасан закончил торговый техникум, а потом институт. Эх, много можно сделать, пока молодой! После института его назначили заместителем директора рынка. А когда Брежнев начал чистить руководящие кадры, “Метис” сказал: напиши мне заявление на своего директора. Хасан понял, что надо платить за свою спасённую жизнь, и заявление написал. Директора посадили, и посадили надолго, а когда он вышел, уже Хасан был директором рынка, и был на такой высоте, что никому не достать.

Только “Метиса” он не сумел купить. Все брали деньги, а “Метис” брал то ящик яблок, то мешок дынь. Или муки мешок домой занесут, пока его нет. И всё. “Метис” тоже стал большим человеком. Хасан сам, по своей воле, кучу денег отвёз в Ташкент, в ЦК Компартии, чтобы “Метиса” повысили в должности. Потому что Хасан его боялся. С того вечера, когда он двоих громил одними словами заставил убежать в темноту, Хасан его боялся.

И вот сегодня “Метис” придёт к Хасану. Зачем? За десять лет он был у Хасана два раза, и оба раза он приходил за людьми. И Хасан своих людей ему отдавал. Потому что много чего наворочали эти люди в государстве, прежде чем у Хасана спрятаться. А раз их нашли, Хасан не виноват! Если сегодня “Метис” придёт за людьми, интересно, кого он попросит отдать?

— Ага тай! — в кабинет осторожно просунулась голова приближённого, — в комнате для гостей всё готово. “Метис” едет один, на служебной “Волге”. Сейчас во двор заедет.

Хасан запахнул старый любимый халат, надел стоптанные тапочки и пошёл встречать опасного гостя.

Они молча поздоровались за руки, потом сели друг против друга за обычным столом из простого дерева. Половину стола занимали бутылки с достойными напитками, вазы с фруктами, пустая посуда под будущую закуску.

Хасан приподнял над столом бутылку водки. Чуйкин кивнул. Выпили по рюмочке. Закусили нежным овечьим сыром ручной выделки.

Во дворе готовился шашлык из молодого козлёнка.

Чуйкину меню ужина доложили ещё в обед, но он не хотел Хасана обижать своим знанием. В гостях на Востоке принято удивляться. И когда занесли первые шампур, Чуйкин долго головой качал от восторга и удивления.

Вторую выпили под нежное, томлённое на углях мясо. И гость начал разговор. По обычаю:

— Я за людьми пришёл, Хасан.

У того дрогнуло внутри только что проглоченное мясо с водкой, но лицо улыбалось:

— Пиши расписку.

— Какую тебе ещё расписку?

— Обязуюсь, что Хасан до пенсии директором рынка проработает, тогда отдам людей.

— Мне твоих людей не надо. Мне надо тех, что жили в посёлке Бекдала, на конечной улице. И четыре дня назад внезапно исчезли.

Он выпил. Хасан молчал.

Чуйкин не обедал как следует и не ужинал, поэтому мясо с его шампуров исчезало быстро.

Наконец Хасан заговорил:

— Они верующие?

Чуйкин кивнул.

— Конечно, верующие, — неторопливо стал рассуждать Хасан, — там же одни русские живут да немцы. Я любую веру уважаю и людей, кто верит, уважаю. И мои уста запечатаны, Метис.

— Тогда, Хасан, выпей со мной ещё рюмочку и распечатай свои уста. Так надо, тебе и мне. Нет, наоборот: мне и тебе!

— Они убили кого-нибудь? — спросил Хасан.

— Нет.

— Хотят убить?

— Нет.

— Чем они занимаются?

— Тайно печатают нелегальную божественную литературу и клевету на советский строй.

— То есть, печатают правду?

Чуйкин помолчал, воспользовавшись тем, что жевал горячий шашлык. Врать Хасану нельзя.

— Да, — наконец сказал он, проглотив мясо, — но не так всё просто. Бывает моя правда, но есть и твоя правда. Согласен?

— Согласен. По твоей правде они должны убегать, а ты их — ловить. А по их правде?

— А по их правде я должен читать Евангелие, работать кочегаром, не смотреть телевизор, не читать газеты, не ходить в кино. Каждый месяц отдавать им часть зарплаты, а по средам и воскресеньям должен полдня стоять на коленях в Доме молитвы. Не пить, не курить, не материться, само собой.

— Отлично. Это жизнь праведного человека!

— Это жизнь дыни!

— Да? Получается, что я, бастык Хасан, дыня? Я пятикратно молюсь, я отдаю мечети зяккат²⁵. Я читаю Коран. Не курю табак. Правда, я не работаю кочегаром и по своей должности вынужден читать газеты.

— Значит, запреты своей веры ты нарушаешь?

— Моя вера разрешает многие вольности. А что касается советской власти, — Хасан откинул холщовую салфетку на конце стола. Под ней лежал свеженький номер “Бюллетеня совета родственников узников ЕХВ”, который Чуйкин уже видел сегодня, — здесь напечатана правда?

— Да, напечатана правда. Но эта книга изготовлена нелегальным способом, без разрешения властей. Баптисты нарушили закон.

— А кто пишет законы здесь, в этой стране? Здешние законы не спущены с неба на золотых цепях, как Коран, и не выбиты в камне пророком Мусой²⁶ от имени Бога! Значит, их писали люди. Добрые, злые, жадные, несчастные люди. Согласен?

— Согласен.

— И по их законам мы не должны рядом сидеть. И твой Ахметов не должен торговать на базаре государственной продукцией? Согласен?

— Согласен.

Оба уже разгорячились, забыли про водку, про мясо. Молодой прислужник сунулся было в комнату, но махом исчез.

— Послушай меня, Хасан. Твои дети ходят в школу и знают грамоту. Твоя жена заболела, ей сделали операцию, она жива и стала ещё красивее, чем прежде. Это сделали законы советской власти.

— Ха! Мои дети ходят в школу, чтобы люди не говорили, что Хасан гордый и совсем никого не уважает! К моим сыновьям вечером ходит мулла, они почти наизусть выучили Коран и знают арабский язык. А насчёт жены... Я отдал мешок денег, чтобы её в лучшей московской больнице лечили лучшие врачи! А ты говоришь — советские законы!

Дальше спорить надоело. Хасан пошёл к двери и крикнул, чтобы поспешили с мясом.

Когда вернулся, они молча выпили.

— Коран же запрещает пить вино и водку? — попытался разогреть разговор Чуйкин.

— Я сказал мулле об этом. Он ответил, что назначает мне водку как лекарство, чтобы я хорошо спал.

Чуйкин почувствовал неимоверную усталость. Что ему надо в этом притоне? Зачем он проявляет инициативу? Глубокая ночь, завтра рано вставать, а он пьянствует с откровенным мошенником и бандитом. Чуйкин встал.

— Спасибо за угощение, Хасан, за откровенный, мудрый разговор. Пусть твой человек отвезёт меня домой. Я приехал без водителя.

— Сядь. Ещё пять минут потерпи Хасана.

Чуйкин послушно сел. Кажется, клюнуло.

— Я отдам тебе этих людей. Но за это ты должен переехать в Ташкент. Там будешь работать в столичном КГБ. Сначала начальником отдела, потом заместителем начальника управления. Как здесь. Подожди, не махай руками. Всё чисто. Ты хорошо сделал эту работу и тебя повысят. А кто

²⁵ Зяккат — процент от доходов, священная обязанность мусульманина, по Корану.

²⁶ Муса — пророк Моисей в текстах Корана.

узнает, что Хасан всё сделал? Никто! Придёт бумага, и ты поедешь в Ташкент. А если захочешь стать начальником всего Управления КГБ Узбекистана, сам карабкайся. Хасан не Москва, Хасан что может, то может, а что нет, то нет. Уезжай. До свидания!

По дороге домой Чуйкин заехал к Ахметову. Тот спал, до беспамятства пьяный. Тогда Чуйкин шёпотом, на ухо, предупредил Самохина, чтобы на базаре они ждали человека от Хасана. На самом деле это подойдёт его, Чуйкина, агент и скажет, куда выехала типография.

27. Вдогонку за типографией

Через день к прилавку Самохина подошёл длинный, дочерна загорелый узбек:

— Завтра я здесь торговать буду. Бастык Хасан так сказал.

Вынырнувший из-за спины Самохина Пашин тихо спросил его:

— А не пошёл бы ты, дядя... к Богу в рай?

И ещё добавил пару ласковых, непечатных слов.

Терпеливый попался узбек. Он внимательно выслушал кичливый русский мат и повторил:

— Завтра я здесь стоять буду. А бастык Хасан велел передать, что вам уезжать надо в Алма-Ату, в посёлок Джетысу. Вот и всё. Весы у меня свои есть.

Он пошёл в толпу и скоро исчез среди множества народа.

Самохин всё понял.

— Закругляемся, — скомандовал он Пашину, — беги за ослами.

Служебная переписка

24.02.82 г.

Совершенно секретно

Москва, КГБ

Быстрову

Телетайпограмма

Согласно проверенным данным, находящаяся в интенсивном розыске нелегальная типография перемещена из Ферганы в посёлок Джетысу под Алма-Атой. Источник сведений надёжен и достоверен. Ориентируйте по поводу дальнейшего использования людей, работавших по делу "Дыня".

Фергана, УКГБ

Чуйкин

Телетайпограмма

25.02.82 г.

Фергана, УКГБ

Чуйкину

Благодарю за хорошую работу. Хорошилова этапируйте в Москву для последующей отправки на место постоянного проживания.

Ахметова, Самохина, Пашина незамедлительно отправьте в распоряжение УКГБ по Алма-Атинской области.

Кучкина отправьте вместе с вышеупомянутыми сотрудниками для последующего применения в прежнем качестве.

Москва, КГБ

Быстров

Часть III

Путь праведника прям

Телетайпограмма

25.02.82 г.

Алма-Ата, УКГБ
Утепову

По делу “Дыня” возникли новые обстоятельства. Завтра встречайтесь нашего сотрудника Васина. Он уполномочен ознакомить Вас с ходом операции и курировать её проведение.

Завтра к Вам также придут оперативные работники УКГБ по Павлодарской области Ахметов, Пашин, Самохин, непосредственно работающие по делу “Дыня”.

Секретный сотрудник Кучкин придёт вместе с вышеупомянутыми, однако в Алма-Ате инсценируйте его условно-досрочное освобождение обычным порядком, через пересыльную тюрьму. Обеспечьте легенду перемены места жительства Кучкина из города Каскелена в посёлок Джетысу.

Москва, КГБ
Быстров**28. Нелегал Геннадий Константинович**

Председатель Совета Церквей ЕХБ Крючков Геннадий Константинович, отец многодетной семьи, шестнадцать лет находился на нелегальном положении и скитался по городам Союза.

В конце 1981, начале 1982 года, когда внезапно начались лихие, массовые гонения против баптистов-нелегалов, Геннадий Константинович жил в Ташкенте, в трёхкомнатной квартире у проверенного человека. Старый трёхэтажный дом стоял на окраине русской части города. Хозяйка квартиры, сестра Мария, была уже в годах, на пенсии, и знакомому участковому инспектору, когда он пришёл насчёт жилья, сунула в карман 25 рублей и недвусмысленно объяснила, почему у неё живёт посторонний мужчина:

— Женить его на себе хочу!

Участковый инспектор — узбек — сощурил глаза, оглядел Марию и спросил:

— А почему он нигде не работает?

— А потому что инвалид. На ядерном почтовом ящике инженером был.

— А почему его паспорт не покажешь?

Сестра Мария зашла в комнату Крюčkова и вынесла требуемый документ. Один из восьми паспортов на этот случай.

Участковый попросил Крюčkова выйти. Тот вышел, опираясь на трость, внутренне проклиная колючую бороду и вечно падающие очки. И борода и очки нужны были как иллюстрация к паспортной фотографии. Там, у некоего Петрова Ивана Кузьмича, были борода и очки.

Участковый повертел паспорт, извинился и позвонил в соседнюю квартиру.

Сестра Мария проверила на кухне мясной пирог, сидевший в духовке, и вернулась в комнату Крюčkова.

Здесь стояла импортная электрическая пишущая машинка, заграничная радиоаппаратура. Крючков приготовился диктовать рукопись. Сестра Мария села за пишущую машинку и бесшумно застучала:

— Итак! Следующее моё слово к молодым братьям и сёстрам нашим, и к тем, кто только проникся истинной верой нашей!..

Архивные материалы

(выдержки)

Журнал “Вестник истины” № 3-4 /55-56/ (1976 год)

Слово отчёта Г.К. Крюčkова — председателя Совета Церквей ЕХБ.

(Этот экспромпт-отчёт был предоставлен Всесоюзному совещанию слушателей нашего братства 22 мая 1976 года в магнитофонной записи).

“Наша программа должна быть программой полной и всесторонней неподцензурности всей Церкви Христовой. Конкретно это означает неподцензурность сверху донизу.

А именно:

1. Неподцензурность Совета Церквей, его отделов и документов.
2. Неподцензурность Братского журнала.
3. Бесцензурность издательства “Христианин”.
4. Бесцензурность Совета Родственников узников ЕХБ.
- 5,6,7. Бесцензурность межобластных и областных братских советов, поместных общин, а также всей их документации. Наша семикратная неподцензурность — это не установление какого-то нового принципа, а восстановление попорванного, вероисповедного принципа...”

“... Независимость — требование Евангелия. Только обретая внутрицерковную свободу и освобождаясь от всего греховного, мы освободим сердца наши для того, чтобы Господь действовал в них могущественно, крепко, сильно...”

... О материальном служении. Вы знаете, братья, что с самого начала Организационный комитет, а затем Совет церквей, стремился к тому, чтобы в деле материального служения ни в коем случае не отступать от заповедей Господних. Материальное служение — это один из видов добродетели, а добродетель считается первым плодом веры наших, первой его ступенью. “Покажите в вере вашей добродетель” — говорит Апостол Пётр...

... Итак, учитывая, что извне всё ещё угрожает нам опасность (а мы знаем, что только через вмешательство извне пал и больше не поднимается ВСЕХБ) — нам крайне необходимо наметить программу полного невмешательства, полного отделения Церкви от мира. Ибо это — насущное евангельское требование. Это необходимое условие жизни Церкви. Только на этом условии может осуществляться благословенное руководство Церковью Господом нашим Иисусом Христом...

... Мы не должны вторгаться в дело политики или в иную сферу государственной деятельности, чего мы, слава Богу, никогда не делали и не делаем. Мы не должны касаться экономических проблем или вопросов социальной системы. Мы не должны кого-либо судить, хотя, как граждане, мы имеем право выступать с мирными предложениями или ходатайствами там, где мы считаем необходимым...

... А неподцензурность в церковных делах мы будем соблюдать на всех уровнях, чтобы ни в коем случае нигде, никогда, никаким проникновением внешние не изучали дела Божьего, чтобы наносить ему ущерб...”

В тот же день, когда Геннадий Константинович Крючков готовил статью в очередной номер журнала “Братский вестник”, его заместитель по Совету Церквей Пётр Васильевич Румачик, проживающий в Москве, был вызван в отделение милиции, где получил от человека в штатском последнее предупреждение о несовместимости его, Румачика, деятельности с общественной политикой Советского Союза.

Это означало, что скоро его возьмут и года на три посадят. А то и на все пять. Румачик спокойно выслушал предупреждение, поблагодарил.

Потом доехал на трамвае до кассового зала Аэрофлота, что на улице Мира, напротив аллеи Космонавтов, где купил два билета на самолёт до Новосибирска. 27 февраля — туда, 7 марта обратно.

Румачик не скрывался от “наружки”.

Пообедал в кафе “Лель” и поехал в сторону дома, опять на трамвае. Энергичная бабулька, уже на выходе из трамвая, незаметно вложила ему в руку кусочек картонки, чуть поуже спичечного коробка. Пётр Васильевич рассеянно сунул его в карман.

Узнав от “наружки”, что Румачик, после жёсткого предупреждения, собрался в Новосибирск на 10 суток, отдел Быстрова сделал заключение — Румачик летит к шефу, к председателю Совета Церквей. Срочно оформили командировки двум оперативникам, приобрели авиабилеты, предупредили коллег в Новосибирске о предстоящем мероприятии.

Ближе к вечеру Румачик вышел из дома с авоськой в руках и зашёл в магазин напротив. “Наружка”, двое молодых ребят, довели его до магазина, убедились, что он купил хлеба и занял очередь за колбасой.

Оперативники вышли на улицу покурить. В очереди за колбасой объект простоит минимум полчаса, а мельтешить перед Румачиком лишний раз рискованно, он калач тёртый.

Румачик, убедившись, что “топтуны” курят на улице, вышел из конца очереди, прошёл за прилавок и через подсобные помещения попал во двор магазина. Там его ждала серая “Волга” с задёрнутыми шторами.

Румачик неспешно уселся в автомобиль. Водитель завёл машину, и она медленно покатила в сторону Казанского вокзала. В машине Пётр Васильевич переоделся. Добротное зимнее пальто поменял на кожаную куртку, вместо шапки натянул кепку, привычно и ловко приклеил усы. Проверил содержимое “дипломата”, лежавшего в машине вместе с запасной одеждой. Всё в порядке.

На Казанском вокзале он подошёл к поезду Москва — Ташкент за пять минут до отправления. Твёрдый кусочек картона, переданный бабкой ему в трамвае, оказался железнодорожным билетом в мягкий вагон, где Румачик благополучно устроился. Конечно, он ехал к председателю Совета Церквей, чтобы посоветоваться перед тюрьмой и закруглить текущие дела.

Госбезопасность в своих выводах редко ошибается. В делах она малость не петрит. Не найдя Румачика в магазине, “наружка” не шибко обеспокоилась. На всякий случай заскочила к нему домой, но дверь, как обычно, ей не открыли, только старушечий голос ответил визгливо: “Уехал по делам Церкви!”.

Дождались ночи.

Вызвало тревогу, что Румачик не появлялся дома, но чёрт его знает, мужик он здоровый, мало ли где и с кем его носит?

Забили тревогу, когда Румачика не оказалось в Домодедове ни у посадочной стойки, ни в самолёте.

На всякий случай послали уйму людей по моргам и больницам.

Нет нигде.

Только тогда спохватились, перекрыли вокзалы и автобусные станции, но было поздно.

Румачик отклеил надоевшие усы только в квартире, где проживал Крючков.

— Вот ваша комната, вот ванная, — провела его по квартире сестра Мария, — чаю с дороги, кофе? Ужинать будем через час.

— Побеседуем пока о делах насущных, скорых, — предложил Крючков.

Румачик сразу сообщил Крючкову, что, как только он вернётся в Москву, его арестуют. Три года, судя по всему, они не увидятся.

— Жаль, жаль, — искренне ответил Крючков, — мы хорошо сработались. Ну, денежное содержание, безопасность семьи мы обеспечим. Как всегда. Три года — срок долгий, я постараюсь, брат мой, решить вопрос о твоей отправке за границу.

Румачик представлял, сколько это будет стоить и как тяжело будет выцарапать за рубеж семью. В конце концов, если получится, то он готов уехать. Важно, чтобы с деньгами помех не было. Он так и ответил председателю.

— Главное — здоровье, а деньги будут! — уверил его Крючков, — Винс²⁷ Георгий Петрович сумел прижиться и какую серьёзную деятельность развил за рубежом! А ему там толковые помощники нужны, ещё как нужны!

Румачик хотел напомнить, как Винс подорвал реноме своего представительства в Торонто, на Всемирном съезде баптистов, но промолчал. Он понимал, что виноват не Винс, просто СССР перед съездом баптистов так надавил на госдепартамент США, что там и уши прижали. Можно будет поработать за границей и помощником у Винса. Сейчас не это главное.

Румачик достал из “дипломата” пухлые папки с отчётами по регионам, затем выложил на стол пачки сотенных купюр. Потом пачки с банкнотами по двадцать пять и по десять рублей. Председатель включил в сеть советский калькулятор “Электроника”. Крючков и Румачик начали тщательно проверять отчёты о материальном служении. Отчёты составлялись сначала по областям, потом по республикам. К отчётам о поступлении средств были приложены отчёты о расходах, письма с просьбами приобрести для нужд Церкви машину или дом.

— Ладно, за неделю разгребу, — сказал Крючков, услышав, что с кухни зовёт сестра Мария. Подоспел ужин.

После ужина, сославшись на усталость, Румачик пошёл вздремнуть, а Крючков вернулся к бумагам. Деньги он спрятал в закрывающийся на замок ящик стола. Там было около 300 тысяч рублей. “Копейка рубль бережёт, а рубль — голову”, вспомнил он русскую поговорку. Да, расходы растут. У него большие надежды на молодёжь, которая скоро окончит школу и пойдёт работать. Тогда денег у Церкви прибавится. Молодёжи после войны рождается много, недаром верующим запрещены аборт. Много рождается молодёжи, но и старики уходят. Какой железный организм надо иметь, какую непоколебимую веру, чтобы выдержать восемь тюремных заключений!

А вот таким стойким был Сергей Терентьевич Гюлев, благословенный труженик на божьей ниве. Он был членом Совета Церквей. А сидеть за веру довелось ему ещё при Дзержинском. Потом при Сталине...

²⁷ Винс Г. П. — секретарь зарубежного представительства СЦЕХБ.

В комнату вошёл Румачик, как был — в пижаме. Сел в кресло:

— Не могу заснуть... Лезет всякое в голову... Прежнего начальника лагеря вспомнил. Мне тогда прислали из чимкентской общины чеснок, так он отобрал и приказал солдатам чеснок на плацу растоптать, а мне собрать и в помойку выкинуть. Я собирал и руки облизывал... Ты уже о провале ферганской типографии знаешь?

— Знаю. Знаю, что кто-то из своих выдал.

— Да, так и было.

— Сейчас благополучно?

— Пошла литература, а благополучно или нет, не знаю, не скажу. Не вовремя они меня суют в узилище.

— Справимся, — Крючков встал, начал расхаживать по комнате, — тут всё бы тихо было, если бы не политика. Брежневу готовят встречу в верхах, где он должен был согласиться на смягчение режима. А тут президент Картер вылез со своими "правами человека". Да мы ещё о нарушении этих прав кричим на каждом углу СССР. Сейчас они нас давить будут со страшной силой. У нас осталось всего две типографии. Третью монтируют. Спрос на литературу огромен. Подрастает молодёжь. Каждому надо Библию и Евангелие безвозмездно дать. Журналы наши, хоть костями ляжь, но должны регулярно выходить в прежних объёмах тиража. А бумага, а краска? А мелочёвка всякая! Сколько всего надо — и всё деньги, деньги! Сколько в нашей Церкви верующих на сегодняшний день?

— Около трёхсот тысяч, — отозвался Румачик.

— Нет, самых истовых, самых твёрдых?

— Ну, если так подходить, то пятьдесят тысяч. Но я полагаю, тысяча триста наберётся, если считать тех, кто только молится, но активно не участвует в делах Церкви. И в материальном служении слабы, жертвуют рубль, ну два в месяц. И всё.

— Вот почему я делаю ставку на молодёжь!

Румачик осторожно сказал, зная, что Крючков несколько отстал от реальной жизни:

— Молодёжь тянется к спиртному, к телевизору, кино, танцам. А начинают старшие наказывать — отходят от Церкви совсем. Может, нам изменить немного политику? Хотя бы кино разрешить посещать? Там ничего богохульного нет. Советская цензура свирепствует, как при Сталине, не к ночи он будь помянут! В кино показывают только любовь, войну и выполнение производственного плана. Молодую жизнь не остановишь, да и времена нынче другие пришли, не чета нашим, военным, тяжким.

— Нет. Нельзя. Страх и ограничения — вот наша политика. Если верующий не ограничит себя запретами, если из души его уйдёт страх наказания за грехи, этого Бог нам с тобой не простит. Мы несём тяжкий крест пастырей на земле и уж понесём его до конца.

Было видно, что Румачик хочет сменить тему. Но Крючков желал на проверенном человеке испытать свои мысли:

— Я почему твержу о молодёжи? Однозначно видно, что нынешняя власть с умыслом даёт ей волю: водку, вино, танцы, опять же кино, телевизор. Пейте, хоть залейтесь! Денег не хватает? Зарплату увеличим, всё равно деньги нам вернётся. Больше надо денег? Иди грабь, воруй, нам в лагерьях требуется дармовая рабочая сила! Власть поставила себе поистине Антихристову задачу — Душу человеческую отобрать! А не отдаёт человек

душу, так залепить, затемнить её наглухо! Побыстрее оторвать ребёнка от матери, от отца — сунуть его в детский сад, в октябрята, в пионеры, комсомольцы. Спроси потом такого, оболваненного: “Ты комсомолец? А почему ты пьёшь водку, дерёшься?”. В ответ услышишь: “А все пьют и дерутся!”.

А мы свою молодёжь должны каждодневно тыкать в эти примеры: “Посмотри — комсомолец идёт пьяный, под глазом фонарь. Обойди его и плюнь ему вслед. За такого и молиться грех!”. Через двадцать, точнее, через восемнадцать лет наступит великая дата — две тысячи лет от Рождества Христова. Каковую молодёжь приведём мы в Дом молитвы? И приведём ли вообще?

— Ну, нас уже тогда не будет, пожалуй, — встрял Румачик.

— Но думать мы об этом должны? Думать сейчас, сегодня! А главное — делать. Может, тебе уйти на нелегальное положение? Ты же прекрасный хозяйственник. Тебе завод, да что завод — министерство можно давать!

Румачик усмехнулся:

— Хорош министр, из подполья руководит!

— Но я же руковожу!

— Ты идеолог, направляющий перст, ты в любых условиях можешь работать.

— Мне остро необходим сейчас человек, умный, ловкий. Не вовремя тебя туда...направляют.

Румачик достал из “дипломата” тоненькую папку, протянул Крючкову:

— Есть такой человек, Геннадий Константинович! Головой отвечаю за него перед Богом!

Крючков внимательно прочитал несколько страничек текста, взгляделся на фотографию.

— Я его не знаю. Так не пойдёт!

— Пойдёт. Лучше, по нынешним беспредельным временам, общаться без личных контактов, на письменных и телефонных инструкциях. Я уже пристроил его в Москве и людей для связи с тобой передал.

Он достал ещё папку:

— Этого ты знаешь.

— Это же Мигунов! Конечно, знаю.

— Вот он будет обеспечивать между вами связь. И за деньги Церкви он будет отвечать.

— Да, Мигунов честнейший человек! Предан нашей Церкви до последнего вздоха. А почему его нельзя поставить вместо тебя?

— Потому что ему не только завод, баню нельзя доверить.

— Понятно.

— И ещё. — Румачик замолк, подбирая слова, — могут загрести не одного меня. Я так вычислил. А могут сразу всю верхушку: Минякова, Иващенко, Костюченко, Козорезова, Рыжука, в общем, всех. Кто из них знает, где твоя жена и где ты сам?

— Где я, знаешь только ты. Где жена с детьми — знают, наверное, все. Я понял. Жену я предупрежу, чтобы не искала меня до лучших времён.

— Я её уже предупредил.

— Спасибо! — Крючков решил снова вернуться к теме молодёжи, но Румачик тактично оборвал его:

— К этой теме вернёмся позже. У меня тоже свои соображения есть. Сейчас нам главное обсудить, как увеличить доходы Церкви.

— Это мне интересно. Как же? И почему так поспешно?

— По Москве ходят слухи, что Андропова скоро изберут секретарём ЦК КПСС. Его место займёт твой однофамилец — Крючков Владимир Александрович. Андропов — политик. Крючков — профессионал. Андропов в делах всегда ведёт интригу, то натянет вожжи, то отпустит, как ему надо. Он свою карьеру ведёт. А Крючков — тот, как крючок, вцепится — не отпустит. Он, как охотник, ему важен результат — добыча. На политические кривули твой тёзка не подписывается. Мне большой чин из КГБ проговорился: “Твоим Геннадием Константиновичем Крючковым очень сильно наш Владимир Александрович Крючков интересуется”. Значит, мы, наша Церковь и все дела наши были под контролем первого заместителя председателя КГБ СССР. Теперь будут под контролем самого председателя. Если Андропов на царство метит. Вот такие выводы.

— Занятно, очень занятно. Только мы не из пугливых! А деньги здесь при чём?

— За границу, Винсу пересылать. Нам нужен максимальный шум. Гром нужен. Пусть там Георгий Петрович пачками покупает журналистов и газеты, пусть добивается приёма у Картера, пусть не сидит сиднем!

— Пётр Васильевич, мне кажется, этот шум больше тебе нужен. Ты уже о себе заботишься, чтобы оперативная часть в лагере тебя поменьше таскала да начальник лагеря поласковее был, — съязвил Крючков, — мы их что, напечатаем эти деньги?

— Я в лагере о себе сам позабочусь, братья по вере помогут. Третий раз пойду в узы, знаю что почём. Это не главное. Главное, нужно немедленно, по всем нелегальным каналам, распространить твоё “Обращение” ко всем поместным Церквям, ко всем нашим верующим. Что вся Церковь может оказаться в узилище Дьявола, что повально идут аресты, что “внешние” уже топчут дорогие нашему сердцу тропы к Домам молитвы. И нечего стесняться! Побольше истерики и намёков на происки власти против несчастных верующих!..

Крючков посмотрел на часы:

— Уже почти час ночи. Ты ко мне надолго?

— Завтра вечером отбываю.

— Жаль. Но я думаю, много сделать успеем. Мария! Подай кофе!

Мария будто ждала вызова и тут же вкатила в кабинет сервировочный столик с горячим кофе и закусками.

Разлила кофе по чашкам и тихо исчезла.

— Так вот, молодёжь, — начал Румачик, — всё же я не согласен с тобой о полной изоляции молодёжи от мира.

— А что ты предлагаешь сделать? Так, чтобы молодёжь не развратить и в мир безбоязненно выпустить. И куда, кстати, выпустить?

— В высшие учебные заведения!

При этих словах Румачика Крючков резко поставил недопитый кофе на столик, встал, зашагал по комнате.

— Зачем? — спросил он наконец.

— Чтобы к 2000-му году у нас была готова грамотная, учёная элита. А то посмотришь списки верующих: кузнец, швея, слесарь, тракторист, доярка...

— Что, докторов наук начнём готовить? — воскликнул Крючков, — нам этого никто никогда не позволит! КГБ костями ляжет поперёк дверей в институты! Уже лежит, между прочим!

— Зачем, уж сразу, докторов наук? Пока просто больничных докторов... Идея в том, чтобы направлять наших молодых братьев и сестёр в медицинские и педагогические институты, в университеты. Негласно платить стипендии, у их родителей обычно большие семьи, будет тяжело пять лет тянуть ребёнка в институте...

Геннадий Константинович кое-что начал понимать:

— Подожди, подожди. Был у нас такой опыт! Помнишь Евгения Петровича Разумовского?

— Конечно, помню!

— Вот у него дочь поступила в институт, училась на одни пятёрки. А как дело дошло до выпускных экзаменов, наотрез отказалась научный атеизм сдавать. Заявила, что вера ей не позволяет идти против Бога! Пять лет горбатилась девка, а толку? Выдали справку, что курс института прослушала, еле-еле простой медсестрой в больницу приняли! А Николая Кабыша помнишь?

— Как же! Третий срок мотает! Один раз мы даже на Свердловской пересылке встречались.

— У Николая дочь Майя, очень талантливый человек. На секретном радиозаводе работает...

— Работала, — сухо поправил Румачик, — сейчас ушла на нелегальное положение, обслуживает типографию. Как раз ту, за которой шла охота в Фергане...

— Ещё одно подтверждение, что деваха с талантом. Просилась там, в Днепропетровске, в институт, на заочное отделение поступить по специальности, не пустили. Справку с места работы не дали — верующая! А ты хочешь десятки молодых людей в институты устроить!

— Не десятки — тысячи!

Румачик тоже поднялся и зашагал рядом с Крючковым:

— Ты представь — врач у кровати больного... пусть не врач, медсестра. Человек в больнице, особенно при серьёзном заболевании да при дефиците лекарств и нужных связей во что угодно поверит, только бы выздороветь. И тут появляется столько возможностей в нашу веру его обратить! В нашу веру! Или преподаватель в школе, в младших классах? Детям только вкладывая в голову, они всё примут и запомнят. И к нам опосля придут...

Крючков, наконец, вернулся в своё кресло:

— Да, очень прогрессивная идея, очень правильная. А ты уверен, что мы, направив молодёжь в институты, не соблазним их мирскими делами, не потеряем их?

— Кого-то потеряем. Даже Иисус потерял апостола — Иуду! Но большинство молодых у нас крепки в вере. И потом, отбирать молодёжь в институты назначим людей серьёзных, грамотных, трижды проверенных. Такие люди у нас есть.

Крючков попробовал ещё усомниться:

— Хорошо. Будут они учиться. А как же им, неокрепшим душам, изучать марксизм-ленинизм? Или научный атеизм? Так можно с резьбы сорваться.

— Не сорвутся. У нас дети крепкие душой и телом. Родители подскажут: "Надо, доченька, надо, сыночек, для Церкви надо". Изучат и эту мерзость, и ещё хорошие оценки получают. А Церковь их грех отмолит. Отмолим?

— Отмолим! — заулыбался Геннадий Константинович, — обязательно отмолим! Как представлю себе, что один врач за год может сто, двести больных в нашу веру обратить! Это же вдохнёт новую жизнь в нашу

исстрадавшуюся Церковь! И перед паствой появятся новые цели, посветлеют люди! Но знаешь, Пётр Васильевич, если КГБ наш план вычислит, ни одного молодого христианина не пропустят в институт, даже в техникум не пустят.

— Волков бояться, в лес не ходить. Идёт он на хрен, этот КГБ...

— Как, как ты сказал? — изумился Крючков.

— Я сказал: "на хрен!". Я уже к лагерным условиям готовлюсь, — отшутился Румачик. — Что, спим?

— Спокойной ночи! Завтра доспорим.

На следующий день, вечером, Румачик выехал в Москву и через два дня был арестован. На три года лагерей он зря рассчитывал. Ему дали пять лет строгого режима.

Служебные документы

Служебное письмо

01.03.82 г.

Алма-Ата, УКГБ
Утепову

За переданный вам для реализации товар повышенного спроса: картофель, мука, крупа гречневая, крупа рисовая нами до сих пор не получены деньги в сумме 250618 руб. 16 коп. Разбивка по ценам опта и розницы прилагается.

Алма-Ата
Флодoвoцтoрг
Хaбибулин

Телетайпограмма

05.03.82 г.

Москва, КГБ
Крючкову

По условиям операции "Дыня" производилась торговля дефицитными товарами из запасов "Алма-Атаплодоовощторга". Выручка от их реализации на базаре города Фергана составила по отчётам материально ответственного лица — Ахметова Т. М. — 1011226 руб. 17 коп. "Плодоовощторг" претендует на сумму 250618 руб. 16 коп. Остаток составляет 769608 руб. 01 коп. В настоящее время деньги находятся в финансовой части УКГБ по Ферганской области. Прошу дать распоряжение, как распределить остаток имеющихся средств, учитывая, что техническая оснащённость УКГБ Узбекской ССР намного хуже, чем в других областях.

Письмо управляющего "Алма-Атаплодоовощторг" Хабибулина прилагается.

Ташкент, УКГБ
Чуйкин

Телетайпограмма

07.03.82 г.

Ташкент, УКГБ
Чуйкину

1. Произвести расчёт с "Алма-Атаплодоовощторгом" согласно требуемой ими сумме. Остаток средств распределить следующим образом:

2. 500000 рублей направить равными долями в детские дома Узбекской ССР.

3. Оставшуюся сумму разрешаю использовать для закупки в централизованном порядке необходимого оборудования и автотранспорта для нужд УКГБ Узбекской ССР.

Москва, КГБ
Крючков

29. Председатель могущественного ведомства

Хотя был вечер субботнего дня, Юрий Владимирович Андропов на удивление хорошо себя чувствовал после тяжёлой рабочей недели. Сказывалось, наверное, что удачно проведены две разведывательные операции за рубежом и две контрразведывательные — в Союзе. Воздух в Москве не застаивался, а быстро продвигался вовремя подвернувшимся циклоном и даже слегка пахивал весной. Юрий Владимирович легонько постучал по стеклу барометра: атмосферное давление очень даже благоприятствовало его организму.

Он не стал звонить по внутреннему телефону, а сам прошёл через пустынный коридор до кабинета Владимира Александровича Крючкова, своего первого заместителя.

В приёмной Крючкова никого из положенного персонала он не увидел. Резонно, за окном — поздний вечер. На это Юрий Владимирович и рассчитывал.

Андропов резко и широко распахнул дверь в кабинет своего заместителя, забыв, что она двойная, через тамбур. Слегка сконфузившись, вторую дверь он толкнул мягче. Крючков работал под зажжённой лампой с зелёным абажуром. Он не сразу поднял голову от документов.

А поднял, не обомлел. Он с недавних пор предполагал, что такой визит произойдёт. Крючков неспешно вышел из-за стола. Протянул шефу руку. Они поздоровались.

— Много дел? — сочувственно спросил Андропов.

— Много белиберды, — смело ответил генерал армии Крючков.

— Приглашаю к себе, освежиться, — пригласил Андропов.

— Какие документы требуются?

— Да никаких. Пошли и всё.

Они зашагали по пустому коридору, причём Крючков на полшага отставал от шефа, соблюдая субординацию.

Прошли приёмную Андропова, где от удивления замерли и помощник, и секретарь.

— По домам! — коротко приказал им Андропов.

Они с Крючковым миновали официальный кабинет и очутились во внутренних апартаментах. Об этих комнатах гуляло много сплетен, о миллионах долларов на их ремонт, о древних туркменских коврах ручной работы и сумасшедше дорогой мебели.

А там, в зале, стоял старый добротный румынский гарнитур. В кухне урчал финский холодильник “Розенлев”, в узкой спальне помещались лишь кровать да тумбочка. Зато в огромной библиотеке все стены заслоняли застеклённые шкафы, забитые книгами. Рабочий стол председателя был завален свежими газетами и бюллетенями ТАСС.

Они вернулись в зал и уселись в лёгкие кресла.

Крючков многое понимал, и сейчас понял, что Юрий Владимирович показывает ему будущее его, Крючкова, личное хозяйство. Аскетичное, простенькое хозяйство, куда стыдно завести дорогих гостей. Конечно, Андропов не поведёт Крючкова на улицу Горького или Тверской бульвар, где проживают знаменитые на все западные разведки личные блондинки председателя КГБ СССР. Да это Крючкову и не требуется. Ему сейчас, немедленно, требуется понять, что за этим, личным приглашением в личные апартаменты, кроется?

Андропов, усмехаясь, смотрел на Крючкова и молчал. Потом вдруг спросил:

— Вы что пьёте, Владимир Александрович?

— А... э-э, минеральную воду... Ессентуки № 4.

— Нет, из спиртного?

— Ничего, Юрий Владимирович.

— А-а-а, бросьте! За чужой счёт пьют даже язвенники и трезвенники, как говорят в любимой народом кинокомедии “Бриллиантовая рука”. А ещё об этом говорят три километра магнитных плёнок...

— Вот им я верю, — быстро ответил Крючков, — а вы что предпочитаете, Юрий Владимирович?

— Будто не знаете? Весь мир знает, что я ценитель старых французских вин, а вы не знаете?

Крючков невнятно хмыкнул. В его личном досье на Андропова именно так и было записано: “ценитель старых французских вин”.

— А нынче я вас удивлю, Владимир Александрович! Долой поклонение перед заграницей! Водку, русскую водку, пить будете?

— Исключительно за компанию, — помедлив, ответил Крючков.

Он не то чтобы боялся Андропова или нервничал из-за упущений в работе. Просто шеф могущественного ведомства этим вечером взял и перечеркнул все писанные и неписанные законы Лубянки. И Крючков гадал — зачем?

Андропов колдовал на кухне, разогревал кокошники с грибами в сметане. Крючков нарезал хлеб. Андропов достал из холодильника рюмки, покрытые толстым слоем инея. Рюмки вмещали всего граммов по пятьдесят, и Андропов налил их доверху. Потом на деревянной резной доске принёс горячую грибную закуску. Они выпили и сразу закусили ледяную водку раскалёнными грибами.

Крючков вдруг вспомнил, что дома на ужин заказал борщ и котлеты. Он любил есть горячие домашние котлеты прямо со сковороды, без гарнира, просто с белым хлебом. Ужасно захотелось мясного, горячего.

Андропов, немного погодя, позвонил в спецстоловую, предварительно узнав, что предпочитает Крючков.

Официант принёс Крючкову котлеты без гарнира, а Юрию Владимировичу — курицу, одно белое мясо.

— Диета, — враз вздохнули оба и рассмеялись.

Андропов предложил ещё водки, но Крючков отказался, тогда Андропов принёс из холодильника виски и лёд. Себе плеснул граммuleчку, чуть больше досталось Крючкову.

Андропов не знал, с чего начать разговор. Точнее, он был уверен, что Крючков твёрдо знает, что в апреле-мае²⁸ его шеф будет избран секретарём ЦК КПСС. И тогда Крючков займёт его место. Но для этого надо, чтобы до избрания у Андропова ни одной занозы, ни одного прокола не имелось и перед ЦК КПСС Андропов был чист. А вот за это своей головой, по должности, отвечал Крючков.

И генерал армии Крючков для чистоты шефа будет пластаться и по выходным и по будням, потому что в конце пластания его ждёт не орден, не медаль — их нынче разбирают мешками, а этот кабинет, и отдельный подъезд, и личный лифт, и много чего ещё. Понимает это Андропов? Понимает, конечно!

²⁸ Андропов Ю. В. был избран секретарём ЦК КПСС в мае 1982 года.

Так зачем эти посиделки с водкой, которую Крючков принципиально не пьёт уже лет двадцать? Зачем эти убогие котлетки, приготовленные на пару, когда дома его ждут сочные, мясные котлеты, поджаренные на чистом масле? Зачем?

— Вы своих домашних предупредили, что задержитесь?

— Они у меня, Юрий Владимирович, привыкли, что моя служба начинается вечером и кончается утром.

— Прекрасно, что мы друг друга понимаем. Понимаем, что скоро могут произойти изменения в наших биографиях и в наших судьбах. Поэтому я сегодня позвал вас, Владимир Александрович, чтобы вернее наметить ту стратегию, что нам придётся осуществлять вместе. В ближайшем будущем.

“Значит, даже будучи председателем КГБ, мне придётся всё равно ходить в заместителях у секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова. Он крепко меня зацепил и до смерти не отпустит”, — подумал Крючков и машинально хлебнул из стакана жидкость со вкусом самогона и дыма. И поперхнулся. Андропов подал ему салфетку, но Крючков выхлебнул виски до конца. “И дело тут глубже, чем другим кажется, — вдруг помыслилось ему, — он, Андропов, имея за спиной такую силу на Лубянке, пожалуй, метит на пост Генерального секретаря ЦК КПСС!” — Крючков поставил пустой стакан на стол, и Андропов не замедлил снова плеснуть в него виски.

— Да, — твёрдо сказал Крючков, — будем действовать вместе.

Андропов смотрел на него через затемнённые стёкла очков. Долго смотрел и, видимо из-за желтизны оптических линз, померещились Владимиру Александровичу, на миг всего померещились, жёлтые волчьи глаза Сталина.

Там, за андроповскими очками.

А Юрий Владимирович уже говорил чётко, размеренно, продуманно:

— Я считаю, что стране нашей хребет здорово искривили. Надо выправлять. Чего рассказывать, вы сводки ежедневно получаете. Анализируете их. Низкая производительность труда в промышленности, в сельском хозяйстве. Сплошное пьянство, низкая дисциплина. И в то же время коррупция, профессиональная преступность, теневики, баптисты-нелегалы... Кстати, сколько их?

— Около трёхсот тысяч, Юрий Владимирович.

— Ну это вы, положим, преувеличиваете. Православные церкви мы разгромили, а какой-нибудь старушке в воскресенье делать нечего, вот она и молится неизвестно кому и зачем. Это не считается.

— Она не только молится, она ещё и деньги даёт!

— Ерунда! Что там два-три рубля в месяц!

— А если их помножить на триста тысяч?

— А по нашим каналам известно, сколько они огребают в месяц? — поинтересовался Андропов.

— Два миллиона рублей!

— Вы когда-нибудь видели два миллиона рублей?

— Нет, но два миллиона долларов видел!

Оба рассмеялись. Не так давно особым путём они отправляли в Америку для завершения крупной нелегальной операции как раз два миллиона долларов наличными в неприметных чемоданчиках.

— Два миллиона рублей — это десяток приличных стоквартирных домов! — быстро посчитал Андропов, — а идут эти деньги на разрушение душ наших советских граждан. Мало того, они вешают крючки на молодёжь, вот что меня тревожит! Простите за “крючки”, вырвалось.

— Наоборот, я доволен, Юрий Владимирович! Выражение: “крючки вешать” вошло в жаргон нашей службы по всей стране. Так что жил не даром, останусь в истории, — улыбнулся Крючков. — А если серьёзно, то по нашим аналитическим данным к 2000-му году мы будем иметь в Союзе триста тысяч религиозных фанатиков-баптистов. А это — сила, скрытая, нелегальная. И не старики да старухи, а молодёжь.

— Да, уж эта молодёжь... — задумчиво протянул Андропов, — надо срочно искать ей дело. Тяжёлое, тугое дело. Или как?

— Надо, — согласился Крючков, — БАМ из-за них строить затеяли, но не хотят, подлецы, Сибирь осваивать. Построили БАМ, три миллиарда проели и опять в города утянулись. А второй БАМ или чего ещё грандиознее нам не осилить. Осталось только гнать их на Колыму, опять в лагеря, заставлять вкалывать за похлёбку.

— Это не наш метод.

— А какой наш?

— Максимальная дисциплина, ограничение всяческих контактов с Западом, разгон всяческих шаек, тем более нелегальных.

— На это не один год потребуется, — сочувственно заметил Крючков.

— Сколько потребуется, столько и давить будем всякую мерзость, — жёстко ответил Андропов, — такая сейчас стоит задача. И мы её очень просто решим. Мы для молодёжи другую Колыму устроим! Дайте мне время... Мы через год-два по всей стране откроем кучу институтов, университетов, сотни техникумов. Студентов от службы в армии освободим. Молодёжь сама учиться кинется, не придётся силой загонять. Сотни тысяч, миллионы ершистых бунтарей круглосуточно будут в куче, под нашим наблюдением. Мы заставим их изучать не сорок, а сто сорок предметов. Им не то что бунтовать, им спать некогда будет. А вот после окончания института — всех в армию. На два года. Так пар и выпустим.

— Нам не нужно столько инженеров! — попытался возразить Крючков.

— Правильно! Не нужно. Пусть рабочими идут. Рабочие нам нужны. У рабочих и зарплата в два раза выше, чем у инженера. Зато Запад взвывает: “Советский Союз наращивает интеллектуальные мускулы!” Двух зайцев убьём — поднимем престиж страны и народ под одну гребёнку подстрижём! Как вам эта идея, Владимир Александрович?

— Очень и очень заманчивая идея, Юрий Владимирович! Просто и гениально! — Крючков машинально поставил пустой стакан на стол, и Андропов тотчас плеснул туда виски.

“То ли действительно у мужика нагорело в душе и хочет выплеснуть, то ли чего-то хочет мне внушить? — раздумывал Крючков, — Андропов не пьяный мужик под забором, не будет свою душу насквозь выворачивать. Он в Венгрии, в 1956 году, душу завернул куском брони да такого наворотил... Нет, тут другое. Тут он хочет КГБ использовать, как прямую силу. Ну кое-какие возможности у нас, конечно, есть, войска имеются. Но использовать спецслужбы как карательные, полицейские силы — увольте. У нас милиции достаточно... Хорошей и разной”.

Андропов внимательно наблюдал за лицом Крюčkова и, казалось, угадывал, о чём тот лихорадочно думает.

— Вы поддерживаете мою мысль, — внезапно произнёс он, — что в стране осталась одна сила, верная духу социализма, — это мы, КГБ. Милиция погрязла во взятках, чиновничий аппарат — в коррупции. Только мы можем навести порядок.

— Поддерживаю, — кивнул Крючков.

Андропов поднял свой стакан, где виски было на самом доньшке. Они выпили.

Не выпили, конечно. Так, губы обмочили. Разговор достался Крючкову тяжёлый и опасный. А вдруг ЦК КПСС не изберёт Андропова своим секретарём? Там сейчас такие хитрозадые секретари обкомов заседают, что и председателя КГБ СССР сожрут и не вырыгнут. Куда тогда он, Крючков, денется? На пенсию? С той пенсии каждый день котлеты не поешь. На водку с килькой ещё хватит... Нет, надо шефа пока поддерживать. А если что, на любого, кого вместо Андропова назначат, у Крюčkова бумаги имеются... Убойные бумаги...".

— Мне сейчас нужно дело, Владимир Александрович, готовое дело, горячее и серьёзное. Не какие-нибудь ворюги из гастронома, а вроде как идеологические противники. Ведь ЦК КПСС, этот клуб пенсионеров, ничем не расшевелишь. Они сами из гастрономов тянут. Мы, конечно, и до гастрономов доберёмся, особенно до "Елисеевского", рыбозаводы на крючок зацепим, расстрельные статьи подведём этой сволочи! А сейчас мне нужно в ЦК натурального идеологического противника представить. Противника сильного, финансово и материально оснащённого, да ещё и внутри страны! И не одного человека, а сотни тысяч! Организацию, подкладывающую под страну этакий идеологический динамит, осуществляющую, я бы сказал, внутрисоюзную контрабанду. Тогда в ЦК не только в штаны наделают, они родной КГБ на руках носить будут. Сразу можно и бюджет увеличить, людей набрать, ещё одно здание пристроить. Как, найдём такого противника?

— А чего искать? — удивился Крючков, — мой однофамилец давно такую структуру создал! Мы же с этого беседу начали!

— Что-то не припомню! Подскажите.

— Крючков Геннадий Константинович. Председатель нелегального Совета евангельских христиан-баптистов.

— Это тот Крючков, что сейчас в Ташкенте живёт?

— Да-да.

— А что же вы его не возьмёте?

— А зачем? Зная из человека делать? Вой на весь Запад поднимать? Пусть живёт и трясётся. Это мелочи, он нам не страшен, это не Ленин в Разливе. Горячее дело мы вам представим через пару недель, когда возьмём их нелегальную типографию. Тогда можно устроить процесс любой пышности.

"Отдал мне баптистов, — облегчённо подумал Андропов, — отдал. Значит, будет со мной. А мог бы зажать? Мог. И всё себе приписать. Догадался ли он, что я это дело тоже тихонько веду? Или знал? Вернее всего, знал. Отсюда и станем играть дальше".

— Погодите, — дайте подумать, — Андропов встал, зашагал по комнате.

"Вот чёрт, подпоил меня шеф, — раздосадовался Крючков, — чего я брякнул такой срок: две недели! Опять упустят нелегалов наши лопухи, будет мне тогда и лифт отдельный, и баня с берёзовой кашей.

Андропов остановился:

— Это та типография, что ушла у вас из-под носа в Фергане?

— Почему ушла? — начал защищаться Крючков, — они тактику такую избрали — частые перемещения. Эта типография смонтирована сейчас под Алма-Атой, в посёлке Джетысу.

— Всё правильно — гуляющая типографская точка. Когда я партизанил в Карелии, у нас такая же была тактика: типографию постоянно перемещать.

“Да уж, ты партизанил в Карелии, — со злобой подумал Крючков, — сидел в безопасных посёлках и тамошних мальчишек расстреливал. За то что с винтовками не идут партизаны в Карелии, свой народ стрелять! Буковки проверять на газетном листе, это не на курок нажимать!”

Андропов прервал крамольные мысли Крючкова:

— Нет. Шуметь мы пока не будем. Если вы типографию вместе с людьми возьмёте в такие короткие сроки, то надо очень тщательно поработать, каждый документ вылизать, каждого баптиста склонить к сотрудничеству. Любые блага обещайте, кроме выезда за рубеж. Особенно, если немцы попадутся. Но к майскому Пленуму ЦК КПСС основные бумаги и доказательства должны быть у меня. Я им покажу: “Пока страна гуляет, мы спокойно спим”.

“Это он Брежнева процитировал”, — догадался Крючков.

Андропов всё не садился. У него заныла поясница и припухли почки. Тогда поднялся и Крючков. Юрий Владимирович не стал его удерживать:

— Напомню ещё раз, используйте любые силы, но взять эту типографию надо тихо, а судебный процесс максимально закрыть. Шуметь мы в ЦК КПСС будем.

Он вежливо попрощался с Крючковым, а когда тот вышел, снял трубку телефона дежурного офицера и коротко приказал:

— Врача!

Текущие документы

Служебная записка

10.03.82 г. Секретно

Москва, КГБ
Крючкову

Источник “Клён” сообщает, что нелегальная типографская точка в Джетысу приступила к работе. Производится печатание “Вестника истины”, Евангелия и ряда других изданий. Нелегальная типография снабжена всем необходимым сырьём и бумагой.

Прошу учесть, что по слухам (источник “Клён”) типография в течение месяца снова будет передислоцирована. Установить город или область, куда будет перевезена нелегальная типографская точка, источнику “Клён” пока не представляется возможным. Москва, КГБ

Быстров

Телетайпограмма

10.03.82 г.

Алма-Ата, УКГБ
Утепову

Примите все меры к установлению местонахождения нелегальной типографии баптистов-раскольников и задержанию в течение месяца всего обслуживающего персонала. Особо важно задержать специалиста-типографа, владеющего приёмами офсетной печати.

Для осуществления мер плотного наблюдения и поиска разрешаю использовать оперативный состав управлений других областей Казахстана.

В случае отрицательного результата к Вам будут применены организационные выводы.

Москва, КГБ
Андропов

30. Судьба лжебрата Хорошилова

Хорошилова этапировали из Ташкента до Москвы “вагонзаком”, как обычного заключённого. Он сначала обиделся, но потом вспомнил, что жизнью обязан могучему ведомству, и душа его наполнилась домом — женой и двумя дочурками.

Во внутренней тюрьме КГБ Хорошилову на всякий случай показали его расписку о сотрудничестве, напомнили срок за “длинный язык” — 15 лет. Потом накормили, вернули полученную ещё в Экибастузе зимнюю казённую одежду, выдали паспорт, деньги на проезд. К ним добавили ещё суточные и подъёмные деньги. Всего 620 рублей. Со значени-ем повторили, что в Бердске Хорошилова обязательно найдёт человек по имени “Василий Васильевич”, и надо делать, что он скажет. Подъёмные деньги никому из освобождённых лагерников не давали, и Хорошилов понял, что это его заработная плата. По прежней религиозной жизни — Иудины сребреники.

Поэтому он плюнул на все инструкции, взял да и поехал в аэропорт. Зачем в поезде трое суток трястись, когда через пять часов можно дома чай пить? Пассажиры в самолёте его сторонились, потому как одежда Хорошилова сильно воняла тюрьмой. Но он только улыбался, с удовольствием ел костистую аэрофлотовскую курицу и пил тёплый лимонад.

К обеду следующего дня Хорошилов был дома. Девчонки его ещё не пришли со школы, жена до вечера была на работе. Ключей от своей квартиры Хорошилов не имел, а потому примостился на площадке возле батареи отопления и стал поджидать дочерей из школы.

В ожидании детей сердце у него билось не в груди, а в правой повреждённой ноге. От привязчивости душевного томления Хорошилов закурил купленные в аэропорту “Домодедово” дорогие сигареты с фильтром.

Ну наконец-то! Хлопнула входная дверь.

Но вместо звонких девичьих голосов послышались огрубелые голоса подростков. Сердце у Хорошилова метнулось на законное место, он зачем-то снял шапку. Трое здоровенных парней поднялись на площадку. Никого из них Хорошилов не знал, но на всякий случай улыбнулся и сказал:

— Детей вот.. жду из школы.

Парень, что шёл впереди, нёс в руках две бутылки водки.

Парни уже были поддатые, и Хорошилов понадеялся, что идут они к кому-то в квартиру, пьянствовать. Но понадеялся зря.

— Закурить дай! — мутно сказал парень с бутылками.

Хорошилов протянул пачку дорогих сигарет. Парень, не оглядываясь, передал сигареты собутыльникам.

— А ты чо, живёшь здесь?

— Живу. Я только вчера освободился из лагеря. Вон моя квартира... номер семнадцать.

Сигареты парни не возвращали, и это был плохой признак.

Затылок Хорошилову начало припекать. То ли весеннее солнце, то ли страх.

— Я на улицу выйду, — несмело произнёс Хорошилов, а внутри всё орало: “матом их, матом, да в харю кулаком, зэк ты или не зэк?”.

— Не зэк ты, а бомж вонючий! И здесь ты, сука, не живёшь! — крикнул парень, шедший последним, — и мы таких не любим! Бей, Лёха!

Лёха саданул Хорошилова бутылкой по голове. Хорошилов бы устоял, да слишком торопился встать. Упал он на четвереньки. Его второй раз огрели по голове. Хорошилов замычал, облизывая кровь с подбородка. Ему в этот момент очень хотелось, чтобы его доченьки задержались в школе. Хорошилов ещё раз приподнялся, держась за батарею, но в этот момент второй парень сунул ему под левое ребро что-то длинное и холодное.

Хорошилов ещё слышал их матерки, когда парни обшаривали его карманы, а потом стукнула входная дверь, слышались девичьи голоса, и Хорошилов последний раз улыбнулся.

На грешной этой земле.

31. Снова “горячий” розыск

“Председатель КГБ СССР приказал: “Всех в ружьё”! Значит, всех”! — кричал в своём огромном кабинете генерал Утепов. А московский полковник Васин уговаривал председателя КГБ при Совете Министров Казахской ССР Утепова “не гнать лошадей”:

— Хорошо, товарищ генерал, ввялятся в село пять сотен молодцов, что будет? Опять ничего не будет. Спугнём.

— Замаскируем моих джигитов под солдат, под милиционеров, а?

— У твоих джигитов такие откормленные хари, что только у американских солдат бывают! Наши служивые в два раза тоньше и бледнее! За версту увидят, что оперативные работники в “поле” вышли, на жирных государевых харчах вскормленные!.. Кучкин из Каскелена переехал?

— Переехал. Успел уже со всеми обнюхаться в баптистской общине. И всё время плачет. Живёт на квартире у начальницы их контрразведки.

Васин недоумённо вскинул глаза от бумаг. Утепов пояснил:

— У наших баптистов, товарищ Васин, разведка и контрразведка на дедульках с бабульками построена. Как начинали они в молодости против нас работать, во времена Иосифа Виссарионовича, так и продолжают. Не рвутся на пенсию, как наши джигиты. Понимаешь, да, очень результативно работают. Иногда им завидую даже. Своих учу. Бредёт себе такая бабулька по улице и всё подмечает. Видит, чужие люди на машине подъехали к пивному ларьку, подозрительные люди. Деда своего к ним подсылает. А это мои, понимаешь, паразиты, после дежурства пиво пьют у ларька! А дедулька с кошёлкой пустые бутылки рядышком сортирует. Мои раздолбаи во весь голос орут: “засада, конспирация, захват”! У дедульки японский фотоаппарат “Кэнон” в драной кошёлке и в придачу диктофон “Сони”. Всех заснял и записал.

— Фотографии, конечно, не подарил?

— Подарил! А иначе за что бы я своих долбаков с работы турнул? Здесь столица, расслабляться нельзя. Ладно, чего предлагаешь?

Васин давно всё решил и спланировал:

— Пусть Кучкин потолкается, книги божественные покланчит, то да сё. А мы пока по улицам посёлка пустим твою “Волгу” с причиндалами. Туда засадим павлодарскую троицу, что в Фергане работала. Пусть улицы поутюжат, может, кого узнают из ферганских верующих “друзей”. К ним ещё четыре группы снарядим, интервалы определим, и пускай катаются по посёлку три дня.

— Не могу три дня! Андропов всего месяц мне дал! Голову снесёт!

— А мы за три дня какой-нибудь оперативный фокус придумаем. Не переживай!

“Волга” была замечательная. В Москве клепали: двигатель от “Чайки”, коробка передач от “Чайки”. Всё, кроме кузова, от “Чайки”. Кузов утяжелён и проварен для прочности стальным профилем. Две японские миниатюрные телекамеры замаскированы спереди и сзади. От них работают два телевизора в салоне. Уютен рабочий быт столичного контрразведчика!

— Эх, японская ты мать! — завистливо сказал Самохин, — жил бы в такой машине!

— Поживёшь ещё! — угрюмо пробурчал Болат, водитель “Волги”, — ещё проклянёшь эту колымагу! Все сели? Поехали?

— Поехали!

Самохин примостился спереди, он фиксировал картинку передней камеры. Пашин и Ахметов сели сзади, фиксировали картинку за спиной.

Посёлок Джетысу своими улицами уже врос в город. Пять минут пролетишь по центральному проспекту, и уже в деревне. Начали кататься по улицам, а на них одни детишки. Старики по огородам расползлись, рабочие да служащие в городе рабочий день отбывают.

Так безрезультатно и отъездили дневную смену.

Правда, мелькали иногда знакомые лица, то на частных машинах, то в кабинах грузовиков. Но это были всё свои, оперативные работники. За их портреты премию не выпишут.

Сменили их в 20.00 возле ведомственной гостиницы без вывески, что гостиница. Нет, вывеска, конечно, была, что-то вроде “Казахгидроводмонтаж”. Но ежели кому постороннему приспичит проверить, что там внутри не кабинеты, а спальни, тот всю жизнь бессонницей будет страдать. Так заведено не только у нас, во всём мире спецслужбы даже во сне прячутся.

Поужинали без аппетита и легли отдохнуть. Ахметов, правда, нервно и долго ругался, грозился подать рапорт, что он в Фергане баптистом не работал, как некоторые из присутствующих, а честно торговал на базаре. Он здесь лишний и ему пора домой. Он почти год жену не видел, это что же такое? И вообще он, ребята, заболел. И утром пойдёт в санчасть, а Самохин с Пашиним пускай уродуются. Он, Ахметов, никогда сам себе трусы да майки не стирал, тем более рубашку и брюки. А стирать надо каждую неделю! Теперь ему всё надоело, и он заболел!

Продолжение в следующем номере.

Анатолий ОРЕХОВ

“Великий Боже, не покинь народ...”

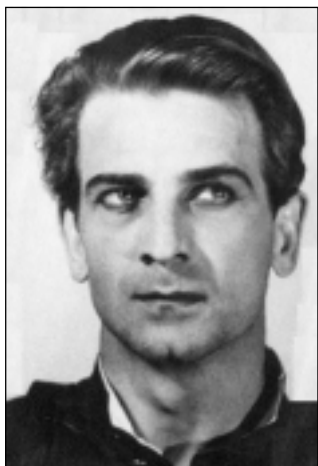
Посеяв доброту, я горькое скошил;
Чертополох с полынью уродился.
Наверно, у земли не стало прежних сил
И прежних душ, кто за неё молился.

Поведай мне, о чём ты просишь Бога,
Живя в смятенье непонятных дней.
Быть может, шепчешь: “Помоги немного,
Творец Всевышний, не бросай людей”.

Наверно, и бессонница ночами
От этого, и оторопь берёт.
Не ведаем, что дальше будет с нами,
Великий Боже, не покинь народ.

Проси о том, что выстрадал душою,
Тогда придут из Вечности слова,
Написанные неземной рукою,
Для книги “мёртвых” — первая глава.

Мне белый ангел говорил о книге —
Был это сон иль мимолётный бред —
Главу откроет тот, кто плоть свою в вериги
Одев, даст клятвенный обет.

**Анатолий
Егорович
ОРЕХОВ**

родился в 1938 году в г. Сочи. Окончил государственное театральное училище в Ставрополе. Актёр, режиссёр, драматург. Сорок лет проработал в театре. Автор пьес “Горсть бриллиантов”, “Гнев”, “Последняя продрозвёрстка”, “Шаг с обочины”, “Неверная жена” и др.

Ведёт литературную студию “Свеча” при городской школе детского творчества. Стихи пишет с 2000 года. Живёт в Костанае.

В “Ниве” выступает впервые.

За тех, кто проклиная нас — молиться,
Кто, затаясь, вынашивает месть.
Тогда откроется запретная страница,
Где слово несказуемое есть...

Поведай мне, о чём ты просишь Бога?

Наталье Кротовой

Я тебя встретил, неожиданную,
Кроткую, летней порой,
Богом ли, ангелом данную,
Девушку с русой косой.

Голубоглазую, нежную,
с росчерком чёрных бровей,
Встретил я в ночь неизбежную
Жизни нескладной своей.

Может, само Провидение
Мне приходило помочь.
Боже, какое свечение
Было над ней в эту ночь!

Падала где-то зарницами
В даях далёких гроза,
И под твоими ресницами
Тайной горели глаза.

Выдернув ленту багряную
Из светло-русых волос,
Плечи покрыла неожиданная
Золотом ранним берёз.

Как твоё имя крещёное,
Явь ты иль сон голубой,
Музыка мне незнакомая,
Необъяснимый покой?

Пламенем синим облитая,
Светом небесным дыша,
Шепчет: "Тобою забытая,
Явь Я, а имя — Душа".

Солнце к закату проглянуло бледно,
День уходил в небеса,
Крыльями птицы чертили бесследно
Сумрак, ползущий в леса.

Лес становился загадочно-грозным,
Тьма трепетала вокруг...
Небом безлунным, небом беззвёздным
Сеялся липкий испуг.

Кто-то в лесу надрываясь, смеялся,
Чьи-то горели глаза,
Хохот был близким, потом удалялся,
Будто шальная гроза.

Женская песня во тьме разливалась,
Полная смертной тоски,
Белое платье русалки качалось
В омуте чёрной реки.

Были минуты, когда замирала
В дебрях сама тишина,
Слыша, как трудно и тяжело вздыхала,
Каясь, душа кодуна...

Эти виденья мне снятся порою —
Я их по-детски страшусь,
Но и люблю твои сказки, не скрою,
Милая матушка Русь!

Помолиться б на светлые лики
Чудотворных, явленных икон
И пойти, как ходили калики,
По Руси под малиновый звон.

Шли и в холод, и в зной пилигримы,
Слово святости вечно храня,
Всею землёю за кротость любимы
Птахи Божьи лазурного дня.

Ничего им от жизни не надо,
Только б слышать душою Творца,
Когда музыка Горнего сада
Обагрят любовью сердца.

Что же с Русью теперешней стало?
Где та вера, что нас берегла?
Может, что-то в народе пропало,
Может, что-то сгорело дотла.

Помолиться б на светлые лики
Чудотворных, явленных икон
И пойти, как ходили калики,
По Руси под малиновый звон.

Сирень Руси, она — другая,
Чем, скажем, Франции сирень,
Она там дивно молодая,
Глазами похоти сверкая,
Вином встречает ночь и день.

А на Руси она скромна,
Душа её полна печали,
Её подруга тишина
Из необъятной нищей дали.

Город запорошили метели,
Нет к тебе тропинки, нет следа.
Мартовские ветры прилетели,
Принесли на крыльях холода.

И ночами странники-морозы
На стекле рисуют мне цветы:
Голубые сказочные розы
Неземной волшебной красоты.

Я целую дивные букеты,
Снов моих заветные мечты.
Обжигают губы самоцветы,
Нашей встречи первые цветы.

Ты придёшь нежданно-нежданно,
Так уж мне завещано судьбой.
Ты придёшь, любимый и желанный,
Ласковый, заботливый, простой.

Откружились в городе метели,
Расплескалась в небе синева,
Трепетные ветры прилетели,
Закружилась сладко голова.

На два красивых юных тела
Седая ночь из темноты
В окно открытое глядела,
Бросая лунные цветы.

Ей память нынче возвратила,
Как много сотен лет назад
Она, безумная, любила,
Шептала что-то невпопад.

И вот теперь она седая,
Седая с мудрой головой.
Есть два крыла, есть духов стая,
Есть власть над грешною землёй.

В любой момент она готова
К ногам всё это положить
Тому, кто молодость ей снова
Вернёт, даст время долюбить.

Я видел, как цветёт гранат,
Как неожиданный закат,
Который пал средь бела дня
Цветами алого огня
На ветви, где листва чуть-чуть
К огню прокладывала путь.

Посвящается М. К.

Уйти бы в Пустынь, всё покинуть:
Семью, тоску да лжедрузей;
От суеты мирской отринуть,
Молиться за грехи людей.

И за свои грехи молиться,
За вольный и невольный грех.
Страдать, скорбеть, душой томиться,
Как Он страдал — один за всех.

С молитвами придёт прозренье,
Тогда в груди родится крик
Любви, испуга, изумленья,
Увидев лучезарный лик.

И Сын, приблизившись, ответит
На вечно мучающий вопрос,
Тысячелетий тьму осветит,
Голгофу, крест да реки слёз.

Осветит ложь и крови ярость,
Осветит фарисейства крик
И вызывающую жалость,
Иуды кающийся лик.

Спаситель! Мир не изменился!
Что там росло, цветёт сейчас!
Тебе казалось, Он смутился,
Но, отвернувшись, Сын молился
За мир истерзанный. За нас.

И плакал Он. Уста просили:
“Не предавай меня, народ!”
Но люди лицемерно лили
Елей на временных господ.

И горькой болью сердце сжалось.
Увидел ты в Его глазах
Неизмеримую усталость,
Страданье на святых устах.

Он уходил. Вставали тени.
На место, где светился лик,
Слетались души поколений,
И был понятен их язык.

Они Спасителю кричали:
“В последний раз прости людей!”
Земля спала, но свет печали
Из глубины небесной дали
Кружился птицею над ней.

Уйти бы в Пустынь...

Солдатам войны — живым и мёртвым

И час победы пробил, наконец.
К нему мы шли тяжёлою дорогой.
Об этом мне рассказывал отец,
Вернувшийся безрукий и безногий.

Их “самоварами” прозвали на миру.
Они об этом знали и шутили.
Отец мне говорил: “Наступит день — помру,
Мне ноги пристегни, и чтобы руки были”.

Я выполнил наказ — отца похоронил,
И с той поры мне грезятся кошмары:
Я вижу тысячи разверзшихся могил,
Встают из них на бой “солдаты-самовары”.

Я просыпаюсь — пот холодный льёт.
Они ползут в последний раз под танки,
За ними лавой всей земли народ —
Убитые, живые и подранки.

Живым и мёртвым низкий наш поклон
За то, что веру в битвах отстояли.
Нам не забыть сердец солдатских стон,
Их кровью окроплённые медали.

Живым и мёртвым низкий наш поклон.

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Летний кинотеатр

Рассказ

I

Летний кинотеатр моего детства. Те же саманные высокие стены, напоминающие глиняные дувалы, верх которых венчают решетчатые штыри, скреплённые между собой литыми узорами из чугуна. Те же самые дубы, раскинувшие свои вековые ветви над стенами кинотеатра. Так же, как и в те годы, сидят стайками мальчишки на этих стволах и, забыв обо всём на свете, смотрят очередной "недетский" фильм. Всё как прежде, как тогда, кажется, что ничего не изменилось, лишь фильмы стали иные, но их полуторачасовая жизнь всё так же заставляет зрителей плакать, смеяться, и они, затаив дыхание, сопереживают персонажам и героям фильма в этом летнем кинотеатре Ахмета.

Я сижу под звёздами в тёмном открытом зале. Сноп проекционного луча, пробивая тьму и полчища ночной мошкары, пролёт над головами зрителей. Я вглядываюсь в их лица. Знают ли они почему этот летний кинотеатр носит имя Ахмета?..

Должны знать.

II

Ему было за шестьдесят. Он ещё во время войны мотался с кинопередвижкой по прифронтовым дорогам, показывая бойцам героические фильмы тех лет: "Секретарь райкома", "Радуга", "Иван Грозный", "Александр Невский", "Два бойца", "Парень из нашего города".

Солдаты, несмотря на близость вражеских позиций, во все глаза взирали на эту почти земную жизнь, чем-то похожую на их военную тяжесть, но невидимым образом разделённую на вымысел и реальность. Многие из бойцов впервые в жизни видели это самое кино, ибо на скорых сборах им было не до фильмов, они, мобилизованные из глухих сибирских хуторов и деревень, из горных и степных кишлаков и аулов, проходили совсем другую науку — науку убивать. И в эти короткие часы они, взирая на экран, радовались посланному с небес в лице бойца-киномеханика Ахмета наслаждению и передышке, когда можно перекурить и не только следить за действием сюжета, но и думать о самом сокровенном, что осталось по ту сторону Урала.

Во время бомбёжек Ахмет выключал движок, и когда гул фашистских бомбардировщиков угасал в ночном пространстве, бойцы нетерпеливо бурчали:

— Давай, Ахмет, крути дальше. Улетели "мессеры".

И после войны Ахмет не расстался с любимым делом. Когда началась целина, он мчался на разбитой полуторке по дорогам Северного Казахстана

в отдалённые совхозы и аулы. И молодые парни, целинники, радовались любому фильму, привезённому Ахметом из облкинопроката. А через пять лет, почувствовав боли в пояснице, он приехал в наш южный город показаться врачам, да так и остался здесь жить у сестры. Врачи определили радикулит, и Ахмет устроился киномехаником в летний кинотеатр. Фильмы показывал три раза в неделю, а зимой работал сторожем здесь же, в парке.

Начиная с апреля мы, дворовые мальчишки, не давали ему прохода:

— Дядя Ахмет, ну когда?..

— Рано ещё, холодно ведь на дворе, — улыбался он в редкие усы. — Вот ближе к майским праздникам потеплеют ночи, тогда и начнём.

— Только обязательно про войну, дядя Ахмет.

— Хорошо, пострелята, — молвил он. — Вы бы чем бездельничать, лучше б помогли мне скамейки покрасить и зал прибрать...

И в период буйного цветения, когда благоухали сады и исходила на-кипью сирень, начинался в летнем кинотеатре праздник первого филь-ма. Мы ещё за день с утра помогали Ахмету расклеить афиши, обегали близлежащие дома, оповещая о предстоящей картине. Исходя из назва-ния, гадали, какие события произойдут в ней.

На фильмы тогда ходили семьями, шли как на праздник, но мы, дво-ровые мальчишки, считали зазорным и плохим тоном для себя — идти вместе с родителями, и если даже фильм был не “до шестнадцати лет”, всё равно карабкались на могучие стволы и ветви дубов, окружавших летний кинозал. Да я вообще не помню, чтобы кто-либо из нас, мальчишек, поку-пал билеты. Их брали те, кто был возрастом постарше или же впервые при-глашал девчонку. Эти ребята, да и девчонки тоже, ещё недавно так же, как и мы, сидели на скрученных ветвях деревьев. Но сейчас они с важны-ми лицами покупали своим смущённым особам синенькие билетки и, глядя на нас, небрежно цедили сквозь зубы:

— Щеглы!..

Мы на это отвечали улюлюканьем и свистом, и этот гвалт продолжал-ся, пока они с красными напряжёнными лицами не садились где-нибудь в глубине, подальше от наших наглых взоров. Это был своеобразный риту-ал проводов нашего старшего собрата из детства в юность.

Ахмет, как нам казалось, не замечал или делал вид, что не замечает нашу бесплатную галёрку, но два раза в сезон: в День Победы, когда он надевал свой единственный бостоновый костюм с двумя медалями, и в День защиты детей, этот старый киномеханик, пропустив всех билетных зрителей, галантно распахивал решетчатую калитку:

— Ну-ка, пострелята, прошу! Сегодня для вас вход свободный.

И мы стайкой птиц слетали с деревьев и с шумом усаживались на скамейки, не обращая внимания на негодующих и возмущённых зрите-лей. И когда проекционный луч впивался в экран, зал затихал. Зрителей и нас, мальчишек, завораживала необъяснимая сила кино.

III

Однажды, когда я поудобнее устроившись на морщинистом суку, от-теснив тем самым своего друга Анвара к развилке ствола, крутили какую-то заграничную ленту. Люди жили у моря, ловили рыбу. И когда рыбаков

начало относить штормом в открытое море, вдруг погас луч аппарата. Это было неожиданным, ибо Ахмет всегда честно исполнял свои обязанности и ему никогда не кричали зрители “Сапожник!”. Несколько мгновений зал молчал, затем зрители начали оборачиваться в сторону кинобудки, глядя на маленькое окошко. Поднялся небольшой гул, но вновь появился волшебный луч, и все успокоились.

И никто не подозревал, что творилось в будке киномеханика. Трое пьяных парней ворвались к Ахмету. Один из них, в красной ковбойке, схватил его за плечо и, дыша перегаром, потребовал:

— Слушай, папаша, мы опоздали к началу сеанса. Ну-ка крути поновой, — и он выключил кинопередвижку.

Ахмет хладнокровно вновь включил аппарат, повернулся к парням и хмуро ответил:

— Знаете что, ребята... выпили, ну и идите по домам.

— Ах ты фраер!.. Рашид, объясни-ка ему...

Тяжелый удар сшиб старика.

— Не будешь, говоришь? Что ж, мы сами твоё кино покрутим, — рычал обкуренный парень в ковбойке. — Оттащите его...

Ахмет, пошатываясь, встал и, пересилив боль, шептал разбитыми губами:

— Нет... нет... нет!

— А ты, оказывается, крепкий одуванчик. А это как тебе?..

В последнее мгновение Ахмет почувствовал как что-то холодное и острое резко вошло в левый бок. Охнув, он навалился на проектор, киноплёнка разорвалась, кровь брызнула на линзы, и они, увеличив её, выплеснули эту кровь пожилого человека на матерчатый экран.

Люди вскочили. Тишину разорвал пронзительный крик:

— Ахмета убили!!!

Я, разодрав штанину, слетел с дерева. Будка была полна народа. “Скорая помощь” и милиция приехали одновременно. Безжизненное тело киномеханика свисало с всё ещё стрекочущего аппарата. Кто-то выключил его. Это был последний киносеанс Ахмета. Врачи положили его на носилки и накрыли простынёй. Люди в мёртвом молчании проводили карету “Скорой помощи”, они всё ещё были оглушены произошедшим. Вдруг из оцепенения всех вывел плачущий голос Лёхи:

— Они вот туда побежали, я видел — все трое туда побежали, дядя милиционер, — кричал он, показывая в сторону паркового пруда.

— Молчи! Ничего ты не видел, — испуганно прижала Лёху мать. — О горе ты моё! Убьют же тебя... Он ничего не видел, товарищ милиционер.

— Нет! Видел! Видел! Видел! — истоплённо орал Лёха. — Они там, в кустах.

— О господи!.. — взмолилась мать.

Но её никто не слушал, и все побежали в сторону пруда. И мы, прячась от родителей, рванули туда, испуганно шараясь по тёмным кустам.

IV

Преступников поймали. Я никогда не видел фашистов, разве что в фильмах, которые показывал нам дядя Ахмет, но когда той ночью их провели мимо меня, двенадцатилетнего мальчугана, мне показалось, что это они и есть — фашисты и изверги. И сейчас, через много лет, я убеждаюсь в этом.

Летний кинотеатр после той страшной ночи осиротел. Люди подходили к пустому афишному стенду и, вздохнув, удалялись, оглядываясь на пустующие скамьи. Ахмета хоронил весь наш район. Мы, мальчишки из близлежащих дворов, несли поочередно атласную подушечку с двумя медалями и с каким-то значком. Когда нёс я, успел прочесть надписи: “За отвагу”, “За освоение целинных земель”, “Отличник кинофикации СССР”.

А через месяц появился новый киномеханик — молодой парень. И вновь начались сеансы в летнем кинотеатре. Казалось, что всё забылось, но чья-то рука на афишах после надписи “В летнем кинотеатре” дописывала два слова “имени Ахмета”. Со временем народ привык к этой надписи и все люди звали с тех пор этот летний кинозал Ахметовским кинотеатром.

Жизнь продолжалась. Продолжались и фильмы в летнем кинотеатре — с весны до поздней осени. На многие фильмы ходил и я, но уже покупал синенький лепесток входного билета. Моё детство кончилось.

V

К югу от города, ближе к предгорным холмам, расположено старое кладбище нашего района. В левом заброшенном углу среди увядающих яблонь есть небольшая каменная плита. На ней высечено арабской вязью “Ахмет Асан-улы”. День рождения и дата гибели. Если увидишь её — не пройди мимо. Возложи на плиту букетик диких цветов, благо их много растёт по углам этого старого заброшенного кладбища. Возложи — здесь похоронен человек из моего детства.

1973 год.

Светлячки

Повесть

I

Ливень прекратился внезапно, так же резко и внезапно, как и начался. Ещё несколько мгновений назад небо, потемневшее, со смутными очертаниями туч, которые под воздушным потоком нагромождались друг на друга, вбирало их в свою недостижимую бездну и взамен выплёскивало на город почти весь свой запас сезона ливневых дождей.

Два небоскрёба были едва видны, да и то только своей нижней частью, как бы растворившись верхними этажами в небесах. Потоки ливня, подстёгиваемые ветром, образовывали воздушно-водяную массу, заставляя прогибаться раскидистые ветви пальм, омывая поезда монорельсов, витрины магазинов и офисов и уже жёлто-глиняной рекой устремлялись вдоль улиц и проспектов куда-то туда, за город, в невидимые отсюда джунгли.

Эти ливни наплывали не один раз на день. Внезапно начавшись, они внезапно и обрывались, вновь даруя земле и всему тому, что находилось на ней, лучи юго-восточного солнца. И только батики, женские платки и платья вбирали в себя всю эту влажность непредсказуемых божественных небес.

Из окна офиса он взглянул на промытую ливнем эстакаду, которая из-за переплетённых дорог и автобанов слегка напоминала распятый осьминог с мелькающими по его шершавой коже разноцветными букашками машин.

Вдруг стайка мотоциклистов, совсем ещё юных ребят, вынырнула из туннеля и с возгласами радости мимолётному солнцу рванула из центральной части города в сторону близлежащих деревень. У многих из них рубашки были расстёгнуты на все пуговицы и плескались на солнечном ветру, словно флаги несравненной юности, обнажая их загорелые тела.

Позади одного паренька сидела девушка. Она тростинкой прильнула к нему, обхватив его руками. И в клубах выхлопного газа мелькнул красный платок, повязанный галстуком на её шее.

Стайка юных мотоциклистов, лавируя среди потока машин, исчезла где-то вдаль, в лучах заходящего солнца.

Услышав трель сотового телефона, он вздохнул и отвёл взгляд от промытого небесными слезами окна...

II

“Внимание, водитель “Хонды”—“девяносто девять — девяносто девять”, возьмите влево”, — провожая взглядом двухколёсный мотоцикл, прокричал в рупор дорожный полицейский, стоя на оживлённом перекрёстке.

Кемал, четырнадцатилетний юнец, вынырнув на своей “Хонде” из мерно плывущего потока машин, устремился вперёд, чуть раньше зелёного глаза светофора, едва не задев зад широкополого лимузина, который пересекал перекрёсток. Махнув рукой опешившему полицейскому, Кемал дал газу, и “Хонда”, словно породистый жеребёнок, который всё ненароком выбегает из табуна, рванула по трассе, пугая дисциплинированных водителей и пешеходов, которые, в страхе отпрянув, взирали вслед мчащемуся мотоциклу, осёдланному Кемалем, и в клубах выхлопного газа проступали цифры его номерного знака: 99-99.

Кемал ещё некоторое время покуражился на своей “Хонде”, то поднимая её на дыбы, то выпуская рукоятки руля и, разбрызгивая зеркальца луж, умчался в сторону своей деревни, что находилась в тридцати километрах от столицы.

III

Его уже потрёпанная “Хонда” ничем особенным не выделялась среди других мотоциклов сверстников, которые имели таких же двухколёсных коней — немецкой, японской или же южнокорейской марки. Всё дело было в цифрах номерного знака. Если у других мотоциклы имели самые различные номера и самые различные цифросочетания, то во всей округе только у него, Кемал, был один и неповторимый номер — четыре девятки. Этот номер был его фамильной гордостью и своеобразной охранной грамотой, ибо этот номер ему подарил старший брат Бахаруддин. Когда отец Кемал, год тому назад купил ему эту “Хонду”, купил за хорошую учёбу и ещё за то, что Кемал помогал всё лето отцу обслуживать на лодке туристов, то радости в его глазах не было предела. Он уже умел ездить на мотоцикле, но то были чужие, не его двухколёсные кони, а здесь свой, собственный

мотоцикл марки “Хонда”, светящийся тёмно-синей эмалью, отражение на которой не скрывало, а наоборот подчёркивало его подростковую радость в кругу завистливых сверстников. Он с гордостью выгибал свою впалую грудь, выпрямлял свои хрупкие лопатки, словно ожидая, что из них вот именно сейчас вырастут невидимые крылья ангела, которые взметнут его в безоблачную высь, только успеть бы сесть на своего двухколёсного коня, только бы дать газу для разгона, только бы провожали его взглядами односельчане.

Именно с таким видом шёл Кемал, придерживая свою новенькую “Хонду”, и ему казалось, что работающие в поле люди оглядываются на его горделивое шествие, водители проезжающих машин своими сигналами салютуют ему, а он, Кемал, с чувством ребячьего достоинства шёл к остановке пригородного автобуса, где на пяточке возле небольшого придорожного кафе собирались его друзья-ровесники, кто уже с мотоциклом, кто с мопедом, а кто пока ещё с китайским велосипедом.

А брат Бахаруддин, видя сияющие счастьем глаза своего братишки, договорился с отделением дорожной полиции, чтобы номер его старого и давно уже отжившего мотоцикла был перерегистрирован на новенькую “Хонду” Кемалю, благо он сам давно уже не ездил на мотоцикле, а пересел на малолитражку, автомобиль южнокорейского производства. При этом брат Бахаруддин поведал Кемалю семейную притчу о происхождении этого номера, состоящего из четырёх девяток.

IV

Однажды дядя Бахаруддина по материнской линии привёз на своём драндулете с коляской девушку из города. Это было давно, когда в соседнем Вьетнаме воевали с американцами, в небе иногда был слышен отдалённый гул истребителей, а по сельскому радио иногда передавали тревожные сообщения о сожжённых напалмом вьетнамских деревнях. Но это всё было относительно далеко от деревни дяди, куда он привёз свою девушку и вскоре женился на ней, ибо был ещё молод и полон сил. Бахаруддин ещё мальчиком был на этом свадебном ритуале. Его дядя, одетый в национальный наряд, восседал в большом свадебном кресле. Серьёзный вид жениха подчёркивал торжественность свадебного ритуала и завораживал пришедших в гости односельчан. Бахаруддин до сих пор помнит вкус варёных яиц, подвешенных на разноцветной фольге к деревцу возле кресла дяди. Крутом сияли ритуальные светильники, сотворённые из разноцветной бумаги. Все тогда ели рис, специально приготовленный в больших чашах для этого свадебного торжества.

А спустя некоторое время, которое миновало после свадьбы, дядя поведал мальчику Бахаруддину о том, как спас свою будущую жену от хулиганов, которые напали на неё глубокой ночью в городе, а точнее, как она, с обезумевшими от страха глазами, запрыгнула к нему, неизвестному молодому человеку, в коляску его мотоцикла, как крутанул он рукоять газа, как рванул его драндулет по тёмным улочкам города, как неслись им вдогонку голоса и проклятья обкуренной или опьянённой шпаны. И только где-то на окраине города он весело взглянул на неё, потерявшую дар речи, придерживающую рукой разодранный платок. И только широко раскрытые глаза в пол-лица и судорожно вздымающаяся сквозь ткань нейлонового платья девичья грудь напоминали о недавно пережитом ужасе.

А когда он её успокоил, и они решили перекусить в летнем ночном кафе, вдруг из тьмы ночи всплыла некая полусумасшедшая старуха и затряслась в беззвучном смехе, глядя выпуклыми глазами на номерной знак их драндулета, а затем лукаво изрекла:

— О, четыре девятки! Храните их, этот знак принесёт вам счастье...

И взяв без спроса недоеденную рыбу в пальмовом листе, растворилась в ночной тьме окраины.

Девушка для дяди Бахаруддина стала хорошей женой, и платок от хиджаба она носила с каким-то особым шиком, окаймляя им свой слегка выпуклый лоб и лицо с большими иссиня-чёрными глазами. “А ресницы её выдержали бы с десяток крупных рисинок на весу”, — не раз думалось мальчику Бахаруддину, когда он утром, за завтраком, украдкой поглядывал на неё перед уходом в школу.

Вот так дядя нашёл своё счастье в жизни, и, спустя годы, подарил этот номерной знак “99-99” Бахаруддину, когда тот повзрослел и с помощью своего отца купил себе мотоцикл. А ещё года через два Бахаруддин привёз на этом мотоцикле свою девушку, чтобы познакомить её с родителями. А ещё через полгода вновь была большая сельская свадьба. И был на этой свадьбе братишка Бахаруддина Кемал и видел, как его старший брат с торжественным видом восседал на ритуальном кресле, и так же, как и Бахаруддин когда-то, вкушал Кемал варёные куриные яйца, обёрнутые в разноцветную фольгу и подвешенные на небольшом деревце возле жениха. И односельчане так же, как всегда, ели вкусно приготовленный рис в больших обрядовых чашах. И всюду были развешаны светильники, специально для этого торжественного случая купленные в городе.

V

Ежедневные гонки на мотоциклах в вечернее время не всегда завершались успешно. Обычно караван из трёх-четырёх мотоциклов, двух мопедов и нескольких велосипедов выезжал из деревни по обочине шоссе и здесь распадался на отдельные группы. И обладатели мотоциклов мчались наперегонки до следующего населённого пункта.

Дорога иногда огибала пальмовые леса и плантации каучуковых деревьев, вела то вправо, то влево, то вверх, то вниз, ложилась извилистой тёмной лентой на невысокие холмы и возвышенности. На этом ландшафте высшим шиком являлось совершить своеобразный вираж на крутом повороте, чуть не касаясь коленкой шершавой поверхности асфальта. Не каждому мотоциклисту удавалось это проделать с первого раза, а юные обладатели мопедов и не пытались совершить этот головокружительный вираж, не говоря о мальчишках, несущихся на китайских велосипедах. Сколько раз приходил домой с изодранными коленками Кемал, но всё же научился выделять свой коронный вираж, а его сверстники со временем поняли и осознали, что им не тягаться с Кемалем в этом почти цирковом трюке, ибо мало надо было сделать этот вираж, но и сразу же после него необходимо поставить заключительную точку, а именно поднять мотоцикл на дыбы и проехать на одном колесе несколько метров. Так Кемал стал не только обладателем заговорённого номерного знака, но и лидером среди мальчишек, а может быть, потому и стал заправиллой среди них, так как у него, и только у него был этот номерной знак: 99-99.

И даже проныра Ли, сын хозяина небольшого китайского кафе, который был чуть старше его, хоть и всё-таки смог раза два совершить этот вираж, но не в силах был поставить завершающую точку — встать на дыбы; ибо в этот самый момент он падал, вызывая смех и улюлюканье деревенских мальчишек. Да и номерной знак его мотоцикла был из таких цифровых сочетаний, что даже неудобно произносить его вслух.

VI

Месяц за месяцем Кемал осваивал на своей “Хонде” ландшафты местности. Ему уже были знакомы все дороги и закоулки близлежащих деревень, однако в большой город он ещё не осмеливался выезжать.

Однажды Бахаруддин, убедившись, что братишка Кемал водит свою “Хонду” как лихой наездник, подарил ему ярко-красный мотоциклетный шлем. В сочетании с тёмно-синей “Хондой” этот шлем, надетый на голову Кемалю, контрастировал с окружающей густой зеленью. Иногда сквозь придорожные заросли мелькал этот шлем, словно божья коровка, перебирающаяся с одного листа на другой. Кемал в этом шлеме представлял себя автогонщиком, почти знаменитым Шумахером, несущимся по извилистой трассе “Формула-1”.

Однажды, когда он на крутом повороте сделал свой коронный вираж и поставил двухколёсного коня на дыбы, то увидел хрупкую девушку, идущую вдоль обочины в его сторону. Он, сидя на мотоцикле, подождал, когда она пройдёт мимо него, и тайком проводил её взглядом. Она на ходу искоса и лукаво взглянула на Кемалю, который возвышался на сиденье “Хонды”, и, чему-то усмехнувшись, быстрым шагом пошла вдоль шоссе в сторону остановки пригородного автобуса.

Кемал, словно лунатик, заворожённым взглядом проводил её, затем, повинувшись какому-то необъяснимому желанию, поехал на “Хонде” вслед за ней, обогнал девушку и вновь остановился в двух десятках метрах от неё, и подождав, когда она подойдёт, вновь проводил её заносчивым от мальчишеской незащитности взглядом. И девушка вновь искоса и лукаво взглянула на Кемалю и, пройдя мимо него, беззвучно засмеялась. И так продолжалось до самой остановки пригородного автобуса. И когда подъехал автобус, и когда девушка вошла в него и села у бокового окна, Кемал дал волю своим необъяснимым чувствам. Он то обгонял автобус, который пытался по склонам, то заезжал вперёд него, то ехал медленно сбоку наравне с автобусным окном, в проёме которого улыбалась эта неизвестная девушка. Она улыбалась только ему, Кемалю, который, блаженствуя, поднимал обе руки, приветствуя незнакомку, показывал руками на свободное сиденье своего двухколёсного коня. А незнакомка отрицательно качала головой, весело отказываясь от приглашения, и только лишь слегка махала ему рукой.

А Кемал неистовствовал, его своеобразная пантомима напоминала эпизоды из театра теней, когда артисты этого театра приезжали к ним в деревню и показывали жестами и характерными позами сцены из далёкого прошлого. Вдобавок водитель автобуса включил радиоприёмник, и всю ближайшую долину наполнили попури из малазийских и индонезийских мелодий. Под этот аккомпанемент милый Кемал жестами и мимикой изливал зарождающееся в его юной душе большое и неповторимое чувство первой любви.

VII

Её звали Лэчан. Её родители и предки принадлежали к сословию Баба-Ньеня¹, однако в повседневном быту придерживались и современного китайского уклада жизни. Лэчан носила своеобразную самфу-жакет с брюками, а также блузку белого или голубого цвета.

Лэчан за время летних каникул решила немного поработать младшей продавщицей или помощником кассира, благо с математикой в школе у неё всё было в порядке. И она с рекомендательным письмом своей школы, которая находилась в китайском селенье, устроилась на месяц к отцу проныры Ли, хозяину небольшого китайского кафе и кондитерской лавки. Вот в ней и работала Лэчан, а вечером уезжала автобусом к себе в деревню. В один из таких вечеров Кемал и увидел Лэчан по дороге к остановке пригородного автобуса. А затем зачастил в кондитерскую лавку, где Лэчан работала младшим кассиром-продавцом. Покупал всевозможные китайские сладости и фруктовые коктейли и долго просиживал за столиком у окна, где поблескивал на солнце его двухколёсный друг. Кемал изредка поглядывал на Лэчан, и когда она, чувствуя на себе его взгляд, оборачивалась с улыбкой в его сторону, он смущённо отводил глаза к окну и вновь любовался своим мотоциклом. Когда старший продавец или хозяин лавки, отец проныры Ли, начинали коситься на Кемаля и что-то беззвучно бурчать себе под нос, он, вздохнув, поднимался и, надев шарообразный шлем, выходил из лавки.

Однажды Кемал, набравшись храбрости, предложил Лэчан подвезти её к остановке автобуса. Лэчан мило улыбнулась и ответила, что, может быть, в другой раз. В другой раз Кемал вновь предложил свои услуги, восседая на своём двухколёсном коне, надев для солидности ветрозащитные очки. Лэчан смущённо зарделась и сказала, что в следующий раз она не откажется от его любезности.

Кемал, насупив брови, продолжал её сопровождать на мотоцикле, чуть отстав от девушки, недовольно передразнивая:

— В другой раз, в следующий раз. Когда же он наступит этот “следующий раз”?

И в такт его словам мотоцикл также недовольно фыркал, словно бы говорил: “Девушка, Кемал предлагает вам моё второе седло, которое всегда пустовало у него, а вы отказываетесь!..”.

Лэчан, будто бы услышав и поняв мысли и Кемаля и его мотоцикла, вдруг внезапно остановилась возле рекламного щита, оглянулась, и убедившись, что витрины кондитерской лавки не видны с этого места, голосом, не терпящим никаких возражений, заявила:

— Вот здесь завтра в это же время жди меня на своём мотоцикле. Так и быть, покатаюсь с тобой до прихода автобуса, — и в подтверждение своих внезапных слов топнула босоножкой несколько раз.

Кемал на радостях сделал свой коронный номер-вираж и, поставив своего коня на дыбы, проехался на одном заднем колесе на виду у изумлённой Лэчан.

Вот так они и подружились. Лэчан, Кемал и его верный друг — двухколёсный мотоцикл “Хонда”.

VIII

На следующий день Кемал уже с обеда начал готовиться к встрече. Первым делом он помыл “Хонду” автомобильным шампунем и ещё каким-то распылителем, подвинтил, где надо, движок и колёса, заправил бачок и поставил в тени жилища. “Хонда”, игриво повернув вбок переднее колесо, вся была в ожидании предстоящей встречи. Кемал надевал то батик, один, другой, третий, то футболку с изображением башен-близнецов “Петронас-Тауэрс”, наконец остановился на спортивной майке, на которой была изображена “Хонда”, вздымающая колёса над земными полушариями, причём заднее колесо находилось на Юге-Востоке Азии, там, где Малайзия, в одной из деревень которой ждёт встречи с Лэчан будущий байкер Кемал. Облачившись в джинсовую пару, Кемал надел ботинки на толстой подошве, зубчатый след их протекторов был схож по отпечатку с шинами мотоцикла.

Задолго до времени назначенной встречи он уже был на посту у рекламного щита — места его первого в жизни свидания. Солнце медленно опускалось к закату, удлиняя на асфальте тени мотоцикла и восседающего на нём Кемалю. Эта тень словно бы поглощала в себя светлую грусть ожидания. Мимо пролетали машины, но им не было никакого дела до подростка с мотоциклом у рекламного щита. А Кемалю тем более это всё мало интересовало, ибо он ждал только её — Лэчан.

И когда в лучах заходящего солнца обозначился её силуэт, и лучи, словно нимб, окружали это небесное создание, подросток не выдержал и рванул на мотоцикле к ней навстречу. Лэчан, испуганно оглянувшись на витрины кондитерской лавки, села позади Кемалю, робко обвив его спину руками, но первый же вираж “Хонды” заставил Лэчан забыть обо всём на свете и крепче прижаться к Кемалю, чувствуя грудью и щекой его напряжённые позвонки сквозь джинсовую робу.

А Кемал по извилистой ленте шоссе всё летел и летел вперёд от теней заходящего солнца, слушая только музыку ветра, дыхание своей возлюбленной да мелодичный стрёкот “Хонды”. И эта вечность, измеряемая этими неповторимыми мгновеньями, продолжилась даже тогда, когда подъехал пригородный автобус и Лэчан, поблагодарив Кемалю, впорхнула в него, а Кемал на “Хонде” продолжал сопровождать её автобус до самого дальнего поворота.

IX

Проныра Ли на пяточке возле кафе-кондитерской своего отца разглагольствовал в кругу сверстников:

— У меня “Хонда” новой модели. У неё такие навороты и дизайн отличается от предыдущих моделей. И никто во всей округе не в силах обогнать меня. Даже байкер-профессионал уступит мне, если будет на мотоцикле другой марки.

Ребята, обступив новый мотоцикл проныры Ли, невольно любовались им. Блеск никеля и свежей заводской краски забивали модели и цвета их подержанных мотоциклов.

— М-да, что тут говорить, фирма есть фирма.

— На этом мотоцикле не стыдно и в Куала-Лумпур выехать, не то что по нашей округе красоваться...

— А Кемал? — лукаво спросил один из сверстников.

— А что Кемал, — насупил брови проныра Ли. — Посостязаемся и с Кемалем.

Кемал в это время беседовал по сотке с Лэчан, чтобы договориться о встрече у того памятного рекламного щита.

Увидев своих друзей-сверстников, что-то живо обсуждавших на пятке у кафе-кондитерской, он подъехал на “Хонде” к ним.

Новую модель мотоцикла Кемал увидел ещё издали и понял, почему собрались здесь его друзья и что они живо обсуждали.

Он остановил “Хонду” и, поглядывая на витрины кафе-кондитерской — не покажется ли Лэчан, — с чувством собственного ребячьего достоинства стал снимать с головы шлем и ветрозащитные очки.

— Кемал, — подбежал к нему Ибрагим, мальчишка, живущий по соседству с его домом. — Ли желает с тобой посостязаться наперегонки. Но учти, у него “Хонда” новой модели.

Кемал подошёл и кивком головы поздоровался со всеми. Мельком взглянул на мотоцикл и произнёс:

— Хорошая модель.

— Отличная, — самодовольно констатировал Ли, протирая бачок и зеркальце носовым платком, добавил: — Даю фору в один километр, но всё равно меня не обгонишь.

— Посмотрим, — уклончиво промолвил Кемал, чувствуя, что отступать ему некуда и надо сразиться с этим несносным Ли.

— Не надо мне никакой форы, — вдруг решительно заявил Кемал. — Пошли! Я готов.

Они вышли, придерживая мотоциклы, на обочину шоссе, где просёлочная дорога как бы огибала их селенье и вновь выходила на шоссе. Местами она была еле видна из-за густых зарослей пальм. Любознательные сверстники, предвкушая небывалое зрелище, потянулись за Кемалем и Ли. Кемал ещё раз оглянулся на витрины кафе-кондитерской, пытаясь увидеть силуэт Лэчан, и отбросив все лишние мысли, сосредоточился только на предстоящей гонке.

Решили определить расстояние для гонки в три круга просёлочной дороги, что в среднем составляло пятнадцать километров.

Старт был дан у того самого рекламного щита, где когда-то Лэчан назначила ему свидание. Проныра Ли настаивал, чтобы старт был от указателя их селенья, но Кемал, следуя неясным порывам души, был непреклонен.

Когда двухколёсные кони Кемала и Ли, набрав газу, готовы были сорваться с места, Ибрагим взмахнул пальмовым листом — и началась мотоциклетная гонка.

В это время на просёлочной дороге совсем не было машин и мотоциклам было где развернуться. Колесо к колесу они мчались по дороге, их шлемы, красный Кемала и белый Ли, мелькали среди листвы. И только после первого круга, при выезде на шоссе были видны их прогнутые тела, которые почти слились с “Хондами”. Кемал почувствовал, что на втором круге при повороте на просёлочную дорогу проныра Ли стал его обгонять, ибо сказывалась мощь “Хонды” новой модели. Но Кемал, не зря он был непревзойдённым виртуозом виража на всю округу, видя, что на рытвинах и ухабах проныра Ли теряет и сбрасывает скорость, наоборот увеличивал обороты, проскакивая эти самые рытвины и ухабы играючи, при этом ещё умудрялся ставить своего двухколёсного коня на дыбы, проезжая на

одном заднем колесе мимо очумевшего Ли. Кемалем завладел неистребимый азарт соперничества. Он уже понял, что третий круг будет за ним, только надо удержать пока ещё невидимое внешнему глазу превосходство. “Жаль, что не видит всего этого Лэчан”, — мелькнула мысль у Кемалю, когда он сворачивал с шоссе на третий заключительный круг. Проньера Ли не отставал, но уже у него не было той спеси, которая вскружила ему голову в начале гонки. Он держался всё неуверенней и неуверенней. Да тут ещё внезапно начался ливень, превратив всё вокруг, в том числе и просёлочную дорогу, в потоки безудержной воды. И эта водная стихия была Кемалю по душе, ибо он был мастером виража, а в ливень для настоящего мотоциклиста одно спасение в вираже. Поднимая снопы мутной воды, Кемал заслонял видимость для проньеры Ли, и тем самым ещё больше лишал его уверенности в своём превосходстве. И это несмотря что у него была “Хонда” совсем новейшей породы.

Ливень прекратился, когда Кемал выехал на финишную прямую, оставив далеко позади своего соперника Ли. И здесь Кемал ещё издали среди своих сверстников у рекламного щита увидел Лэчан. Она игриво кружила зонтиком и, смеясь, хлопала в ладоши, тем самым аплодируя Кемалю, его двухколёсному коню и их общей, убедительной победе. Кемал с возгласом — Я победил! — рванул к своей Лэчан. А мальчик Ибрагим, когда Кемал подъехал к рекламному щиту, дал отмашку тем самым пальмовым листом в знак окончания гонки и заслуженной победы Кемалю.

Кемал видел только сияющие глаза Лэчан и очнулся, когда подъехал к удручающим видом на новенькой “Хонде” проньера Ли. Весь в грязи и мокрый от отшумевшего ливня. Кемал протянул ему руку победителя, но проньера Ли отдёргнул её и исподлобья взглянул на Кемалю. В глазах проньеры Ли кипела нескрываемая злоба. Кемал махнул на приветственные возгласы сверстников, посадил на заднее сиденье Лэчан и они стали совершать своеобразный круг почёта до приезда пригородного автобуса.

Х

Рано утром Кемалю позвонила Лэчан и сказала, что у неё сегодня свободный день, который она заслужила за переработанные часы, и хотела бы весь этот день провести с Кемалем, и он может заехать за ней. Она сейчас у подруги в пригороде, там, где спортивные поля для игры в поло.

Кемалю не надо было долго уговаривать и он, приведя в порядок “Хонду”, помчался к Лэчан.

Пригород, где были поля для игры в поло, почти сливался с Куала-Лумпуром. Кемал в последнее время часто бывал в самом городе, проносясь на мотоцикле по его широким улицам и проспектам. Но одно дело, когда он один, и совсем другое, когда вместе с Лэчан. И от радости, что весь день он будет рядом с ней кататься по городу, а может быть, они перекусят в каком-нибудь кафе, он мчался вдаль по шоссе, напевая весёлую песню воскресного дня. Подъехав к спортивному полю, он пересчитал свои рингиты, предусмотрительно взятые из дома. “Должно хватить”, — решил он и позвонил Лэчан:

— Наездник ждёт свою наездницу. Как говорится, конь для прогулки подан.

— Сейчас ты увидишь настоящего коня, — смеясь, ответила Лэчан.

И спустя два-три мгновения из конюшни выскочили два породистых коня, специально наезженных для игры в поло. На одном, саврасой окраски,

восседала Лэчан, и на другом, из породы гнедых, её подруга, которая работала здесь, ухаживая за конями у одной богатой семьи. Им и принадлежало это спортивное поле для игры в поло. И сейчас, пока хозяева ещё отдыхали, Лэчан с подружкой решили вывести коней для утренней прогулки.

Кони понесли их по гаревой дорожке, иногда забегая на само поле, так как привыкли больше находиться на нём в азарте игры, закусив удила, метаться из одного края в другой вслед за ярким мячом.

Кемал сел на своего двухколёсного коня и помчался за ними, быстро обогнав коней, а они, испугавшись урчания его мотоцикла, выскочили на центр поля, неся на себе смеющихся наездниц.

Лэчан уступила своего саврасого Кемалю. И он, никогда не ездивший верхом, неуклюже взгромоздился на коня и неумелыми руками стал дёргать поводья. Конь закапризничал, стал подниматься то на дыбы, то только на передние копыта, стараясь скинуть Кемалю, ибо конь почувствовал его неопытность. И это удалось коню. Под хохот подруг конь подбросил Кемалю, весело заржал, обнажая крепкие жёлтые зубы, и почувствовав свободу удил, стал метаться по полю, оставив бедного Кемалю на ярко-зелёном газоне. Но Кемал не обижался, он, наоборот, смеялся вместе с Лэчан и её подружкой. Ему всё нравилось и было по душе: и этот солнечный день без ливня, и это спортивное поле с конями на зелёной траве, и подруга Лэчан, и разумеется, она сама, пригласившая его, Кемалю, провести вместе весь этот свободный день. Затем он, лёжа на траве, долго любовался, как Лэчан с подружкой верхом на конях пасовали широкими клюшками друг друга мяч, но больше не решался сесть на коня. И спустя некоторое время Лэчан и он попрощались с подружкой и, сев на "Хонду", умчались в город. И вновь Лэчан щекой и грудью чувствовала позвонки Кемалю сквозь его спортивную майку. А Кемал вновь слышал музыку ветра, шелест шин и дыхание своей возлюбленной.

XI

Они оставили мотоцикл у стоянки и пошли в парк птиц и орхидей. На большой площади парка не умолкал гвалт тысяч пернатых, собранных со всех сторон света. Орхидеи, насчитывающие до нескольких сотен разновидностей, пестрели до ряби в глазах. А как они благоухали и как были красивы! Лэчан и Кемал то и дело фотографировались на фоне различных клумб, а некоторые виды птиц смело садились им на руки и клевали с пальцев зёрнышки риса. А чуть выше этого парка расположился парк бабочек. Пёстрая и разноцветная тьма бабочек окружила их. И все они были такими яркими, что не сразу разберёшь, где бабочка, а где цветок. Бабочки были доверчивы к людям, и их можно было спокойно пересаживать с листы себе на палец. Лэчан позировала перед Кемалем, держа двумя руками за крылья то одну бабочку, то другую. А тысяча бабочек роем кружилась над головой Кемалю. Потом они наблюдали за коконами в специальном инкубаторе сквозь толщу стекла и видели, как созревших бабочек выпускают в вольер с цветами.

Приятно утомлённые, они вышли из этих райских кущ и присели немного отдохнуть в одном из маленьких, уютных кафе, взяв рис, рыбу, завёрнутую в пальмовый лист, приготовленную на пару, и фруктовые коктейли.

— Как всё здорово, — не унималась Лэчан. — И возвращаться неохота.

— Давай сходим в Синема-сити, на какой-либо фильм, — резонно предложил Кемал, заедая кусочки рыбы рисом.

— Конечно, пойдём. Успеем ещё, у меня уйма свободного времени.

— Не мешало бы мне заправить “Хонду”, — вспомнил Кемал.

— Послушай, Кемал, а правда, что сила и неукротимость твоей “Хонды” в сочетании цифр номерного знака — “девяносто девять — девяносто девять”?

— И в нём тоже, хотя всё зависит не от марки мотоцикла и его номерного знака, а от мастерства его наездника, — горделиво улыбнулся Кемал. — А четыре девятки, это число на самом деле для нашей семьи магическое. Ты же знаешь, что у меня даже на сотовом телефоне последние цифры — 99-99.

Кемал, помолчав немного, поведал Лэчан давнюю историю дяди по материнской линии, рассказанную ему братом Бахарудином.

— А тебе откуда известно про это магическое число? — заинтересовался Кемал.

— Да всё этот несносный Ли. Недавно сидел с друзьями в кафе и рассуждал, что причина его проигрыша кроется в твоём номерном знаке. А так бы он победил на тех гонках. Вечно мешает работать этот Ли. То ему дай рисовое печенье, то пирожное, то кофе, то коктейль. И главное не платит, а мне потом отчитываться перед старшим продавцом, а он докладывает обо всём этом его отцу. И вечно пристаёт: — Давай покатаемся, давай покатаемся...

— А ты что? — насторожился Кемал.

— А я, — смутилась Лэчан, — конечно, отказываю... — И, лукаво улыбнувшись, добавила:

— Знаешь что я ему однажды сказала?

— Что?

— Когда у твоей “Хонды” будет такой же номер “четыре девятки”, тогда, может быть, и соглашусь.

— А он что? — не унимался Кемал.

— А он взбесился и ушёл, хлопнув дверью. И опять не заплатил.

Кемал удовлетворённо хмыкнул и пошёл рассчитываться за трапезу...

После просмотра фильма, где легендарный Брюс Ли спасал прекрасную Лэчан, они вышли из кинотеатра, когда уже стемнело. Обсуждая сюжет картины, направились в сторону мотоциклетной стоянки. По дороге, подтрунивая над Лэчан, Кемал спросил:

— А тебя, наверное, назвали в честь главной героини фильма?

— Нет, — ответила Лэчан. — Бабушка сказывала, что в давние века жил некто по имени Сюй Дэ-янь, приближённый князя Чэна. Вот он и женился на принцессе Лэчан. Когда князь Чэнь состарился, Сюй Дэ-янь сказал своей жене: “После смерти князя Чэня, мне кажется, власть перейдёт в руки влиятельных придворных, а это будет означать нашу разлуку. Может быть, в разлуке наша любовь не увянет и мы захотим снова увидеть друг друга. Для этого нам следовало бы иметь какой-нибудь знак”.

С этими словами Сюй Дэ-янь разбил на две части круглое зеркало и каждый из них взял свою часть. Затем они условились, что каждый год в этот же день, что бы ни случилось, они будут стремиться к встрече на этом же месте.

Когда Чэнь умер, Сюй Дэ-яня схватили придворные и отправили в далёкую ссылку, а Лэчан стала фавориткой придворного Ян Су.

Вскоре Сюй Дэ-янь был освобождён. И он отправился в город. И на том самом месте он увидел своего старого слугу, продававшего разбитое зеркало. Это как раз была вторая часть, оставленная для Лэчан.

Взволнованный тем, что жена не забыла его и хочет с ним встретиться, Сюй Дэ-янь тут же написал и передал слуге следующие поэтические строки:

*Ушли и зеркало, и любимая,
Зеркало вернулось, а любимой нет.*

Получив эти проникновенные строки, Лэчан горько заплакала. Ян Су, узнав обо всём происшедшем, позвал Сюй Дэ-яня и устроил ужин, на котором вернул Лэчан её мужу.

Вот так эта история легла в основу поговорки: “Разбитое зеркало снова кругло”, что означает соединение разлучённых сердец, — поведала Лэчан Кемалю древнекитайскую притчу. — В честь этой принцессы Лэчан бабушка меня и нарекла этим именем. И всегда заклинала, чтобы зеркало моей судьбы никогда не разбивалось.

Лэчан робко прижалась щекой к спине Кемалю. И они продолжали кружить на “Хонде” по ночным улочкам города.

Город был весь залит огнями. И тёмного ночного неба даже не было видно в просветах между небоскрёбов. И только полная луна напоминала, что выше этих высоток есть ещё и небесная высь. И башни-близнецы “Петронас-Тауэрс” сияли всеми многочисленными окнами, и даже они понимали, что им не достать этой полнотелой луны.

Кемал вёл “Хонду” осторожно, не как днём, ибо ночные улицы города были полны гуляющих прохожих. Он не заметил, как они въехали на одну из полутёмных улиц, слегка освещаемых красными фонарями. Какие-то мужские тени забегали в подъезды, а некоторые из праздно шатающихся взирали на многочисленные окна-витрины, в проёмах которых видны были женские полуобнажённые тела при тусклом свете красных бумажных фонариков. И во всём этом был некий обман и некая тайна и этой улочки, и этой ночи.

— Кемал, сворачивай в сторону, — взмолилась Лэчан.

Кемал из разговоров старших сверстников знал, что где-то в Куала-Лумпуре есть такие улочки, где женщины продают себя, а мужчины покупают их, выбирая себе по вкусу и настроению. Но что он сам окажется здесь и именно вместе с Лэчан не могло ему присниться и в самом кошмарном сне.

Кемал, чувствуя умоляющие руки Лэчан и её прерывистое дыхание, которые молили его быстрее уехать отсюда, сделал свой коронный вираж и свернул резко вправо на более спокойную улицу.

Пожилой, пьяный китаец, стоявший на перекрёстке, провожая взглядом Лэчан и Кемалю, крикнул им вслед:

— Эй, молодёжь, куда вы мчитесь от весёлого квартала персиков и слив².

И, смачно сплюнув, расхохотался.

Кемал и крепко обнявшая его Лэчан мчались всё дальше и дальше от этого места. И только на окраине города, возле небольшого озера или пруда, он остановил мотоцикл, чтобы перевести дух и искупаться в тёплой ночной воде.

Кемал быстро скинул одежду и с разбега бросился в воду. Находясь в ночной воде, он стал звать Лэчан. Она ушла в заросли и там, подумав, словно смахнув с души это грязное наваждение и тревогу, сняла с себя самфу, блузку и всё остальное, поплыла к Кемалю, освещаемая мягким светом полной луны.

Ночь плыла над озером, подняв на плечах своих луну, отражение которой дрожало в спокойной изумрудной воде, в вечной чистоте юности. Деревья, обнявшись ветвями и зарослями между собой, образовывали надёжный круг от шквальных ветров. В этом кругу, отражаясь в нём, как в зеркале, и стояли они, Лэчан и Кемал, обнявшись, и утопали в глазах друг друга. Они временами заслоняли луну и на фоне жёлтой мглы проявлялись очертания шепчущих губ. В какое-то мгновение это всё слилось в одно, и скрылась за ними луна. И рождалась песня двух влюблённых сердец. Она бродила где-то там вдали между небоскрёбов, лёгким шелестом скользила по спящей листве, возвращалась обратно эхом, и вновь звучала, вновь плыла над озером, и тихо подпевали ей волны ночного бриза:

— Ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш...

Словно молвили:

Слушайте, слушайте, слушайте эту песню прекрасной юности, вечной молодости и вечной любви.

И стали они удаляться вдоль берега,

И были их следы различны на лунном песке:

его — глубокие, прямые, не сворачивающие в сторону;

её — лёгкие, забегающие вперёд, кружащиеся.

И таяли постепенно эти следы от набегавших на берег лёгких волн.

XII

— Кемал, приезжай скорей, — в сотовом телефоне слышны были рыдания Лэчан.

— Что случилось?..

— Приезжай, Кемал, приезжай, — продолжала рыдать трубка телефона.

Кемал вскочил на “Хонду” и через две-три минуты был уже на пяточке у кафе-кондитерской.

Из дверей кондитерской выбежала Лэчан, вся в слезах, и ткнулась головой в плечо Кемалю. Он как мог успокаивал девушку, но она продолжала рыдать. Наконец, Кемал не выдержал, тряхнул её, приводя в чувство, и потребовал толком объяснить, что произошло.

Из сбивчивого рассказа Лэчан Кемал понял, что произошла кража её двухдневной выручки.

— Я последние дни замещала старшего продавца, он уехал навестить мать, которая была в больнице после операции, — глотая слёзы, поведала Кемалю Лэчан. — А хозяин ещё позавчера уехал в родную деревню на фестиваль “Лунных лепёшек”³.

Я и оставляла выручку в конце каждого дня в кассе, а сегодня открыла её, чтобы отдать хозяину, а там, кроме мелочи, ничего нет.

— А ты записывала в книгу учёта эти суммы? Сколько рингитов украли?

— Конечно. Около восьмисот рингитов, а если точно — семьсот восемьдесят пять. Вчера ещё небольшая группа дорожных туристов ужинала.

Я ещё радовалась, что будет неплохая выручка. А сегодня.., — и она опять заплакала, — хозяин грозит, что заявит в полицию, если я за день не восполню ему эти деньги. Что мне делать?! Что мне делать? Я же получаю у него понедельно, и за последнюю неделю я уже получила и отдала все деньги родителям.

— Успокойся, Лэчан! Я помогу тебе! — чувствуя свою ответственность перед ней, веско ответил Кемал. — Иди и скажи хозяину, что до исхода дня деньги ему будут восполнены.

Кемал вытер ей слёзы, улыбнулся, ласково и нежно поцеловал. Лэчан, глубоко вздохнув, понуро пошла в сторону кафе-кондитерской.

Кемал в поисках денег поехал домой. Отца и матери не было дома. Отец работал лодочником на туристском комплексе, а мать подрабатывала там же кассиром-администратором. Брат Бахаруддин жил отдельно, но тоже ещё был на своей работе в почтовом отделении связи. Да и стыдно и неловко просить восемьсот ринггитов у родных. Эти деньги он сам сможет заработать, например, дней десять разделявая рыбу на рыбном базаре. И этим он иногда занимался. Но деньги нужны к вечеру, и именно сегодня, а не то хозяин заявит в полицию на Лэчан. Кемал достал из записки все свои сбережения, где-то девяносто ринггитов, но этого было очень мало, чтобы спасти Лэчан. Он решил занять у кого-либо из знакомых, чтобы потом, заработав, вернуть.

Соседский мальчишка Ибрагим честно признался, что у него нет таких денег, но обещал поспрашивать у друзей, чтобы помогли Кемалю. Кемал рванул к базару, но сегодня был не базарный день и среди торговых рядов не нашлось желающих дать в долг деньги Кемалю. А время было неумолимо, и Кемал стал суетиться, дёргаться, и тут он услышал, что кто-то его зовёт. Оглянувшись, увидел Ибрагима, сидящего позади проныры Ли на его новенькой "Хонде". Кемал подъехал к ним.

— Я слышал, что тебе срочно нужны деньги? — хитро щуря глаза, спросил проныра Ли.

— Нужны, но от тебя я их не возьму, — нахмурил брови Кемал.

— Это почему же?! — Ли достал из кармана брюк несколько истрёпанных банкнот достоинством десять, пятьдесят, а также сто ринггитов. — Я дам тебе в долг, а вернёшь с процентами.

— И каковы твои проценты? — не выдержал Кемал, видя так необходимые сегодня деньги.

— Тэ-эк! Завтра отдашь плюс пять процентов. Послезавтра отдашь плюс десять процентов. Значит, выходит в день всего пять процентов. Чем быстрее отдашь, тем меньше процентов...

— Ну, ты банкир!.. — закипел Кемал, сжимая кулаки.

— Как знаешь, моё дело предложить, — пряча деньги, усмехнулся проныра Ли.

Кемал почувствовал, что может рухнуть последняя эта надежда, проглотил все признаки своего унижения:

— Ладно, чёрт с тобой. Согласен на твои условия. Беру!

И он, не чуя никакого подвоха, взял деньги проныры Ли, а в душе подумал, что сегодня же займёт у отца или Бахаруддина и сегодня же отдаст этому кровопийцу Ли, чтобы не платить такой кабальный процент.

Кемал, взяв деньги, собрался было ехать к Лэчан, но тут ему дорогу перегородил новоиспечённый ростовщик Ли:

— Погоди, Кемал. Ты деньги взял, а расписку не написал. А если бы даже написал, то её нужно ещё заверить у нотариуса...

— Чего ты хочешь?! Вот, есть же свидетель Ибрагим. Он подтвердит и сумму моего долга, и твои кабальные проценты.

— Свидетель свидетелем, — не унимался проныра Ли, — а мне нужен твой реальный залог..

— Залог?! — взревел Кемал, уже полностью не владея собой. — На тебе часы, на тебе сотку.

Кемал в ярости начал срывать с себя часы и вытаскивать из футляра сотовый телефон, ибо ему нужно было как можно быстрее отвезти деньги Лэчан.

— Не кипятись, Кемал, — сладким и вкрадчивым голосом тянул свою песню проныра Ли. — Не нужны мне ни твои часы, ни твоя сотка. Лучше дай мне в качестве твоего залога знаешь, что?

— Что? Что! Говори скорее, мне некогда!

— Номер твоего мотоцикла. А когда вернёшь долг, я тебе его тоже верну.

— Бери! — машинально бросил Кемал. — Бери, только сегодня же вечером ты мне его вернёшь.

— Как только вернёшь долг, так я сразу... — проныра Ли в один присест отвинтил номерной знак "Хонды" Кемаля.

Кемал, оттолкнув его, помчался к кафе-кондитерской и, вызвав по телефону Лэчан, отдал ей деньги. Она на радостях обвила Кемаля за шею, и они вновь, забыв все горести и печали, договорились встретиться у того самого рекламного щита.

ХІІІ

Лэчан, напевая, пересчитала деньги. И собралась было звонить Кемалю, чтобы выразить все невысказанные слова благодарности, но тут внезапно увидела на одной мелкой купюре пометку в виде крестика, затем и на другой. Страшная догадка пронзила Лэчан. Она схватила сотку:

— Кемал, ты у кого взял деньги?

— Ни у кого не брал. Это мои деньги.

— Не верю. У кого взял? У проныры Ли?

— Допустим...

— Всё ясно.

Лэчан схватилась пальцами за виски и стала тереть, не находя себе места.

Хозяин лавки, видя смятение Лэчан, подошёл к кассе и строго взглянул на девушку.

— Хозяин, — набравшись храбрости, выпалила Лэчан. — Вот, я восполнила все те деньги, которые исчезли.

Отец проныры Ли пересчитал деньги и отметил у себя в тетради.

— Хорошо, Лэчан. Деньги на месте. Я теперь не буду заявлять в полицию о краже.

— Нет, хозяин. Вы заявите в полицию о том, что произошла кража. И мне известно имя вора.

— Кто же он? — удивлённо вскинул глаза хозяин кондитерской лавки.

— Это ваш сын Ли, хозяин, — глядя ему прямо в глаза, произнесла Лэчан.

— Это очень серьёзное обвинение, Лэчан,— усмехнулся отец проныры Ли. — Деньги найдены, касса восполнена. Зачем мне заявлять в полицию, тем более на собственного сына? Да и где доказательства, что кражу совершил Ли?

— Доказательства?! Вот они! — Лэчан указала на мелкие купюры в руках отца Ли. — Я всегда отмечаю крестиком, когда наберётся сто рингитов из мелких банкнот. Вот эти крестики, они на пяти и десяти рингитах, которые у вас в руках и которые я вам только что отдала, хозяин.

— Ничего не понимаю! — опять удивился хозяин кондитерской лавки. — Эти деньги ты отдала мне, сказав, что ими восполнила кассу, в которой по твоей вине недосчитывалось семьсот восемьдесят пять рингитов. Правильно?

— Правильно, хозяин. Всё правильно.

— Следовательно, возникает вопрос, — продолжал невозмутимо вести ход своих мыслей отец проныры Ли, — откуда ты взяла эти деньги? Тебе их дал мой сын Ли, если ты утверждаешь, что они, именно эти самые банкноты, уже лежали в кассе, а потом вдруг исчезли?

— Нет, мне их дал совсем другой человек, — промолвила Лэчан.

— Опять ничего не понимаю, — удивился хозяин лавки. — Ты обвиняешь моего сына Ли в краже, утверждая, что эти деньги уже лежали в кассе. И ты же говоришь, что эти самые деньги получила от другого человека. Причём здесь тогда мой сын Ли?

— Этот человек взял деньги у вашего сына Ли, чтобы я ими смогла восполнить кассу, хозяин.

— Однако странная история, — продолжал разглагольствовать отец проныры Ли, — деньги по неизвестной пока причине исчезли из кассы, затем какой-то человек возвращает эти деньги тебе, чтобы ты опять положила их в кассу. А причём здесь мой сын Ли?

— Я сама запуталась, хозяин, — взмолилась Лэчан и заплакала. Хозяин махнул на неё рукой и позвонил своему сыну. Через некоторое время появился проныра Ли.

— Сын мой, — строго обратился к нему хозяин, — Лэчан утверждает, что ты вытащил эти деньги из кассы.

— Так уж нужны мне её деньги, — не моргнув глазом, ответил проныра Ли. — Ничего я не брал.

— Ну, во-первых, это не её деньги, а наши, — продолжал выразительным тоном отец проныры Ли, — а во-вторых, она утверждает, что какой-то человек вернул ей эти деньги, и она восполнила ими нашу кассу.

— Лэчан, ты можешь назвать имя этого человека?

— Нет, — упавшим голосом прошептала Лэчан. И от её былой решительности, когда она обвинила проныру Ли в воровстве, не осталось ни следа.

— Ну вот видишь, — продолжал монотонно бубнить хозяин кондитерской лавки. — Имя человека, вернувшего тебе деньги, ты не называешь, без никаких доказательств обвиняешь моего сына в воровстве...

— А крестики на банкнотах, — плача, закричала Лэчан.

— А что крестики? В данном случае это ничего не значит. Почему в таком случае эти деньги оказались у неизвестного мне человека? Может быть, в моё отсутствие ты в сговоре с ним взяла эти деньги, а затем, когда я пригрозил, что заявлю в полицию, быстро восполнила кассу.

При этих словах проныра Ли, почуяв только ему понятную интонацию отца, в такт его словам закивал головой.

— Таким образом, Лэчан, раз ты не намерена назвать имя этого человека, я так и быть не буду заявлять в полицию, однако вынужден уволить тебя, не заплатив за последние дни твоего жалованья. Считай, что это моё наказание за твою недобросовестность. А если будешь жаловаться, то мне тогда придётся заявить в полицию за кражу кассы моей кондитерской лавки. Так что с данного часа ты свободна, Лэчан.

— Я всё поняла, хозяин, — едва слышно произнесла девушка и с поникшей головой вышла из кондитерской лавки.

Проныра Ли метнулся было за ней, но отец, ловко взмахнув тростью, изогнутой рукояткой вцепился в его шею и вплотную привлёк к себе:

— Паршивец! Ты зачем крадёшь деньги из кассы нашего семейного дела? — в гневных глазах отца было видно, что он обо всём догадывается и только перед Лэчан разыгрывал эту комедию.

— Отец, я ещё столько же принесу, — взмолился проныра Ли. — Я отдал эти деньги в долг. Вернут с процентами.

— В долг отдают свои деньги, а не краденые. Кому ты дал эти деньги в долг?

— Отпусти и я всё тебе расскажу, — проныра Ли торопливо, оглядываясь на открытую дверь, поведал отцу обо всём, правда, утаил, что взял в залог номерной знак от мотоцикла Кемалю.

Отец толком ничего не понял из сбивчивого рассказа Ли, однако уточнил:

— Кемал и есть тот самый парень, которого не называла Лэчан?

— Да, отец.

— Ты, я вижу, сын, далеко пойдёшь в своём бизнесе. Но заруби себе на носу, что самое последнее дело начинать свой бизнес с обмана.

Я требую, чтобы ты не брал никаких денег с этого Кемалю, не говоря уже о процентах. Ты меня понял, сын?

— Понял, отец.

И проныра Ли выбежал в открытую дверь кондитерской лавки. Оседлав "Хонду", он вскоре догнал Лэчан и перегородил ей дорогу мотоциклом.

— Лэчан, не плачь. Я договарюсь с отцом и он тебя вновь возьмёт на работу.

— Не нужна мне работа, где меня обворовывают.

— Подожди, Лэчан, ну подожди. Ты обещала прокатиться со мной, если будет у меня вот этот номерной знак, — и проныра Ли показал ей цифры, красовавшиеся над задним колесом его мотоцикла: 99-99.

— Ах, вот за что ты дал краденые деньги Кемалю! — Лэчан вне себя стала бить своей сумкой по лицу проныры Ли. Он выхватил сумку, повалил Лэчан в придорожные кусты и стал неистово целовать в плачущее лицо, в грудь, в шею. Лэчан еле отбилась от его иступлённых лобзаний и выбежала на шоссе. Там, поймав первую попавшуюся машину, вся в слезах села в неё, и машина унесла её от кошмара и ужаса этого дня.

XIV

Кемал к назначенному часу подъехал к рекламному щиту. Прождав немного, он позвонил Лэчан, но её сотовый не отвечал. Забеспокоившись, он подъехал к кондитерской лавке.

Отец проныры Ли встретил его настороженно и с молчаливым вопросом в глазах.

— Мне можно Лэчан?

— Лэчан? А она, — хозяин лавки взглянул на часы, — уже два часа как уволена. И наверное, уехала домой.

— Она вам ничего не должна? — настороженно спросил Кемал.

— Нет, она мне ничего не должна, — отец проныры Ли, помолчав, добавил: — И я ей ничего не должен...

Хозяин лавки понял, что перед ним Кемал, и хотел сказать, что и он, Кемал, ничего не должен его сыну Ли, но не успел.

Кемал быстро покинул лавку и, чуя неясную тревогу, стал, не переставая, названивать Лэчан. Тишина. Вновь гудки и тишина.

Кемал метался по шоссе на “Хонде”, понимая, что без номера он далеко не рванёт, тут же остановит дорожная полиция и арестует его “Хонду”. От бессилия и отчаяния он взметнул руки к небесам, где уже проступили первые звёзды, и заплакал.

XV

Одна только я во всём виновата, думала Лэчан, утирая слёзы и не отвечая на постоянные звонки Кемаля, одна только я. Кемал, спасая меня, отдал самое дорогое — свою фамильную реликвию. И кому? Этому воришке, плуту и домогателю Ли. А я? Я даже не смогла доказать хозяину, что деньги украл проныра Ли. Наоборот, отец этого самого Ли склонен считать, что мы с Кемалем украли эти самые деньги. Страшно подумать, если он вдруг заявит в полицию!

И Лэчан вновь беззвучно заплакала, не отвечая на звонки Кемаля. Водитель машины несколько раз участливо спросил Лэчан — не нужна ли его помощь? Лэчан замотала головой и, сквозь слёзы, только промолвила адрес своей деревни.

— О бедный, любимый, мой единственный Кемал. Зачем ты это сделал?! Мне так стыдно перед тобой. Что мне делать, что мне делать?! — сокрушалась Лэчан. Она своим юным, но уже женским сердцем неосознанно ещё, но поняла, что сегодня произошло что-то ужасное и непоправимое. Благородство Кемаля, коварство Ли и даже железная логика хозяйина кондитерской лавки — всё это, как в калейдоскопе, вертелось вокруг её имени, каждым своим поворотом отдаляя её от Кемаля — навсегда и безвозвратно, разбивая их единое целое на счастливое вчера, горестное сегодня и неизвестное завтра.

Уже глубокой ночью машина остановилась у дома родителей Лэчан. Она вышла из машины и, не заходя домой, решительно набрала сообщение на сотовый телефон Кемаля.

XVI

“Любимый, прости меня. Мой единственный и неповторимый, не звони мне больше. Никогда не звони. Я во всём виновата, только я. Зачем ты это сделал, Кемал? Зеркало моей судьбы разбилось, и все осколки у меня одной”.

Кемал вчитывался в текст послания и не верил глазам. Он вновь звонил Лэчан, но её телефон был отключен. В отчаянии от бессилия Кемал

сел на свою безномерную “Хонду” и по бездорожью погнал её вдоль ночной реки. И где-то вблизи лодочной станции он, зацепившись за прибрежные заросли, рухнул вместе со своей “Хондой”. Мотор заглох, и Кемал продолжал неподвижно лежать, отстранённо, не вникая в происходящее, глядя на лохматые звёзды, светящиеся сквозь листву.

— Рыбы, невидимые в ночной воде, помогите найти Лэчан, — бормотал он, словно молясь, заклиная всё живое и неживое, что его окружало в этот час. — Звёзды, далёкие в небе, укажите мне путь к Лэчан. Птицы, летящие в выси, передайте криком и пеньем своим, что жду я Лэчан. А если вы, рыбы, птицы и звёзды, не поможете мне, то в самой большой мечте, в пятницу, я долго буду молиться, чтобы Всевышний помог мне найти Лэчан. А если Всевышний молитвы моей не услышит, взберусь я на самый верхний этаж “Петронас-Тауэрс”, чтобы быть ближе к Всевышнему, и взлечу с самого верхнего этажа на своей “Хонде”, чтобы видела Лэчан, как я её люблю...

А его обесчещенная “Хонда” лежала рядом и с печалью взирала на него потухшей фарой, словно бы говорила ему, Кемалю:

— Ты лишил меня имени, ибо в порыве помочь Лэчан ты отдал самое дорогое, что у тебя было, что тебя связывало с твоей возлюбленной, ты преступил невидимую черту запрета. Я поняла это ещё тогда, на базаре, но не в силах было тебя удержать. Думаю, что это поняла и твоя Лэчан.

Кемал словно бы внимал тому, о чём думала его милая “Хонда”, поднимал её и, продолжая шептать свои заклинания, повёл её в даль ночной реки и вскоре забрёл на лодочную станцию, где среди множества лодок была и лодка его отца.

Этой глубокой безлунной ночью река влекла его своим неясным, но завораживающим зовом, когда ночная тьма поглощает в себя прибрежные заросли и низкое небо, и только дыхание реки необъяснимо влечёт и манит куда-то туда, за невидимый горизонт нашего бренного мира.

XVII

Бахаруддин, поздно ночью приехав из города, узнал от встревоженных родителей об исчезновении Кемала. Он обошёл близлежащие дома и выяснил, что в последний раз его видели на базаре вместе с мальчиком Ибрагимом и пронирой Ли.

Бахаруддин попросил родителей Ибрагима разбудить мальчика. Заспанный Ибрагим не заставил себя долго упрашивать и всё рассказал. И про деньги, и про номерной знак, отданный в качестве залога. Бахаруддин, взяв необходимую сумму, вместе с отцом пошёл в кондитерскую лавку. Несмотря на столь поздний час он решительно постучал в дверь. За тёмными витринами лавки спустя некоторое время вспыхнул свет. Хозяин долго не открывал, спрашивая через дверь с чем пожаловали в столь позднее время незваные гости. Наконец, убедившись, что пришли брат и отец Кемала, хозяин кондитерской лавки выключил сигнализацию и отпер засов.

— Вот долг Кемала. Отдайте залог, — тоном не терпящим возражения заявил Бахаруддин.

— Какой долг? Какой залог? — встревожился хозяин, однако понимая о чём идёт речь. — Ваш Кемал ничего не должен.

— Он должен не вам, а вашему сыну Ли. Вот деньги. Где мотоцикл вашего сына, мне надо забрать наш номерной знак.

— Какой номерной знак? — действительно начал теряться в догадках хозяин. — Причём здесь номерной знак мотоцикла?

— Свой номерной знак Кемал отдал вашему сыну в качестве залога.

— Ах, паршивец, у-у, негодник, — сокрушался хозяин. По хмурым лицам гостей он понял, что ему придётся отвечать перед старостой общины за мерзкий поступок своего сына.

— Заберите деньги. Они ваши, а с сыном я сам разберусь, — ведя к мотоциклу Бахаруддина, заискивающе промолвил хозяин.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Бахаруддин и стал отвинчивать номерной знак. Он понимал в силу своего суеверия, что забрав номерной знак, они быстрее найдут и самого Кемалю.

Когда Бахаруддин вместе с отцом покинули кондитерскую лавку, унося с собой фамильный номерной знак, раздался безудержный вопль проныры Ли. Это хозяин лавки бил бамбуковой палкой по пяткам своего паршивого сына.

XVIII

А Кемал обнимал свою “Хонду” и лежал в лодке отца, которую несло медленное течение реки. Лодку местами задерживали прибрежные заросли и низко склонённые над водой ветви деревьев, но река вновь выносила её всё дальше и дальше, ибо она, река, знала, что их ждёт вдали от лодочной станции.

Божественный свет⁴, рассыпаясь, объял Кемалю за дальним поворотом реки. словно мириады маленьких звёзд снизились с небес на невидимые ветви дубов — берембанга, которых было множество вдоль берегов реки Сунгай-Селангор. Произрастая во влажном климате и болотистой среде, они щедро отдавали свой нектар светлячкам, чей едва уловимый звук слегка напоминал отдалённое пенье ночных цикад. Свежесть ночной реки и мерцанье сотен тысяч светлячков промыли и освятили печальную душу Кемалю. И каждый из этих светлячков нёс свой живой свет, который длился две-три секунды, только ему, Кемалю. И в гармонии с ночной тьмой они вслед за своим мерцающим светом навевали ему, находящемуся в почти сомнамбулическом сне, самые что ни есть сокровенные мысли: — Наша жизнь кратка, всего лишь в пределах ста ночей, но вся она наполнена светом. И этот свет остаётся в сердцах тех, кто видел нас глубокой ночью. Остаётся и после нашего ухода. И этим мы бессмертны, ибо имя нам светлячки. Верь, в тебе останется свет твоей первой любви, даже после её ухода.

Кемал спал в лодке под тихое колыбельное пенье светлячков и их таинственный мерцающий свет, который ярко вспыхивал у одних и нежно гас у других. Кемал спал и улыбался. Ему снились счастливые мгновения своего недавнего детства. Эти мгновения вспыхивали, подобно светлячкам, в его незамутнённой памяти. Одно мгновение сменялось другим, словно бы излечивая его изодранную душу. Счастливая и безмятежная улыбка озаряла его спящее лицо. Сон уносил его в то время, когда он, ещё до школы, маленьким мальчиком гостил вместе с родителями в далёкой деревне у родственников, которые работали на рисовом поле. Дым, туман и

холмы рисовой соломы. Водный буйвол, держащий рогами встающее солнце. И он, совсем маленький, идёт по следам телёнка, а телёнок ступает по следам буйвола...

А затем эта картина сменилась другой, когда год тому назад приезжала группа поэтов в его деревню Куантан. И он помогал отцу на лодке-сампан совершить ночную экскурсию по реке Сунгай специально для зарубежных поэтов. А потом слушал их стихи на поэтическом вечере. И один вьетнамский поэт прочёл стихи о восходах риса и о водном буйволе, который напомнил ему, Кемалю, того буйвола, увиденного в той дальней поездке. А один из поэтов, поражённый неописуемой картиной мерцанья светлячков, утверждал, что только эта бездонная ночь может быть фоном для такого свечения. Он говорил на английском, но с большим акцентом, и в слове "For night" — "На ночь" Кемалю послышалась "Four pines" — "Четыре девятки". И Кемал с гордостью показал на номерной знак своей "Хонды"...

Кемал вздохнул во сне и, ухватившись за руль "Хонды", стал звать:

— Лэчан, Лэчан, не исчезай, я увезу тебя по небесной дороге дракона вслед за нашими светлячками...

Ранним утром Бахаруддин с отцом нашли его в лёгких клубах утреннего тумана, в просачивающихся сквозь него первых лучах солнца в лодке-сампане на дальней протоке реки Сунгай-Селангор в густых зарослях дуба-берембанга. "Хонды" возле спящего в лодке Кемалю не было...

XIX

Кемал вновь взглянул в окно, промытое недавним ливнем, вздохнул и сел у светящегося синем экраном монитора.

Словно бы десять-пятнадцать внезапных и быстротечных ливней, пронесли эти годы юности и молодости. За всё это время он поступил и окончил колледж, а затем университет и магистратуру. Стажировался и специализировался за рубежом — по части программирования компьютерных систем. С недавнего времени открыл свою частную фирму по разработке и внедрению новых технологий.

Была у него и одна страсть, так называемое ноу-хау или хобби. Он любил разрабатывать и создавать программы новых компьютерных игр по мотивам малайского фольклора, в которые входили многие виды ваянга, теневые представления кожаных кукол с мифо-историческим циклом местных версий "Махабхараты" и "Рамаяны", с типологией героев, стилизацией образов, с присутствием ведущего — даланга. А затем со скидкой внедрял их во многие детские и школьные заведения. Одним словом, были постоянные заказы и жизнь текла своим чередом. Но почему сегодня этот паренёк на мотоцикле и эта девушка, которая тростинкой прильнула к нему, напомнили Кемалю о Лэчан, о его "Хонде" и о том времени — светлом, прекрасном и печальном?

Он переключил компьютер на архив, и на экран монитора стали выплывать фотографии с изображением Лэчан, его вместе с ней в парке орхидей, в парке бабочек, на улицах Куала-Лумпура.

Кемал вначале сильно тосковал по Лэчан. И отец решил отправить его в город, чтобы он, продолжив учёбу, поступил в колледж. Там, в городе, благодаря новым заботам и увлечениям, острота разрыва смягчилась, а затем и совсем отошла.

Среди родных никто его не упрекал за исчезновение “Хонды”, словно бы на все расспросы было наложено негласное табу. Только Бахаруддин, радуясь успехам в учёбе и в бизнесе Кемал, подтрунивал над ним, что пора бы привезти в дом родителей невесту, но для его машины “Тойота-Камри” он, Бахаруддин, не сможет найти соответствующий номерной знак. И в его голосе сквозь лёгкую иронию слышна была неподдельная грусть.

Хозяин кафе и кондитерской лавки вскоре закрыл своё заведение и перебрался в более отдалённую деревню, ближе к своей китайской общине. А проныру Ли Кемал недавно случайно встретил здесь, в Куала-Лумпуре.

Тот приглашал его отобедать в его собственном ресторане, но Кемал, сославшись на дела, вежливо и сухо отказался.

Однажды, ещё в первые месяцы проживания в городе, его разыскала подруга Лэчан и сообщила, что она навсегда уехала в Сингапур, где живёт у своей старшей сестры. Подруга хотела передать ему деньги от Лэчан, но он наотрез отказался принимать, сказав, чтобы подруга отослала их назад, в Сингапур.

А вскоре пришло на его электронную почту письмо от Лэчан, где она кратко и деловито сообщала, что у неё всё хорошо и прекрасно. И что на эти деньги она купила себе кольцо с камнем, как память о нём, которое никогда не снимает со своей руки.

Кемал несколько раз пытался ответить ей, но что-то непреодолимое всякий раз останавливало его, и он не противился этому...

Он ещё не совсем осознанно, больше интуитивно, чем разумом, познал пагубную силу денег и всей своей юной душой противился этому пустому восприятию наживы. И хотя со временем вынужден был принимать правила этой игры реального мира, у него навсегда укоренилось разумное равнодушие к алчному накопительству, а деньги, которые он прилично зарабатывал, употреблял на усовершенствование своего компьютерного бизнеса. И разумеется, помогал постаревшим родителям да старшему брату Бахаруддину.

Кемал привёл в действие незавершённую программу своей новой игры, затем перенёс изображения с фотографиями в систему, набрал имя Лэчан, своё имя, внедрил их в программу, и наконец, чуть задумавшись, определил кодовый ключ: рука машинально набрала “99-99”. И из мириад цифр, слов и названий мерцающими светлячками букв выстроилась стройная картина его воспоминаний и всего того, о чём ты уже знаешь, читатель.

Куала-Лумпур — Иссык-Куль, 2007 г.

¹ Китайцы, перенявшие во многом малайскую культуру.

² “Весёлый квартал персиков и слив” — так назывались улицы, где были расположены публичные дома. Красота гетер сравнивалась с красотой персиков и слив.

³ Один из популярных праздников китайской общины приходится на пятнадцатый день восьмого месяца лунного календаря в ночь полнолуния.

⁴ Уникальное зрелище свечения сотен тысяч светлячков на реке Сунгай-Селангор в Малайзии.

Александр КОЛЕСНИКОВ

До полного накала

Память

Д. В. С.

Пустое зеркало завешано
предчувствием несбывшейся встречи,
и ручкой новости уже отмечено,
что опоздание бьёт резче.

Известно было всё заранее,
но это не делает жизнь проще,
особенно когда старания
как пламенем охваченная роща.

Поставлен крестик на реальности
того, чей образ вписан в память,
и лодка режет грунт бескрайности,
не позволяя дальше падать.

Внезапность — родственник бессилия,
засохшая молекула хлеба...
И потому дорога синяя,
синей, чем сжатое в кулаке небо...

Александр КОЛЕСНИКОВ

родился 12 апреля 1986 года. Студент 5-го курса ИМиКТ Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. Входит в состав молодёжной литературной студии "Крылья". Трижды становился лауреатом 3-й степени (2004, 2005, 2006) и лауреатом 1-й степени (2007) конкурса им. А. Коштенко. Победитель первого областного конкурса "Поэтическая пушкиниана" (2006), творческого конкурса среди первокурсников КГУ в номинации "Поэзия" (2003).

Неоднократно публиковался в областном литературном журнале "Берега". Автор восьми самиздатовских поэтических сборников. В "Ниве" выступает впервые.

В этом же номере публикуется статья Сергея Шевченко о творчестве Александра Колесникова.

После путешествий

Посреди коричневого моря на столе
по волнам пёстрых линий силуэт корабля
пролетает, как старый камыш по земле,
как игральная карта с лицом короля.

У ворот в белое облако сидит тишина,
за стеной лёгкой дымкой повис разговор.
Через двадцать минут урожай пожинать,
через сорок минут готовить раствор:

в нём осколки зеркал да пшеница в пыли,
мутный свет фонарей по углам мостовой.
Чтобы жидкость на всех без обид разделить,
нужно город стаканов с каймой золотой.

Возвратившись после путешествий к ручью,
окуная в него тяжесть рук до локтей,
предлагаешь сиреневой ночи ничью,
раз победа сегодня не лучше ничьей...

Головная боль — реальности вид,
созданный температурой и отсутствием воздуха;
выбран способ усталость травить
грёзами о долгом отдыхе да утопий водкою.

По утрам сквозняк — негаданный гость,
тем не менее приятный, как дипломат с миссией,
ибо лучше быть с ним, чем без него
отдавать в миллилитрах отчёт, заверенный письменно.

В ожиданье дней, толкающих вверх
сумерки архитектурных сочинений прошлого,
перевариваешь туч совет
не спешить выбирать роль мокрого прохожего.

А пока боль — лишь реальности вид,
списанный как заменитель материи творчества,
ты пытаешься небо разбить,
чтобы дождь, что не начался, так и не кончился...

Калейдоскоп

Деньги исчезают и появляются с постоянством.
Время любит первое, второе вряд ли.
И поэтому страницы, молча отливая гляncем,
оставляют на память лишь букв пряди.

Слайды меняются, но крепок промозглый вечер,
и скорее лопнет проектор, чем станет суше;
в голове два полчища рифм затеяли сечу
за почётное право спасать заблудшие души.

Наставлять на путь исправления бесполезно,
если речь ведёшь о себе, то это точно,
пусть твердят, что существует способ железный —
очень много надо сил испытать на прочность.

Покрутил калейдоскоп, да сразу надоело —
время не любит, когда его просто тратят,
но сейчас ты не хочешь подать руки делу,
даже сползая в заката глубокий кратер...

Сегодня на улице

Нет тумана сегодня на улице,
но зато он есть в событиях —
то ли стрелки обратно крутятся,
то ли дверь оказалась закрытою

в утеплённую истиной комнату,
где над каждым углом по лампочке...
Неверны показания компаса,
поменяйте ботинки на тапочки.

Затерялся лист с составом вечера,
роли каждого расписаны,
хватит всем мгновений вечности...
Дрожь сосулёк под карнизами

ждёт туманы сегодня на улице,
ибо лишни они в событиях,
а пока память только учится
отворять без ключа дверь закрытую.

За окном

Вьюга за окном — корм для рыбок,
замутивший воду неба в аквариуме города,
поезд ветра по воздуху прибыл,
так как рельсы опять плохим настроением расколоты.

Снег накрывает площадь мыслей
белоснежным до шепетильности плотным саваном,
и пока удобный момент не выслан,
почему бы не снять весёлый фильм прошлого заново.

Потолок над головой — чистый
объект для создания двустороннего образа,
ибо на улице с ног валят числа
измерения скорости вихря — и нет у них тормоза.

Чай и сахар плещутся натужно,
остывая от паники, вызванной духом холода.
Стёкла теперь — квадратные лужи,
сквозь которые поезд парит по рельсам расколотым.

Настойчивость — заменитель стали
при погоде, возводящей на прогулке сложности,
и корабль в океане деталей
измеряет уставшего города скорости.

Монотонный день — прокисший кефир,
особенно, пока разберёшься, что к чему.
Время брюки стирает до дыр,
забываешь про помощь ближнему своему.

Впрочем, быть может, он тоже забыл,
с фонарём бродя по шахтам судьбы под землёй,
облака над домами — пятна белил,
лишь частица фрагмента картины в рамке кривой.

И чем дальше тащить за собою балласт
обыденных тем в объёмном рюкзаке минут,
каждый будет чётче срисован в анфас,
а карикатуры, как известно, долго живут...

До полного накала

Кожа реагирует на изменение температуры,
мышцы сводит от преодоления вязкой каши
льדיстых кристаллов, обугленных выхлопов сажей.
В плёнке тумана до контуров смыты дома, тополя и фигуры.

Календарь, молчаливый свидетель, ждёт конца эксперимента,
чтобы жестом одним подвести итог постоянства
бесшабашности ветра, застрявшего в уличном танце
у подножия в дальнюю ссылку отправленного постамент.

Собирая изображения прошлого, невероятной
вправе считать мотивацию и последствия действий —
где-то, в подобие климату, быть очень дерзким,
где-то, подобно свежей палитре, быть очень приятным.

Раз в неделю вечером мучит желание из зазеркалья
выдернуть тот мир и вместо него отправить этот,
пока город с температурой не выбрали метод
и не довели лампочку сознания до полного накала.

Абсолютная логика

Иногда абсолютно невозможно понять
логику действий стоящего от тебя в двух шагах —
видимо, под наклоном сделана броня
и гранаты усилий скользят, словно мыло в руках.

Собираясь устроить дождь из звонков,
рассчитай расход средств — ведь может и одного хватить,
чтоб решить все задачи хулиганским пинком
телефонного справочника в электронный архив.

Сразу станет в голове просторно, как днём
посреди ста песчинок запойному муравью,
отпадёт необходимость торчать под ружьём,
ожидая, когда эмоции взрывы совяют.

А пока до сих пор неясно, зачем вообще
этим фразам, подобно гимнастам, делать кульбит,
и кто придумал выбрать из всех овощей
морковку как символ диет и приставку к любви.

Без стихов

Весело, когда планы летят кувырком,
однако по нормам дня это сверх меры.
Плюнуть полезно иногда на манеры,
лучше, чем пар до поры держать под замком.

Неизвестно, что остаётся позади,
как ни парадоксально эту фразу слышать;
так хотелось подняться на ступеньку выше,
и о связке идей в конце рукава не забыть.

5.55 на часах, а сон не идёт,
проявляет характер, не его роль гостя..
Между реальностью и пониманием мостик
тихо дрожит от намеренья выйти вперёд.

Линия стала кривою — успеи распрямить.
Прежде, чем поезд скользнёт по другим рельсам,
зришь браслет из огней. Затянутый в кресло,
маятник тащит к Аиду разбитую нить.

Нечего больше пока грузить в бомболок,
и самолёт без стихов, но с пилотом, тает в небе.
Рыжие кудри восхода покажутся слева,
краской забрызгав экран, где ни встреч, ни разлук...

В черновике

Черновики ломают лбы,
когда шумерским станет почерк,
и в сказку перекрасит быль
дыхание бессонной ночи.

На пальцах мёдом липнет ложь
с изрядной примесью из дёгтя —
готов пустить вопрос под нож
стучащего по кнопкам ногтя.

Янтарной пудрой сядет пыль
на исстрадавшиеся туфли,
на кухне вкус гнилой крупы
заставит прыгнуть в омут улиц.

Не видя реплик в море глаз,
их ввёшь из чутких нитей рифмы
и фотография угла —
орнамент на гитарном грифе.

В черновике читаю суть
по семигранным клеткам будней,
держа в ладонях на весу
штурвал растаявшего судна...

Бытие в обход

Монолог без сладкой ритмики — форма бытия,
при которой выношу из дома мусор, забыв про хлам.
В этой форме способность надежду не терять
представляется в виде защиты из рыцарских лат.

Стаи птиц над кварталом контурами октября
безразмерно рисуют близкий вечер с названием “чертёж”,
просыпаясь дождливым утром, думаешь: зря
повторить не удастся свой путь по следам от калош.

И никто не собирается тебе объяснить,
что следы как продукты, если сразу не убрать в пакет,
то они обретут вторую родину — гниль,
а такую родину отвергнет любой чистый паркет.

Потому совесть разрешает нервам отдыхать,
и пускает мысли о всех мелочах по грунту шоссе в обход,
полумрак комнаты растянул в два раза кровать,
подтвердив идеи Прокруста без иголок острот...

Самооборона от депрессии — бытие,
боевые действия без разрывов, улица — окоп...
И пока нет мира, носишь душу всегда при себе,
по грунтовой ладони шоссе растворяясь в обход.

г. Костанай.

Сергей ШЕВЧЕНКО

Нелогичный реализм

На самом деле никто не видел живого поэта. Поэт, в тот момент, когда он поэт, если и видим, то не наблюдаем — он прячется в блокноте, в котором будто проводит случайные и бессмысленные штрихи, а не стихи, хотя в некоторые моменты кажется, что это одно и то же. Герметически закрывающиеся окна делают зааконный мир аквариумом, потом понимаешь, что и комната твоя — аквариум, пока не зазвучит из компьютерных динамиков голос БГ (Бориса Гребенщикова), собирающий и ограничивающий этот аквариум в себе. Поэт не выразитель мифа универсального, как кассовый чек с прописанными в нём бутылкой пива и сухариками, поэт ценен тем, чем он отличается от окружающих; его застывший медный взгляд — это монета, подброшенная вверх и вращаемая ветрами случая; при падении она звоном своим изобретёт уникальный синтаксис, расставит в стандартной обстановке комнаты свои знаки препинания. Это отнюдь не книги и тексты, и уж тем более не авторы гостят у нас; это мы заходим к ним, угощаемся у них филенными строками стихов, ведь поэзия — это коровы (а иногда и бизоны), пасущиеся на полях будней, стандартной комнаты, душного проспекта и простудных луж.

Когда я выхожу из дома в ненастье, застёгиваю бредущую ветер куртку — в моей голове всё тот же ветер поднимает стихотворные строки, автором которых зачастую оказывается Александр Колесников. Эти строки не обрывки моего выдоха, греющего заблудившийся воздух, нет, они колосья тишины, проросшие на одичавшей почве городского дребезжащего асфальта. А если отправить символы туда, где им и место — сушиться на батарее, ведь любой символ — это одежда какой-нибудь вспотевшей жизни, скажу, что стихи Александра насыщены до предела действительностью городского жителя, который и дышит по-настоящему только на природе. И такая природа у него есть. Своя. И если говорить в буквальном смысле, это дача, постиндустриальный вишнёвый сад, производящий не только витамины, питательные вещества и хлорофилл, но ещё и стихотворный дискурс в сознании Александра. Его стихи лучше читать по временам года; его декабрьские метафоры висят вдалеке мутной дымкой при взгляде из сентября, но подождите три месяца — из мутной дымки выпадет снег — да столько, что захочется в снежки играть. Сейчас сентябрь — не потому ли меня зацепила следующая ниже колесниковская строфа, написанная тоже в сентябре, но год назад, где нет ни пейзажей, ни символов осеннего угасания:

*Внезапность — родственник бессилия,
засохшая молекула хлеба...
И потому дорога синяя,
синей, чем сжатое в кулаке небо...*

Прочтите отдельно по строкам, прочувствуйте каждую на языке и на коре больших полушарий. Пусть кто-то скажет: “Нелогично, причём тут хлеб и “потому дорога синяя”, но логичные стихи в пятом классе приятно видеть в хрестоматии, а после — в гробу. Человеку, не обделённому логикой, достаточно объяснить второй закон Ньютона, а после рассчитать силу, исходя из ускорения и массы, он сможет и сам. Совместные расчёты утомляют. К тому же жизнь сама по себе — слишком нелинейное действо, чтобы ограничивать её лаком любой шахматной доски. Как поёт мне сейчас аквариумный голос:

“В игре наверняка — что-то не так”. Или вот пример блестящей концовки, не менее блестящей (привожу эту метафору в основном для Александра), чем игра МЮ в лигачемпионском финале с Баварией.

*Возвратившись после путешествий к ручью,
окуная в него тяжесть рук до локтей,
предлагаешь сиреневой ночи ничью,
раз победа сегодня не лучше ничьей...*

И хотя речь здесь идёт о ничьей, приведённое четверостишие — несомненная творческая победа. Какое пробирающее до костного мозга экзистенциальное ощущение ночи, возвращения, холодной ручейковой воды, прозрачность которой никому не нужна этой ночью. Да Александр ведь обэриут, в самом изначальном смысле этого слова, — хочется воскликнуть, когда бы не боязнь приколачивания определений и навешивание ярлыков на поэтов, испытывающих колоссальный творческий рост. И вероятно, важнейшим направлением развития должно стать чтение своих стихов. Не только чтение вслух с авторскими смысловыми ударениями как приём репрезентации своих стихотворений, но и критический анализ текстов, отсекование лишнего, переделка неказистых моментов, которых пусть и встречается немного, но стоит помнить, что если поэзия выше была уподоблена бизонам, то их стадо бежит со скоростью самого медленного из них. Одна неудачная, небоеспособная строфа “деморализует” всё стихотворение. Дрезден подвергся такой ужасающей бомбардировке, потому что там практически не было обороняющихся войск. Стихи воюют с апатией читателя. И если Александр научится сепарировать свои тексты, мы можем получить стихотворный цикл, равный по силе “Восьмистишиям” Мандельштама и “Пейзажу с наводнением” Бродского.

Однако следует помнить, что всякого стоящего поэта нужно учиться читать, воспринимая его бытие-в-мире всей немеханистичной частью своего естества. Например, можно долго возиться с анализом стихотворной фразы:

*В ожиданье дней, толкающих вверх
сумерки архитектурных сочинений прошлого...*

можно анализировать её семантическую структуру, рисовать схемы, где из образа А возникает образ Б, но буква убивает, а дух животворит. Александр не отталкивается в каждом акте построения текста от аналитических мифов, созданных филологами и критиками, — он из тех поэтов, которые знают, что дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит. В конце концов, поэт остаётся наедине с листом бумаги, и жестокий реализм дверных проёмов говорит ему: “Встань и иди”, но одновременно с этим напоминает о неизбежности разрушения архитектурных фантазий. Я уже именовал Колесникова обэриутом, но стоит сказать, что он реалист и в философском значении этого понятия — он чувствует, что если слово есть, значит оно зачем-нибудь нужно; он чувствует, что к слову, как вытянутой руке, посредством нити смысла крепится камень, а благодаря этой праче и могут быть поражены Голиафы. А их хватает, ведь стихи Александра не лишены чувства внутренней борьбы и боли — да и может ли реально существовать без них поэт?

*А пока боль — лишь реальности вид,
списанный как заместитель матери творчества,
ты пытаешься небо разбить,
чтобы дождь, что не начался, так и не кончился...*

г. Костанай.

Ольга ГРИГОРЬЕВА

“Была б жива Цветаева...”

*(Как отмечали в России, Казахстане и на Украине
115-ю годовщину со дня рождения поэта)*

В день рождения Марины Цветаевой, 115-ю её годовщину, я еду по Калужскому шоссе в Москву. В Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина — музее, основанном отцом Марины, Иваном Владимировичем Цветаевым, начнётся 15-я международная научная конференция “Семья Цветаевых в истории и культуре России”. Боюсь опоздать — автобус еле-еле ползёт в километровой пробке. Смотрю за окно: великолепные подмосковные леса ещё не облетели, берёзы жёлтые, осинки красные, между ними зеленеют ели. День по-настоящему осенний, октябрьский, пасмурный, идёт мелкий дождь. Нет, неправильно, не идёт — накрапывает! Как верно нашла Цветаева это слово! Накрапывает, то есть оставляет крапинки — на стекле, листе деревьев, на редких лужах... Это из её стихотворения:

**Ольга
Николаевна
ГРИГОРЬЕВА**

поэт, журналист. Родилась в г. Новосибирске. С 1971 года живёт в Казахстане. Окончила факультет журналистики государственного университета им. С. М. Кирова (Алма-Ата).

Автор поэтических книг: “Середина сентября”, “Вечный сюжет”, “Одиноко стоящее дерево”, “Дверь”, “Поют мои друзья”, “Из Павлодара с любовью”, “Никогда не оглядывайся”, “Из семи тетрадей”. Автор сборников очерков: “Вы — история, не поколение”, “Золотой песок бытия”, шести книжек для детей.

Постоянный автор “Нивы”. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах “Студенческий меридиан” (Москва), “Миша” (Москва), “Складчина” (Омск), “Омская муза”, “Простор” (Алматы), альма-

нахе “Южная звезда” (Ростов-на-Дону), в сборнике материалов Международного конгресса “Русская словесность в мировом культурном контексте” (Москва, Фонд Достоевского, 2004), других научных сборниках. Стихотворения О. Григорьевой вошли в первый том 7-томной антологии “Современное русское зарубежье”, вышедшей с

предисловием Ю. Лужкова (Москва, “Серебряные нити”, 2005).

На сцене Восточно-Казахстанского театра драмы (Усть-Каменогорск) идёт спектакль “Марина Цветаева” по пьесе Ольги Григорьевой “Дочери царя”.

Живёт в Павлодаре. Работает обозревателем по вопросам культуры областной газеты “Звезда Прииртышья”. Член Союза журналистов Казахстана. Награждена почётным знаком “Деятель культуры”.

*Над синевой подмосковных роц
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы Калужскою дорогой, —
Калужской — песенной — привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога...*

Точно про сегодняшний день — и мы бредём по Калужской дорожке, правда, не пешком и не с котомкой за плечами, а на машинах да автобусах... А что слепцы — тоже верно. Марина Ивановна писала про настоящих — незрячих, но “во тьме поющих Бога”, а мы, хоть зрячи, здоровы и богаты, но живём во тьме — в суете, золотому тельцу кланяемся, не задумываемся о вечном, не вспоминаем о заповедях Божьих...

Дождик всё сеет, накапывает. Почему “колокольный”? Может, потому, что редкие капли его такие же лёгкие, прозрачные, хрустальные, завораживающие, как звуки далёкого колокола в осенней тишине? А, может, просто потому, что накапывал он во время колокольного звона — Цветаева написала это стихотворение в 1916 году, в праздник, Троицын день. Кстати, еду я в Москву по Калужской дороге из города Троицка (18 км от столицы), где живёт сейчас старший сын. Назван был этот городок почти четырьеста лет назад в честь Святой Троицы... Те, кто любят Цветаеву, подтвердят — стоит заняться изучением её творчества, или даже просто читать её стихи, вспоминать их — тут же начинаются какие-то удивительные совпадения, открытия, встречи.

Автобус всё ещё стоял в пробке. Я решила почитать, достала из сумки книгу “Борисоглебье” — новую, прекрасно изданную и иллюстрированную — о музее Марины Цветаевой в Москве, в Борисоглебском переулке. Открываю первую страницу: издательство “Троица”. Опять — Троица! Ну тут я даже не удивилась. Так всегда у Цветаевой: притяжение слов, пересечение смыслов...

“Младший брат” сестёр Цветаевых

... Я выхожу на станции метро “Кропоткинская”, в сторону Храма Христа Спасителя. Справа — Храм, слева — памятник Александру Третьему. В своих “Воспоминаниях”, в главе “Открытие музея” Анастасия Ивановна Цветаева писала: “После многих событий и колебаний день открытия музея назначен в 1912 году на 31 мая. В те же дни предназначалось открытие памятника Александру Третьему, над Москва-рекой, близ Храма Спасителя и маленькой церковки...”. И в сноске: “Теперь там нет ни памятника, ни обеих церквей. Местность — водный бассейн”. Прошло 95 лет, и всё вернулось на круги своя: стоят на берегу Москвы-реки обе церкви, стоит и памятник царю-освободителю... Прежде тихая Волхонка в потоке машин, и вот он, красавец-музей, детище Ивана Владимировича Цветаева. Он стал неотъемлемой, давно привычной частью Москвы, частью русской культуры, и трудно себе представить, что на этом месте в конце 19-го века был пустырь — площадь Колымажного двора, где помещалась старая пересыльная тюрьма. Эту площадь и предоставило царское правительство профессору Московского университета И. В. Цветаеву в ответ на его просьбу о создании музея слепков работ лучших мастеров Европы — для студентов, у которых не было возможности ездить за границу и изучать древнюю

скульптуру и архитектуру в подлинниках. Когда задумываешься над тем, как один человек на голом месте создал музей, ставший гордостью страны, чувства восхищения и преклонения наполняют душу...

В "Итальянском дворике" ГМИИ им. А. С. Пушкина 8 октября на торжественное открытие 15-й международной Цветаевской конференции собрались крупнейшие исследователи творчества Марины Цветаевой со всего мира, сотрудники Цветаевских музеев, представители Российского государственного гуманитарного университета. Открыла конференцию нынешний директор музея (сама уже легенда российской культуры!) Ирина Александровна Антонова. Она предложила собравшимся посмотреть уникальные кадры кинохроники 1912 года, которые запечатлели торжественные моменты открытия музея. Иван Владимирович Цветаев встречает высоких гостей...

О своём отце и его музее М.И. Цветаева написала (уже в эмиграции) очерки "Музей Александра III", "Открытие музея", "Отец и его музей". Марине Ивановне запомнился этот миг: "Чуть склонив набок свою небольшую седую круглую голову... явно не видя всех на него глядящих, стоял он у главного входа, один среди белых колонн, под самым фронтоном музея, в зените своей жизни, на вершине своего дела. Это было видение совершенного покоя".

Марина называла отцовский музей "колоссальным младшим братом".

... Никто не знает — когда ребёнок становится поэтом, рождается ли им, или душа раскрывается прекрасному, воспитывается и развивается постепенно и незаметно? Не в те ли моменты, связанные с музеем, Марина Цветаева становилась поэтом? Вот они с отцом на строительстве: "Музейные леса. Мой первый отрыв от земли...". Лучший пример служения своему делу — "14-летний бессребренный труд моего отца". А пример матери — незаменимой помощницы отца! Главным в ней, по словам Марины, был "сердечный жар, без которого словесный дар — ничто". Всё это — уроки музея...

Впервые традиционная Цветаевская научная конференция открывалась не в музее М. Цветаевой в Борисоглебском переулке, а в ГМИИ им. Пушкина. Причин тому было несколько. 2007 год оказался удивительно "урожайным" на юбилеи, вернее, на круглые даты в Цветаевской семье: 160 лет со дня рождения Ивана Владимировича, 115 лет со дня рождения Марины Ивановны, 95 лет со дня рождения её дочери — Ариадны Сергеевны Эфрон, 95 лет исполнилось самому музею, и в этом году 15-летие праздновал Дом-музей М. Цветаевой в Борисоглебском. Поэтому и тема конференции посвящалась не только творчеству великого поэта 20-го века Марины Цветаевой: "Семья Цветаевых в истории и культуре России".

Выступление И. А. Антоновой называлось "Слово об Иване Владимировиче Цветаеве". Ирина Александровна вспоминала, как менялось отношение к создателю музея. В 1947 году, когда надо было бы отмечать 100-летний юбилей И. В. Цветаева, ничего не проводилось, о Иване Владимировиче говорилось вполголоса, видимо, в связи с тем, что члены семьи Цветаевых были репрессированы...

"На моих глазах появилась в музее Анастасия Ивановна Цветаева, говорила И. А. Антонова, — сначала застенчиво, робко... Помню Ариадну Сергеевну Эфрон, которая тоже вела себя очень скромно. Чаше других

бывала здесь Валерия Ивановна, бывал Андрей (сводные брат и сестра Марины и Анастасии. — **О. Г.**). В 1962 году были установлены памятные доски на фасаде музея, посвящённые И. В. Цветаеву и Ю. С. Нечаеву-Мальцеву, главному “жертвователю” музея. Это было непросто...”.

Но с каждым годом появлялось всё больше публикаций, вышла научная биография И. В. Цветаева.

Вспомнила нынешний директор музея добрым словом и наш казахстанский журнал “Простор”, ведь именно в нём в 1965 году впервые был опубликован очерк Марины Цветаевой “Отец и его музей”. Мне, как представителю Казахстана, было приятно это слышать.

Эпистолярное наследие И. В. Цветаева огромно (в этом смысле Марина Цветаева, можно сказать, брала пример с отца...). В 1977 году вышел двухтомник — переписка И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном. Удивительно в этой переписке то, что, работая вместе целый день, общаясь с архитектором, Иван Владимирович зачастую, вернувшись домой, садился за стол и писал ему письмо. Настолько строительство музея волновало его создателя.

Когда музей изящных искусств открывался, его не только приветствовали, было и много критики, были и непонимание, и зависть... “Мраморная коробка для гипсовых слепков” — писали недоброжелатели. И, может быть, скорая кончина Ивана Владимировича была связана и с теми переживаниями, которые он перенёс при открытии музея, — предположила И. А. Антонова. — Но сейчас мы видим, как укрепилось и закрепилось мнение об исключительной важности этого музея и о том, что его создание — настоящий подвиг”.

Ирина Александровна говорила об уроках, которые получают для себя современные музейные работники, изучая деятельность И. В. Цветаева. Музей продолжал жить и работать благодаря той научной основательности, которую предложил при его создании И. В. Цветаев. Он начинал как филолог, а в процессе создания музея стал настоящим искусствоведом. Этот принцип научной основательности поддерживается и сегодня, музей тесно сотрудничает с Российским государственным гуманитарным университетом, в РГГУ создан учебный художественный музей имени И. В. Цветаева. Кстати, ему исполнилось 10 лет. Иван Владимирович много работал с молодёжью, нынешний музей продолжает эту традицию.

И. В. Цветаев словно заглядывал в 21-й век, говоря о “визуальном мышлении”, о том, что полученные впечатления от прекрасного в детстве и юности имеют огромное значение для развития личности.

Ещё один “урок” Цветаева — это его взаимоотношения с меценатами. Он один из тех, кто первым стал работать с общественностью, привлекать для нужд культуры деньги богатых людей, много писал об этом. “В последние годы, — отметила И. А. Антонова, — эта работа стала и для нас привычной. А Иван Владимирович дал пример общения с этими людьми... “Музей — это общее дело, а не прихоть отдельного лица” — эта тема проходит через всю деятельность И. В. Цветаева”.

Основатель музея нашёл партнёров для совместной работы в разных странах, и сейчас эти связи продолжают.

На открытии Цветаевской конференции состоялась презентация совместного издания ГМИИ им. Пушкина и Государственных собраний произведений искусства г. Дрездена “Устроить в Москве маленький Альбертинум...”.

Переписка Ивана Цветаева с Георгом Треем (1881-1913)". На презентацию приехал из Германии директор Дрезденской галереи доктор Мартин Рот. Господин Рот рассказал историю знакомства и переписки создателей двух музеев. В мае 1892 года И. В. Цветаев побывал в Дрезденском музее Альбертинум, его скульптурное собрание восхитило Цветаева. И до этого он мечтал о создании в Москве подобного музея, а теперь увидел пример для подражания! Через год Иван Владимирович обратился к директору Дрезденского музея с просьбой о помощи, и завязалась многолетняя переписка... И. В. Цветаеву почти не с кем было консультироваться по вопросам создания музея, а ведь начинался он с нуля — кроме выделенной площади Колымажного двора не было ничего: ни здания, ни коллекции, ни сотрудников... Иван Владимирович поставил перед собой грандиозную задачу — создать общедоступный музей классического искусства. В этом помогали ему немецкие учёные. Трей же являлся не только учёным, но и практическим музеологом, его советы были просто бесценны... В книгу вошли 64 письма И. В. Цветаева и 61 — немецкого адресата.

Марина Цветаева в 1933 году вспоминала об этой переписке: "К одиннадцати годам и я втянулась в работу, а именно, когда мы все съезжались, писала отцу его немецкие письма. Как сейчас помню ... **Гильдесгеймский серебряный клад** и "Professor Freud". Зато какое сияние гордости, когда в ответном письме за таким-то № в конце приписка: "**... Передайте от меня привет Вашей милой и добросовестной дочурке**".

Новую книгу торжественно вручили директору культурного центра "Дом-музей Марины Цветаевой" Э. С. Красовской, директору учебного художественного музея им. И. В. Цветаева И. В. Бакановой, руководству университета. Были и другие дарения, так, внучка Анастасии Ивановны Цветаевой Ольга Трухачёва (павлодарцы её хорошо помнят, она родилась и выросла в нашем городе) передала музею оригинал письма И. В. Цветаева, который хранился в архиве бабушки. Это три отдельных листа, заполненных с обеих сторон, а на одном листке рукой А. И. Цветаевой написано: "Отрывок из папиного письма".

15-я международная Цветаевская конференция продолжалась четыре дня — в Доме-музее М. Цветаевой в Борисоглебском переулке, в РГГУ и детском центре "Музейон" ГМИИ им. Пушкина.

А в первый день конференции были не только доклады и сообщения, ведь это был день рождения поэта! Стихи Марины Цветаевой замечательно читала народная артистка России Антонина Кузнецова. Читала она не только стихи, но и отрывки из биографической прозы М. Цветаевой "Мать и музыка", читала так, что сжималось сердце...

— Мама (это было её последнее лето, последний месяц последнего лета) — почему у тебя "Warum" ["**Почему**" (нем.)] выходит совсем по-другому?

— Warum — "Warum"? — пошутила с подушек мать. И, смывая с лица улыбку: — Вот когда вырастешь и оглянешься и спросишь себя, warum всё так вышло — как вышло, warum ничего не вышло, не только у тебя, но у всех, кого ты любила, кого ты играла, — ничего ни у кого — тогда и сумеешь играть "Warum". А пока — старайся...

"Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, — писала Марина Цветаева. — После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом".

И прекрасным завершающим аккордом вечера стала музыка — та, которую так любила мать Марины Цветаевой, Мария Александровна

(урождённая Мейн), замечательная пианистка: произведения Шумана, Шопена, Скрябина в исполнении лауреата 13-го международного конкурса им. П. И. Чайковского Сергея Соболева. По-особому звучала она в этом величественном зале музея, на фоне знаменитых “Золотых ворот”, в окружении скульптур — звучала как гимн памяти и любви двум замечательным людям — Ивану Владимировичу и Марии Александровне Цветаевым.

“Маленькой, милой Тарусы летние дни...”

В год 115-летия Марины Цветаевой посчастливилось мне побывать на многих мероприятиях, посвящённых этому юбилею, но пишу я о них не в хронологической последовательности, а, можно сказать, в “биографической”, следуя биографии поэта. Родилась Марина Ивановна в Москве, а детство сестёр Цветаевых — это, конечно, Таруса, маленький провинциальный городок Калужской области. Сколько строк посвятили Тарусе и Марина, и Ася! “Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить” — утверждала потом в “Воспоминаниях” Анастасия Ивановна. Ежегодно в Тарусе, в первые выходные октября — накануне дня рождения Марины Цветаевой — проходит традиционный Цветаевский праздник, в 2007-м году он был уже 21-м и посвящался не только 115-летию поэта, но и 15-летию Тарусского музея семьи Цветаевых.

Для московских цветаеведов и зарубежных гостей был предоставлен автобус, и мы от станции метро “Аннино” двинулись в путь, по дороге вспоминая, как добиралась в Тарусу семья Цветаевых: “Летами мы жили в Тарусе, куда ездили всем домом с Курского вокзала до Ивановской станции (Тарусской) и оттуда семнадцать вёрст по невероятной (обрывами, то глинистой, с глубокими колеями, то песчаной) дороге — до парома (позже — до станции Ока и оттуда паромом)” — писала в прозе А. И. Цветаева. А Марина, конечно, в стихах:

*Едем шагом, в гору тяжело,
В сонном поле — гром...
Ася, слышишь? Спит, бедняжка,
Прспала паром!
Впереди Ока блеснула
Жидким серебром...
Ася глазки разомкнула,
— Подавай паром!*

Два часа промелькнули незаметно, и вот на пороге Тарусского музея семьи Цветаевых нас встречает его обаятельный директор Елена Михайловна Климова. В “доме Тьо” идут экскурсии, одна за другой, и это радует — всё больше людей узнают об уникальной Цветаевской семье, всё больше “заболевают” стихами Марины...

Дача в Песочном, где прошло детство сестёр Цветаевых, как известно, не сохранилась, в советские времена на её месте была построена танцплощадка для дома отдыха... А этот дом был куплен в 1899 году дедом Марины и Аси по материнской линии А. Д. Мейном. После его смерти здесь жила его вторая жена, которую сёстры звали Тьо (тётя), летом девочки часто бывали у неё в гостях. В этом доме они жили во время зимних приездов в Тарусу в 1907-1910 годах. Марина вместе с молодым мужем Сергеем Эфроном приезжала сюда летом 1912 года. Дом, где они останавливались, стоит рядом с музейным зданием, он пока закрыт для посетителей.

Цветаевский праздник в Тарусе торжественно открылся возложением цветов к памятнику Марины Цветаевой. Памятник воздвигли в 2006 году, на высоком берегу Оки. После его открытия случилось то, что присутствующие назвали просто чудом: в ясный солнечный день среди лёгких перистых облаков вспыхнула радуга! Десятки людей видели её, запечатлели на фото- и видеоаппараты, и назвали не иначе, как “приветом от Марины”. А я бы ещё добавила — от Аси тоже. Помните, как она описывала тарусскую радугу в “Воспоминаниях”: “... И была ещё — радуга! Она настаивала — внезапно, появлялась неожиданно, и в её незваности, в забвенье о ней была тайна. Она... ниспадала в верхушки тарусского леса, всегда неполная, склонённостью своего отрезка лишь намекая на то, какая она вся...”.

И в той радуге 2006-го года тоже была тайна, и, может быть, своей неожиданностью и “неполностью” намекала она на то, что лишь маленький отрезок, часть души, часть поэзии Марины Цветаевой по-настоящему знаем мы. Но — “какая она вся”?..

Конечно, это замечательно, что стоит памятник Марине Цветаевой на высоком берегу Оки, в Тарусе, которую она так любила. Хотя я представляла его совсем иначе. Марина здесь изображена такой, какой была в последние годы жизни — уставшая, согбенная, босая, уже собравшаяся в путь “по старой по дороге по калужской...”. Это памятник для Елабуги, для Москвы... Таруса — город детства, место (одно из немногих на Земле), где была она счастлива. Мечтая о памятнике, я представляла его так: Марина (подросток, девушка) бежит-летит к Оке, сама юность, сама Поэзия, Психея! — и, может быть, рядом Ася, с которой они были неразлучны в те годы...

У памятника читались стихи, говорились речи, а потом наиболее стойкие (шёл дождь) переместились к памятному камню. В своём очерке “Хлыстовки” М. И. Цветаева писала: “Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растёт самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень:

Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Париж, май 1934”.

К этому камню тоже легли цветы и гроздья рябины, здесь вновь звучали стихи Марины и посвящения ей... Гостями Цветаевского праздника были не только россияне, но и гости из Израиля, Швейцарии, Испании, Германии, это и удивительно, и закономерно — поэзия Цветаевой объединяет страны и сердца... Она писала:

“Поэт не может служить власти — потому что он сам — власть.

Поэт не может служить силе — потому что он сам — сила.

Поэт не может служить народу — потому что он сам — народ...

Единственно, кому поэт на земле может служить — это другому, большому поэту”.

Те, кто собрались в её день рождения в Тарусу, служат ей — Марине Цветаевой...

Таруса для семьи Цветаевых — не только радостные воспоминания. Здесь в 1906 году умерла мать Марины и Аси — Мария Александровна, её

отпевали в Воскресенской церкви (памятник архитектуры 17-го века), которая стоит до сих пор на высоком берегу Оки. Здесь, в Тарусе, в сентябре 1937 года была арестована Анастасия Цветаева. На Тарусском кладбище лежит дочь Марины Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон. Она провела в Тарусе последние 19 лет своей жизни.

Поклониться её праху мы пошли с журналисткой из Израиля Аидой Злотниковой, удивительным человеком, с которой я познакомилась в этой поездке. Она родилась в Челябинске, окончила факультет журналистики Ростовского университета, работала в редакциях газет “Вечерний Челябинск” и “Молодой учитель”, с середины 70-х годов Аида занимается изучением и популяризацией творчества М. И. Цветаевой. И когда в 1990 году уехала в Израиль, не оставила эту работу. В городе Реховоте она создала культурный центр (и руководит им), где проводятся многочисленные вечера поэзии, она корреспондент всеизраильского радио на русском языке. Аида подарила мне свою новую книгу, озаглавленную строчкой из цветаяевского стихотворения: “... И с просьбой о любви”. Один из разделов книги посвящён М. Цветаевой и её дочери — Ариадне Эфрон.

А. С. Злотникова выступила с сообщением “Имя поэта Марины Цветаевой в Израиле” на Цветаевских научных чтениях, которые открылись в музее в этот же день после обеда. Научные чтения в Тарусе — тоже традиция, они проводятся раз в два года в рамках Цветаевского праздника, потом выпускаются сборники докладов и сообщений. К этой конференции её организаторы выпустили не только сборник научных докладов, но и прекрасно изданный буклет, с фотографиями и стихами — “Цветаевские места России”. Вышел специальный выпуск районной газеты “Октябрь” (названная, разумеется, в честь другого события, она теперь очень органично звучит в дни ежегодных октябрьских праздников в Тарусе!). В подборке, посвящённой Цветаевскому празднику, есть материал, посвящённый А. И. Цветаевой.

Анастасия Ивановна много лет прожила в Павлодаре, поэтому всё, что касается её творчества, интересует меня особо. Заместитель директора по научной работе литературно-художественного музея сестёр Цветаевых из города Александрова Н. В. Садова рассказала в “Октябре” о находке ранее неизвестных записей А. И. Цветаевой: “Тот, кто долго работает в музее, хорошо знает, что это — необыкновенное, удивительное место, где случаются настоящие чудеса и замечательные находки (особенно — если это музей Цветаевский! — О. Г.). Вот такое чудо произошло в музее Марины и Анастасии Цветаевых в Александрове. На чердаке старого дома, где жили учителя Лебедевы, и у которых в 1915-1917 годах снимали квартиру А. И. Цветаева и её второй муж М. А. Минц, были найдены записи Анастасии Ивановны. И среди них — небольшой отрывок из её дневника 1908 года! Столько лет прошло, столько событий и перемен! А страничка из подросткового дневника — вообще находка практически невероятная, ведь Анастасия Ивановна утверждала (в книге “Дым, дым и дым”), что все свои дневники с 13 до 18 лет она сожгла... И, тем не менее, перед нами записи 13-летней Анастасии Ивановны — маленькие листочки из записной книжки. “О, скажи, мама! Это твоё напутствие? (Напомним — Мария Александровна умерла в 1906 году. — О. Г.). А Марусе ты написала длинное стихотворение, которое заканчивается этими 4-мя строчками:

*“Вы живёте во мраке, в оковах, в аду...
Я вас к свету, к свободе вперёд поведу!
Верьте — некуда больше идти.
Нет иного пути!”*

Ты ей указала дорогу, тоже сильную, гордую. Ту единственную дорогу, по какой могут идти такие, как она — “нет иного пути!”.

Да, это было напутствие. Я стала верить снам и гаданиям. Любовь сильнее смерти. Если верить, безумно верить в невозможное, оно станет возможным. Надо сильно желать, сильно верить, сильно любить — и преграды разрушатся. Часто, читая какую-нибудь книгу, или гуляя по тем самым местам, которые ты так любила, я думаю о тебе, представляю себе тебя, и мне чудится твой смех, голос, смелые песни, и ты вспоминаешься мне, какую ты была когда-то, давно-давно, в солнечной яркой Италии, среди цветов, моря и зелени. Часто я хожу на ту лесную полянку, которую ты звала “Пеньки”, и которую так любила, и глядя на грустные молодые берёзки и осины, вспоминаю тебя.

Поздно... поздно”.

31 мая. Осенью этого года мне исполнится 14 лет. После лета 1906 года настала тёплая осень. Все уехали в Москву, Маруся в гимназию живущей, Андрей тоже в гимназию, папа уехал с ними, а я до 22 октября жила у Добротворских. Ты помнишь, я и в Ялте, и здесь, в противоположность Марусе, была “реакционерка”. Мало-помалу взгляды мои стали...” — на этом текст обрывается, далее — два чистых листка.

Удивительно, как здесь всё узнаваемо — не только события, но и яркий, богатый и эмоциональный стиль Анастасии Цветаевой, её неповторимая писательская манера.

Маленькое чудо, драгоценный камешек из детства сестёр Цветаевых”.

Кстати, говоря о юбилейных датах 2007 года, можно было назвать ещё одну: исполнилось 150 лет со дня рождения Е. А. Добротворской (урожд. Цветаева), двоюродной тёти Марины и Анастасии, благодаря которой Цветаевы попали в Тарусу.

Цветаевские праздники дарят много незабываемых встреч, одна из них — с поэтом Татьяной Мельниковой, членом Союза писателей Москвы. Летом она живёт в Тарусе и посвятила ей целый цикл стихов под названием “Я просла в этот город корнями”, вошедший в её книгу “Жизнь как жизнь”:

*Таруса — край благословенный,
Раздолье неба и земли,
Пригорков взлёты, запах сенный,
Ока и лодка на мели.
... Сентябрь зажжёт огни рябины,
Дождями окропил леса...
Анастасии и Марины
Здесь оживают голоса.*

О стихах Татьяны Мельниковой очень доброжелательно отзывалась в своё время Анастасия Ивановна Цветаева: “... Цикл тарусских стихов напоён особой теплотой”.

“Кому-то зажигают свечи, а ей — костры!”

Во второй день в Тарусе продолжились научные чтения, а в 13. 00 на берегу Оки, в лесу зажгётся Цветаевский костёр, уже 22-й по счёту! Его организаторы — Б. М. Мансуров и А. В. Ханаков предоставили мне честь зажечь костёр вместе с Людмилой Шейн — сотрудником Московского Дома-музея

М. Цветаевой, Ириной Никифоровой — заслуженной артисткой России из Хабаровска (сейчас она живёт в Новосибирске) и юным костровым, мальчиком Колей, приехавшим в Тарусу из Москвы с бабушкой и дедушкой. Около ста человек собралось на 22-й костёр (несмотря на непрекращающийся мелкий дождь!).

Цветаевские костры — явление уникальное. Возникла эта традиция случайно, просто-напросто собравшихся в Тарусе поклонников поэзии Марины Цветаевой не пустили во Дворец культуры, чтобы отметить день рождения поэта, двери оказались закрыты... И тогда они пошли на берег Оки, в лес, на “хлыстовскую” поляну — туда, где так любили жечь костры Марина с Асей, стали читать стихи и петь песни, и настолько это неформальное общение было органичным поэзии и духу Цветаевой, что встреча у костра состоялась и на следующий год, а потом ещё и ещё... А потом Цветаевские костры стали зажигаться и в других городах, связанных с семьёй Цветаевых, а порой и там, где просто находился энтузиаст-цветаевед... Сейчас Цветаевские костры горят по всему миру, не только в России, но и в Германии, Израиле, Канаде, США.

В 2007 году впервые Цветаевские костры зажглись в г. Сиднее — Австралия, в Запорожье — Украина. В Одессе, в “Литературной гостиной” Дома учёных, прошёл большой поэтический вечер, посвящённый 115-летию М. Цветаевой. Ведёт традиционные встречи в “Литературной гостиной” цветаевед, член Союза писателей России, кандидат медицинских наук Людмила Борисовна Владимирова. На книжной выставке был представлен и наш казахстанский литературно-художественный журнал “Нива”, издающийся в Астане (с моей публикацией о третьих международных Цветаевских чтениях — “Цветаевский теплоход”).

В Германии теперь уже в трёх местах в день рождения Марины собираются поклонники её поэзии. Первый костёр — в Тюллингер Берг организовала восемь лет назад Лилия Фогельзанг (Цибарт), от “уголька” этого костра два года назад зажёгся костёр в Людвигсбурге, а в 2007 году первый — в Дрездене!

И в столице нашей республики Астане в конце октября 2007 года собрались поэты, студенты, преподаватели на первый Цветаевский костёр, его организовал приехавший из Москвы Борис Мансурович Мансуров совместно с Российским центром науки и культуры при посольстве России в Казахстане, а также кафедрой русской литературы Евразийского университета им. Л. Н. Гумилёва. Будем надеяться, этот костёр тоже станет традицией!

В Павлодаре прошёл уже третий Цветаевский праздник, на котором произошло долгожданное событие: на доме, где жила Анастасия Ивановна Цветаева в 1957-1959 годах, и куда в 1958 году приезжала дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон, была открыта памятная доска.

Ещё до приезда в Тарусу мне удалось побывать на шестом Цветаевском костре в подмосковном Подольске. Его проводит замечательный энтузиаст (как и все “цветаевцы”!), журналист Галина Сергеевна Сеничева. Костёр зажигается в удивительно красивом месте, на окраине Подольска, где слияние рек Десны и Пахры, это так называемое “Певческое поле в Дубровицах”. А рядом на холме просто парит на фоне неба храм Знамения Пресвятой Богородицы... В Цветаевском празднике в Подольске принимала участие внучка А. И. Цветаевой Ольга Трухачёва.

В письме Ахматовой М. Цветаева писала: “... Я тоже дерево: бренное, лgnu к вечному. Дерево и людям: проходят, садятся... — проходят. Я — пребываю. А потом меня срубят и сожгут и я буду огонь”.

Могла ли она представить, какое количество людей будет отмечать в начале нового века её день рождения и зажигать в её честь костры! И станет греть собравшихся не только огонь настоящих костров, но и огонь её стихов, её души...

После Тарусского костра во Дворце культуры прошла презентация книги стихов певца И. Зубарева "Река времени". И — пришла пора расставаться с Тарусой.

... Мы прощались с "Домом Тьо", а экскурсоводы уже принимали новых посетителей. Кто-то впервые приехал "в гости к Цветаевым".

В 19 лет Марина просила: "Детство, верни нам, верни / Все разноцветные бусы, — / Маленькой, милой Тарусы / Летние дни...".

Были в жизни сестёр Цветаевых и другие "драгоценные камешки", "разноцветные бусы", счастливые дни — это камешки Крыма, Коктебеля. Если Таруса — город детства сестёр, то Крым — это их юность.

Коктебель — "месторождение духа"

... Зимой 1911 года Максимилиан Волошин пригласил сестёр Цветаевых в Коктебель. Марина приехала в Крым весной, месяц провела в одиночестве в Гурзуфе, а 5 мая впервые в жизни переступила дом Волошина в Коктебеле. Коктебель подарил ей встречу с Сергеем Эфроном. 17-летний Сергей приехал туда из Гельсингфорсского пансиона. Их встречу на коктебельском берегу описывали многие авторы. Любовь с первого взгляда — и на всю жизнь...

Как мне хотелось увидеть этот дом, этот берег, где Марина и Ася были молоды и счастливы! Я очень обрадовалась, узнав, что в июне 2007 года в Крыму (в городе Судак) состоятся пятые международные Крымские Герцковские чтения "Серебряный век в Крыму: взгляд из 21-го столетия" (Аделаида и Евгения Герцык — подруги сестёр Цветаевых, Аделаида — поэт, Евгения — публицист). Организаторы чтений — московский Дом-музей Марины Цветаевой и Судакский городской совет, они проходили в рамках традиционной 14-й международной конференции "Крым-2007". Благодаря участию в них я и побывала в крымских городах, связанных с жизнью Марины и Анастасии Цветаевых: Коктебеле, Старом Крыму, Феодосии, Судак.

А. И. Цветаева о своём первом приезде в Коктебель летом 1911 года рассказывает в книге "Воспоминания" (часть 10 — "Юность. Москва. Крым. Москва", глава 6 и 7 — "В Коктебель", "Дом Волошина"). Автор описывает, как поразила её природа Крыма, как обитатели дома Максимилиана Волошина разыграли её в первый же день. Марина сказала, что у Макса гостит испанка Кончитта, поэтесса Мария Папер и известный поэт Игорь Северянин. На следующий день "Игорь Северянин" оказался женихом Марины Цветаевой Сергеем Эфроном, а ещё две героини — его сёстрами...

Да, и Марина, и Ася были счастливы в то лето. Марина встретила в Коктебеле Сергея, к Анастасии приехал сюда из Москвы Борис Трухачёв...

Для каждого пишущего Коктебель — заветное слово, символ творчества, свободы, поэзии. Здесь, в Доме Волошина, в разные годы отдыхали и работали Брюсов, Гумилёв, Мандельштам, Корней Чуковский, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Максим Горький, Михаил Пришвин, Константин Паустовский и многие, многие другие писатели, поэты, художники, музыканты. Ещё в 1933 году Андрей Белый назвал Дом Волошина одним из культурнейших центров не только России, но и Европы.

Марина Цветаева писала: “Коктебель для всех, кто в нём жил, — вторая родина, для многих — месторождение духа”.

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин — поэт и переводчик, блестящий критик, философ, культуролог, замечательный художник, один из заметных деятелей культуры Серебряного века. Дом в Коктебеле строился по его проекту. Изначально задуманное для приёма многочисленных гостей здание оказалось очень оригинальным по архитектуре и внутренней планировке, гармонично вписалось в коктебельский ландшафт. В 1924 году Волошин получил удостоверение, разрешающее создание в его доме бесплатного дома отдыха для писателей. В 1931 году он завещал первый этаж своего дома и находящийся вблизи дом своей матери Всероссийскому Союзу писателей. На базе этих зданий был создан первый в мире Дом творчества писателей. Из всего дачного посёлка Коктебель начала двадцатого века до наших дней волею судьбы сохранились только эти два дома. В 2001 году на базе Дома-музея Волошина был создан Коктебельский эколого-историко-культурный заповедник “Киммерия М. А. Волошина”.

... Мы ехали по живописной горной дороге из Судака в Коктебель, и без объяснения экскурсовода мне было понятно это название (благодаря скромным познаниям казахского языка): кок — голубой, тебе — гора, ели — земля. Земля голубых гор — так коренные жители, крымские татары, называли эти благословенные места.

И вот после горного “серпантина” подъезжаем к Коктебелю. Конечно, он совсем не такой, каким остался на фотографиях и каким я его себе представляла. Дом Волошина, естественно, стоит вовсе не на пустынном пространстве, как в начале 20-го века — вокруг новые постройки, ларьки, бойкая торговля сувенирами, набережная благоустроена, асфальтирована... Всё это закономерные изменения. Но одна из невосполнимых потерь — это то, что прибрежную полосу в целях укрепления несколько лет назад засыпали щебёнкой, и исчез тот волшебный коктебельский пляж, на который море выбрасывало полудрагоценные разноцветные камешки, где сёстры Цветаевы собирали агаты, сердолики, халцедоны. “У Марины — уж целая шкатулочка!” — вспоминала те камешки Анастасия Ивановна.

И всё же — встреча с Коктебелем была больше радостной, чем грустной. А главная радость заключалась в том, что после многолетних реставрационных работ 12 июня 2007 года открывался для посетителей Дом Волошина, и мы, участники Герцыковской конференции, Волошинских чтений, международной конференции библиотекарей “Крым-2007” стали очевидцами этого знаменательного события. Открытие Дома поэта состоялось в рамках празднования 130-летия со дня его рождения (М. А. Волошин родился 28 мая 1877 года) — ещё одна круглая дата 2007 года!

На праздник собралось много гостей, выступали представители Верховной Рады Автономной Республики Крым Украины, главы городов, директора музеев, народные артисты и юные таланты. Консул России в Крыму огласил приветствие министра иностранных дел России Сергея Лаврова: “Этот дом видел в своих стенах весь Серебряный век...”. Символический чек на 50 тысяч долларов (деньги реальные) вручил музейщикам представитель Внешторгбанка. Словом, был настоящий праздник, с многочисленными поздравлениями и торжественным разрезанием ленточки, и вот мы в Доме, который помнит “весь Серебряный век”. Уникальный дом, ещё при жизни Максимилиана Волошина ставший музеем, превратился сейчас в культурный центр,

хранящий память не только о Волошине, но и о нескольких поколениях художников и поэтов, деятелей культуры и науки. Сегодня основу бесценной коллекции Дома-музея (более 55 тысяч экспонатов, среди которых немало истинных раритетов) составляют архив и те предметы, которые уже почти сто лет никогда не покидали этот дом и размещены там, где их расположил сам М. А. Волошин, что в мировой музейной практике — исключительный случай. Посчастливилось мне в числе первых посетителей отреставрированного дома увидеть и кабинет Волошина, хорошо знакомый по описаниям А. И. Цветаевой, и его огромную библиотеку, и картины, и голову царицы Таиах, потрогать перила, которых касались столько дорогих рук, постоять на самой высокой “палубе” этого удивительного дома, откуда хорошо виден природный феномен — профиль М. Волошина на горе Карадаг. Первым это заметил сам Волошин. Изваянный природой на склоне вулкана юрского периода, профиль поэта обрамляет коктебельскую бухту справа. А слева, на самой вершине горы Кучук-Янышар, находится могила Максимилиана Волошина. Перед смертью, в 1932 году, он сам указал это место и просил не сажать вокруг его могилы цветов и деревьев, чтобы ничем не нарушать первозданной красоты здешних мест. Каждый, кто идёт поклониться праху поэта, берёт с собой выброшенный на берег небольшой коктебельский камешек...

С лета 1911 года и до самой революции Марина Цветаева много раз приезжала в Коктебель, почти каждую весну или лето проводила в нём один-два месяца, а зиму 1913-1914 года прожила с семьёй в Феодосии, т. к. Сергей экстерном заканчивал феодосийскую гимназию.

В Феодосии на доме № 13 по улице В. Коробкова висит памятная доска: “В этом доме в 1913-1914 гг. жила писательница Анастасия Цветаева, бывали Марина Цветаева и Максимилиан Волошин”. Скоро здесь будет открыт музей Цветаевых, сейчас идёт работа над экспозицией. Сотрудники музея были благодарны мне за материалы о павлодарском периоде жизни Анастасии Ивановны, эти годы в её биографии были малоизвестны.

Время перед первой мировой войной, когда сёстры Цветаевы вместе с детьми жили в Феодосии, можно назвать началом поэтического триумфа Марины Цветаевой. Вдвоём с Асей они читали на поэтических вечерах Маринины стихи, читали в унисон, их голоса удивительно сливались и производили неповторимое впечатление на слушателей. М. Цветаева написала здесь многие стихи, ставшие теперь классикой: “Генералам 12-го года” (Феодосия, 26 декабря 1913 г.), “Над Феодосией угас / Навеки этот день весенний...”.

Но если Коктебель Цветаевых — это счастье, любовь, волшебство первых встреч, то Феодосия, Старый Крым и Судак для Анастасии Ивановны Цветаевой оставались в памяти тяжёлыми лишениями гражданской войны. 1917 год стал для Анастасии Цветаевой годом потерь. В Москве умер второй муж — Маврикий Минц, умер годовалый ребёнок. Осенью в Феодосию приезжает Марина — поддержать сестру в её горе.

Марина Ивановна пишет мужу из Феодосии 19 октября 1917 года: “... Здесь очень ветрено, у Аси ужасная квартира, сплошной сквозняк. ...Крупы здесь совсем нет, привезу что даст Ася. ... Муки тоже нет, вообще — не лучше, чем в Москве. Цены гораздо выше. Только очередей таких нет”.

Но скоро, очень скоро начнутся и очереди, и нехватка продуктов и воды... Крым времён гражданской войны, “первых лет красного террора”, описанный Иваном Шмелёвым в “Солнце мёртвых”, видела и Анастасия Цветаева. Некогда благодатный край голодал. Люди убивали друг друга за кусок хлеба...

*А была я когда-то цветами увенчана
И слагали мне стансы — поэты.
Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина...
Я сама позабыла про это!*

Марина писала это в октябре 1919 про свою жизнь в голодной и холодной Москве. Получилось, что и о сестре тоже...

К Герцыковским чтениям в Судак я подготовила доклад “Крым Анастасии Цветаевой”. Эта поездка подарила много замечательных встреч: знакомство с внучкой Аделаиды Герцык Татьяной Никитичной Жуковской, она работает старшим научным сотрудником Дома-музея М. Цветаевой в Москве; с доктором филологических наук, профессором Российского университета Дружбы народов, писателем Сергеем Пинаевым — автором книги о Волошине в серии “ЖЗЛ” и многими другими интересными людьми.

В год 115-летия Марины Цветаевой многие доклады пятых Герцыковских чтений посвящались её творчеству.

А ещё Крым подарил встречу с Еленой Фроловой (театр музыки и песни Елены Камбуровой, Москва) — автором и исполнителем многих песен на стихи Марины Цветаевой, поэтов Серебряного века, на стихи Варлама Шаламова и свои собственные. Удивительный композитор, бард, исполнитель, чем-то даже внешне похожая на Марину... Она спела несколько песен на нашем камерном поэтическом вечере в Доме Герцыков, а на следующий день был концерт в большом зале туристического комплекса “Судак”. Творческий вечер назывался “Птица вербная” (песни на стихи М. Цветаевой, С. Парнок, О. Мандельштама, А. Герцык). Строчкой из её песни на стихи Леонида Губанова я первоначально назвала этот крымский материал — “Была б жива Цветаева...”.

*Была б жива Цветаева,
Пошёл бы в ноги кланяться.
Пуškai она седая бы
И в самом ветхом платье...*

Эта строка вспоминалась мне не раз — и в Тарусе, и в Коктебеле, и в Болшеве, и в Елабуге: “Была б жива Цветаева...”. Посмотрела бы, как её помнят, как чтут её память, изучают её творчество, как съезжаются со всего мира на встречи, посвящённые ей. Я думаю, она всё же знала, что ТАК — будет.

Уже в Москве, 2 октября, накануне дня рождения Марины Цветаевой, в большом концертном зале Союза театральных деятелей на Страстном бульваре в Москве прошёл творческий вечер Елены Фроловой. Зал был полон... Она пела новые песни на стихи М. Цветаевой, посвящение ей Леонида Губанова. Концерт Елена назвала по первой строке его стихотворения — “Была б жива Цветаева...”.

Марина Ивановна писала: “...чтобы вещь продлилась, надо, чтобы она стала песней”. Елена Фролова не просто “продлевает” каждое стихотворение Цветаевой, с помощью своей музыки и своего голоса она показывает зрителям его новые грани, раскрывает глубинный смысл — и стихи Цветаевой начинают новую жизнь — в сердцах всё новых и новых слушателей — в 21-м веке.

Болшево. Аресты дочери и мужа

... Позади 17 лет эмиграции. Марина Ивановна с сыном Муром вернулась в Москву из Франции (на пароходе до Ленинграда) 19 июня 1939 года. В тот же день они приехали в посёлок Болшево, около тридцати километров от Москвы, где на даче НКВД жили её муж и дочь — Сергей и Ариадна Эфрон.

Конечно, не раз читала я об этом доме, знала, что в нём были арестованы и дочь, и муж Цветаевой. Но, увидеть его — и реально представить, как это было, совсем другое. В ночь на 27 августа на улицу Новый Быт, к дому 4/33 подъехала машина. Обыск, арест, утром Ариадну увели. "... Всех знобит. Первый холод. Проснувшийся Мур оделся и молчит. Наконец, слово: Вы — арестованы. Приношу кое-что из своего (тёплого). Аля уходит, не прощаясь! Я: — Что ж ты, Аля, так, ни с кем не простившись? Она, в слезах, через плечо, отмахиваясь..." — вспоминала через год Марина Ивановна. Больше они не увидятся.

10 октября был арестован Сергей Яковлевич. В письме к П. А. Павленко 27 августа 1940 года М.И. Цветаева писала: "... 18-го июня 1939 г., год с лишним назад, я вернулась в Советский Союз, с 14-летним сыном, и поселилась в Болшеве, в посёлке Новый Быт, на даче, в той её половине, где жила моя семья, приехавшая на 2 года раньше. 27-го августа (нынче годовщина) была на этой даче арестована моя дочь, а 10-го октября — и муж. Мы с сыном остались совершенно одни, доживали, топили хворостом, который собирали в саду. Я обратилась к Фадееву за помощью. Он сказал, что у него нет ни метра. На даче стало всячески нестерпимо, мы просто замерзали, и 10-го ноября, заперев дачу на ключ (NB! у нас нашей жилплощади никто не отнимал, и я была там прописана вместе с сыном на площади мужа) — итак, заперев дверь на ключ, мы с сыном уехали в Москву к родственнице, где месяц ночевали в передней без окна на сундуках, а днём бродили, потому что наша родственница давала уроки дикции и мы ей мешали..."

Заканчивалось письмо криком души: "...Меня жизнь за этот год — добила. Исхода **не** вижу. Взываю к помощи. **Марина Цветаева**".

Поклонились мы этому дому, видевшему столько страданий. Постояли у огромных сосен, под ними ходила Марина Ивановна...

В 1992 году на этой "даче в Болшеве" (сейчас это город Королёв) создан музей Марины Цветаевой, директор музея — замечательный энтузиаст Зоя Николаевна Атрохина. Болшевскому тоже 15 — как всем Цветаевским музеям России. Поэтому на конференции, проходившей в Королёвском институте управления, экономики и социологии, были не только доклады, но и поздравления, и дарения.

Международная научная конференция проходила в Болшеве 15-16 сентября уже в 19-й раз. В этом году она называлась "Семья Цветаевых в творчестве, именах и фактах". Свои доклады и сообщения подготовили цветаеведы из России, США, Израиля, Испании, Украины. Моё сообщение называлось "Марина Цветаева в казахстанской литературе и периодике 21-го века".

Если конец 20-го века был временем открытия и второго рождения поэзии Марины Цветаевой, то начало нового тысячелетия можно назвать началом осмысления величины и значимости её таланта. Открыты архивы, опубликованы все произведения поэта, многочисленные воспоминания и исследования творчества М. Цветаевой. Кажется, что в этом плане открытий уже не будет. Но и в этом случае справедлива строка — "Большое видится на расстоянии". Может быть, лишь сейчас, в 21-м веке, всё больше отдаляясь от человеческой, земной судьбы поэта, читатель в полной мере увидит его неповторимость и масштаб.

В современном Казахстане, где русский язык назван языком межнационального общения, а русская литература по-прежнему преподаётся в школах и университетах, творчество Марины Цветаевой привлекает интерес не только старшего поколения, но и учащейся молодёжи. Каждое поколение открывает её поэзию заново. Стоит увидеть тех девушек и юношей (причём разных национальностей), которые приходят на Цветаевские костры в Павлодаре, читают стихотворения Марины Цветаевой и свои стихи, посвящённые ей, понимаешь: её поэзия, как и в двадцатом веке, зажигает сердца молодых огнём искренности и любви.

Из произведений казахстанских авторов, посвящённых Марине Ивановне Цветаевой, я бы назвала в первую очередь поэму Ларисы Щербаковой “809 дней”. Это последние дни жизни поэта: 12 июня 1939 года М. Цветаева выехала в Россию, 31 августа 1941 года оборвала свою жизнь. “Мир раскололся. А трещина прошла через сердце поэта”, — эти слова Гёте взяла Л. Щербакова эпиграфом к своей поэме. Автор пытается осмыслить поступки и внутреннюю логику вернувшейся в Россию, к своей гибели Марины Цветаевой. Поэма состоит из трёх частей: “На родину!”, “На родине”, “Суд и судьба”.

“Скорей туда — на родину, В край, где души росток Впервые слово пробовал. За словом — на восток!” — так объясняет автор принятие Цветаевой этого непростого для неё решения. Ужас, смятение, непонимание того, что же происходит в дорогой для неё России, передаётся во второй части поэмы: “Здесь — аресты и доносы, Тюрьмы... В чём виновны? Кто доносит? Кто — допросит? Веки — неподъёмны...”. Автор не называет конкретных географических адресов этих 809 дней, неважно, где находится физическая субстанция поэта: в Болшеве, Москве, Чистополе или Елабуге... На её глазах рушится мир, и надежды на спасение, особенно при известии о войне с Германией, Цветаева не видит... Её любимая Германия напала на её любимую Россию. Мир сошёл с ума: “Ты, Германия победная, Где твой Шуман, Вагнер, Бах? Где сыны твои наследные? По Европе бродит — страх... страх... страх...”. В третьей части поэмы — размышления об уходе, его неизбежности и осознанности. Душа и тело, почему им “не пожилось” вместе? “Куда ж ты, душа, глядела, Что ж не хранила тело, Что ж не оберегала, Когда оно изнемогало?”...

В поэме Л. Щербаковой “809 дней” больше вопросов, чем ответов. И на эти вопросы вряд ли уже кто ответит, но главное, что они задаются, что они мучают наших современников, поэтов 21-го века.

“У поэтов немного обетов, А у русских, особо, — в крови — Круговая порука поэтов, Круговая порука любви”, — пишет в своей поэме о Марине Цветаевой Лариса Щербакова. Эту “круговую поруку поэтов” демонстрируют и другие современные литераторы Казахстана, размышляющие о судьбе и творчестве Марины Цветаевой.

Два стихотворения посвятил памяти Марины Цветаевой один из самых известных русских казахстанских поэтов, бывший редактор журнала “Простор” Валерий Михайлов (“Простор”, сентябрь-октябрь 2006 г.). В его творчестве много христианских мотивов, и два этих стихотворения — не исключение. “Простил ли Господь её бедную жаркую душу?” — вот основной вопрос, мучающий нашего современника.

*Над Камою серой туман одинокий клубится,
И каплями крови из мглы проступает калина...
Любовь беспредельна — и только любовью творится,
И в жертву Господь отдаёт нам любимого Сына.*

Жизнь и смерть Марины Цветаевой — как жертва, как искупление наших грехов, нашего бесчувствия и равнодушия... Осознанно приняла она свою мучительную гибель. Не для того ли, чтобы искупить ею и продажность преуспевающих советских литераторов, и вынужденную немоту совестливых коллег по перу, истеричные крики оторванных от родины писателей и тупое молчание и безнадёжность жизни увиденных ею “строителей коммунизма”? Не для того ли, чтобы, “смертию смерть поправ”, возродиться в своих стихах в новом тысячелетии? Об этом думаешь, читая строки Валерия Михайлова.

Отдельно можно отметить стихотворения, посвящённые проводимому в Павлодаре с 2005 года Цветаевскому костру. Эти поэтические вечера у дома, где в 50-е годы прошлого столетия жила младшая сестра поэта — Анастасия Цветаева послужили всплеском “поэтической активности” и интереса к творчеству Марины Цветаевой.

*На пристани степного Павлодара,
У домика, где обитали музы,
Костёр Марины, благостным пожаром,
Был разожжён искрою из Тарусы, —*

эти строки поэтесса из города Экибастуза Валентина Кузьмина посвятила первому павлодарскому Цветаевскому костру. Откликнулась она и на второй:

*По ком-то зажигают свечи,
А им — костры!
Поэзию умножит вечность
На две сестры...*

Есть у Валентины Кузьминой и другие стихи, посвящённые Марине Цветаевой, которые войдут в готовящийся к печати первый поэтический сборник автора.

“Гори, Цветаевский костёр!” — так назвал своё стихотворение известный казахстанский поэт, член Союза писателей СССР (а сейчас Казахстана) Виктор Семерьянов:

*Наш костёр — не просто пламя,
Что зажгли мы в октябре.
Наше пламя — это память,
Наша память о тебе...*

Появились в Казахстане и новые переводы стихотворений Марины Цветаевой на казахский язык. В 2002 году в столице республики Астане, в издательстве “Аударма” вышел сборник стихов М. Цветаевой (176 страниц) на казахском языке, перевела их поэтесса Г. Салыкбаева. В её же переводе в 2003 году в республиканской газете “Казах адабиети” была опубликована большая подборка (13 стихотворений) Марины Цветаевой.

Многочисленные публикации о Марине Цветаевой, появлявшиеся в казахстанской периодической печати с 2000 года, можно разделить на две группы: перепечатки из различных российских изданий и оригинальные исследования, которых, конечно, значительно меньше. Причём не стоит пренебрежительно относиться к перепечаткам, пусть это явления вторичные, но они тоже знакомили читателей Казахстана с жизнью и творчеством М. Цветаевой. В этом плане свою лепту внёс в цветаеведение республиканский журнал “Русский язык и литература в казахской школе” (Алматы, тираж 6 тыс. экз.). Здесь была напечатана статья Г. Петковой, преподавателя Софийского университета, кандидата филологических наук “М. Цветаева и символизм. К проблеме партитурности литературного текста”

(№ 1, 2001). Статья глубокая и интересная, не знаю, насколько пригодились она преподавателям русского языка в казахской школе, но цветаеведов, несомненно, заинтересовала. Речь в ней идёт о моделировании собственного поведения поэта по программе своих литературных героинь. К примеру, у Цветаевой была не просто дочь Аля. Была и вымышленная героиня “Аля”, которая играла роль двойника, “второй тени” матери. И любовные романы Цветаевой, отмечает исследовательница, строились как романы литературные, как тексты. Происходило преодоление жизни и преобразование её по законам литературности, взаимозаменяемость творчества и биографии. Цветаева не просто автор, пишет Г. Петкова, но и исполнитель своего творчества.

Вторая публикация в этом же журнале была посвящена 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой (№ 5, 2002). Это подборка материалов под названием “Нежную руку кладу на меч, на лебединую шею Лиры” в рубрике “Литературный календарь”. Сюда вошли: отрывок из “Воспоминаний” Анастасии Цветаевой под заголовком “Начинающаяся известность”, статьи И. Эренбурга — “Дорогой страданий, одиночества, отверженности” и Э. Миндлина — “Стихи, как всякое благородство, обязывают” (в заголовок вынесены слова М. Цветаевой, написанные ею на книге, подаренной Миндлину).

Ещё о нескольких статьях о Марине Цветаевой в казахстанской периодике. “Знаю, всё, что было, всё, что будет...” — перепечатка материала Александра Щуплова и Татьяны Бек, куда вошло и интервью с Марией Белкиной (“Новая газета”, 4 сентября 2003 года, Павлодар, тираж 10 тыс. экз.).

Показательна для современной прессы публикация в республиканской независимой газете “Туран” (27 января 2006 года, Атырау, тираж 21 тыс. экз.). Это краткий пересказ биографии Марины Цветаевой, естественно, с перечислением фактов и сведений (порой спорных), которые могут привлечь читателя-обывателя. Об этом можно судить по подзаголовкам: “Икона полководца”, “Разная любовь”, “Маленькая смерть”, “Совестно, что жива”, “Смерть посудомойки”. Материал занимает целую газетную полосу и называется “Петля на прошлом. О таинственной смерти великой поэтессы написано много...” (без автора). Вызывает недоумение коллаж, сделанный по визуальному, но отнюдь не по смысловому принципу: слева — Богоматерь с младенцем, справа — известная фотография Цветаевой с кудрявым Муром на коленях.

По-разному можно относиться к таким публикациям, кто-то считает подобное спекуляцией на имени поэта. Но вдруг, прочитав подобную “Женскую историю” (под такой рубрикой дан материал), читатель газеты заинтересуется вначале судьбой, а потом и поэзией величайшего поэта 20-го века?

Из оригинальных статей, опубликованных в последнее время в республиканском литературном журнале “Простор”, можно отметить исследование Генриха Горчакова “Неизвестная Цветаева” (№ 8, 2003 г.). С конца 80-х годов минувшего столетия его публикации о творчестве М. Цветаевой часто появляются в российских и зарубежных изданиях, в 1993 году в Америке вышла книга Г. Горчакова “О Марине Цветаевой. Глазами современника”. В опубликованной в “Просторе” статье он размышляет о М. Цветаевой как о “единственном поэте, у которого есть дети”, о поэзии Цветаевой, которая, по словам автора, “пронизана судьбой её детей”.

“Можно назвать примерно пятьдесят стихотворений, — говорится в статье, — в которых Цветаева прямо говорит о своих детях. Связь с ними прослеживается и в прозаических её произведениях. Если же говорить о

теме материнства вообще, то она у Марины Цветаевой необъятна... В семнадцатилетнем возрасте она написала стихи “В Люксембургском саду”, помещённые в “Вечернем альбоме”: “... Но знаю, что только в плену колыбели Обычное — женское — счастье моё!”.

Думается, несправедливо считать, — продолжает автор, — что в семью Марина Цветаева уходила, как уходят в монастырь — от мира, что заботу о детях она несла как тяжёлую епитимью. Она была вполне нормальной матерью, то есть как раз ненормальной матерью, слишком матерью”.

Ещё одна заметная публикация в “Просторе”: “Лучший стих” Марины Цветаевой” (№ 3, 2006 г.). Её автор Вера Астахова живёт на Украине, в Запорожье, а раньше жила в Казахстане, в городе Актау (бывший Шевченко), где, по её словам, и началась её любовь к поэзии Марины Цветаевой. Статья В. Астаховой состоит из 13 небольших главок, в первой из которых автор рассказывает о своём пути к Цветаевской теме. Сейчас у В. Астаховой даже небольшой “домашний музей Марины Цветаевой”: книги поэта и о ней, Цветаевском окружении, статьи из различных изданий, фотографии, значки, пластинки и т. д. Одними из самых ценных экспонатов этого музея являются два письма и открытка Ариадны Сергеевны Эфрон. Адресованы они Евгении Владимировне Савинич (1910—2004). Основная часть статьи Веры Астаховой и посвящена рассказу о семье Савинич-Макаренко. Инженер по профессии (и литературовед по призванию) Е. В. Савинич переписывалась и встречалась с А. С. Эфрон, общалась с А. А. Саакянц. Письма А. Эфрон к Е. Савинич были опубликованы А. Саакянц в 1995 году в парижской газете “Русская мысль” в большой подборке писем дочери Марины Цветаевой (в сокращённом варианте). Полные тексты этих писем и первомайской открытки публикует “Простор”, автор приводит и воспоминания Е. Савинич о телефонных разговорах с А. Эфрон и двух встречах с ней (в Москве и Тарусе).

Сын Е. Савинич Владимир Макаренко тоже занимался исследованием жизни и творчества М. Цветаевой. Его исследование о дне рождения поэта — “День был субботний — Иоанн Богослов”, с которым он выступал на конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения М. Цветаевой в г. Дрогобыче, также представлено в этой публикации.

Для полноты обзора публикаций о М. И. Цветаевой и её семье в литературе и периодике Казахстана в начале 21-го века я привела список и своих работ:

“Дочери царя. Сцены из жизни Марины и Анастасии Цветаевых”. Книга очерков “Золотой песок бытия”, Павлодар, ЭКО, 2006.

“Цветаевский теплоход”. О. Григорьева, журнал “Нива”, Астана, 2007, № 4.

Поэтические циклы “Колокольчик из Тарусы”, “В Елабуге”. В книге стихов “Из семи тетрадей”, Павлодар, Дом печати, 2007, много газетных публикаций.

(А также об авторе: “Тепло Цветаевского костра. На сцене Павлодарского драмтеатра прошёл спектакль “Марина Цветаева” по пьесе О. Григорьевой”. Сергей Горов, “Казахстанская правда”, 2006, 7 октября.

“Поверх барьеров”. О книге О. Григорьевой “Золотой песок бытия”. Борис Лукин. “Литературная газета”, 2007, № 31 (1-7 августа), стр. 8.

На конференции выступали известные учёные, исследователи творчества М. И. Цветаевой — Л. А. Мнухин, Л. Л. Кертман, Сельма Ансира, Н. О. Осипова, И. М. Невзорова и многие другие. Кстати, исследовательская

работа Ирины Невзоровой тесно связана с Казахстаном. На предыдущих Цветаевских чтениях в Болшеве она выступила с докладом “Поэт и поэтесса”: Марина Цветаева и Ирина Кнорринг”. Она выражает огромную благодарность поэту из Алматы Надежде Черновой, хранительнице архива Софиевых-Кноррингов, за возможность ознакомить читателей с дневниками Ирины Кнорринг (см. сборник материалов 17 и 18 Цветаевских чтений в Болшеве “Марина Цветаева: время и место”, г. Королёв, 2007).

Интереснейший доклад “М. Цветаева и Герцен” прочла народная артистка России Антонина Кузнецова. О роли Анастасии Цветаевой в русской культуре говорила Доброслава Анатольевна Донская, долгие годы дружившая с Анастасией Ивановной, автор книги “Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету”. Л. М. Шейн представила новые книги и материалы о семье Цветаевых.

... Когда Марина Ивановна вернулась в Союз, сестра уже два года была в лагере. Аресты родных сжимались петлёй на горле поэта. Мужа она тоже больше не увидит. Сергей Эфрон переживёт Марину всего на 45 дней. Он будет расстрелян 16 октября 1941 года.

Совсем недавно было установлено место его захоронения — территория бывшего “спецобъекта НКВД” Коммунарка, на 24-м километре Калужского шоссе (“по старой по дороге по калужской...”). 22 сентября здесь состоялось событие, на которое поехала и я вместе с другими цветаеведами.

Недалеко от станции метро “Тёплый стан” есть поворот от Калужского шоссе направо. Здесь, в густом подмосковном лесу, находилась дача Г. Ягоды (которого впоследствии самого репрессировали), а в 1937-1941 годах на этой огороженной высоким забором территории хоронили расстрелянных в Москве “врагов народа”. Недалеко был совхоз “Коммунарка”, и это страшное место тоже стали называть “Коммунаркой”. По данным ФСБ, здесь лежат от 10 до 14 тысяч невинно убиенных. Пока установлены имена 4,5 тысяч человек. Дата первого захоронения — 2 сентября 1937 года, последнего — 16 октября 1941 года, когда шли бои с фашистами на самых подступах к Москве. В этот день был расстрелян С. Эфрон.

С 40-х годов и до конца 90-х территория спецобъекта “Коммунарка” строго охранялась. Мало кто знал, что находится за этой колючей проволокой. 1989 год стал годом массовой реабилитации жертв сталинских репрессий. Стали печатать списки расстрелянных, издаваться Книги памяти, были названы спецзоны, где происходили массовые расстрелы и захоронения. В 1993 году печально известный Бутовский полигон под Москвой, а в 1999 году и бывшая дача Ягоды были переданы Русской православной церкви. “Коммунарка” стала подворьем Свято-Екатерининского мужского монастыря. Патриарх Московский и всея Руси Алексий выразил тогда надежду, что бывшие спецобъекты НКВД станут местом постоянной молитвы и покаяния. И вот 22 сентября 2007 года в “Коммунарке” состоялось торжественное открытие Храма святых Новомучеников и Исповедников российских. Удивительной красоты храм воздвигнут был за шесть лет (фундамент его заложили летом 2001 года).

Вместе с Мунирой Уразовой, сотрудницей Фонда А. Солженицына, которая уже бывала здесь, мы пошли по территории “Коммунарки”, вдоль забора. Огромные деревья обрамляют аллею. В глубине территории — прощелы, поляны, там, видимо, и хоронили. Не хоронили — просто сваливали в канавы трупы “врагов народа”, расстрелянных в тюрьмах, а потом

землю заравнивали. Волосы встают дыбом — сколько людей покоятся в этой земле, и сколько родных ещё не знают, что их мужья, жёны, матери, отцы лежат здесь... На одной из скамеек в аллее сидела пожилая пара, наверное, дети репрессированных (их привезли сюда на нескольких автобусах). Мужчина и женщина держали в руках пластмассовые стаканчики. Женщина сказала: “Земля им пухом”.

Только молиться можно здесь, только молиться. “Упокой, Господи, душу раба Твоего Сергея...”.

Город памяти — Елабуга

В том же 40-м году, каким отмечено письмо к Павленко, Марина Ивановна написала: “Я год примеряю — смерть... я не хочу **умереть**, я хочу **не быть**...”. А ещё в январе 1926-го года, на смерть Есенина:

*... Жить (конечно, не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть
Потолочные крюки.*

8 августа Марина Цветаева уехала с сыном из Москвы в эвакуацию. 31 августа свела счёты с жизнью в маленьком старинном городке на Каме — Елабуге.

Сейчас в Елабуге открыт литературный музей и Дом памяти М. Цветаевой, впервые в России был поставлен памятник поэту, открыт мемориальный комплекс. Тысячи людей каждый год приезжают сюда, чтобы поклониться её памяти. На кладбище, недалеко от входа, стоит каменное надгробие. Где на самом деле лежит Марина, никто не знает.. Предполагаемая могила заросла кладбищенской земляникой, о которой она написала стихотворение в Коктебеле ещё в 1913 году... Да, она обо всём написала заранее, всё объяснила.

“Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят, и длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни...” (о смерти Маяковского в статье “Поэт и время”). А в письме к Ахматовой: “Думаю: смерти никто не понимает. Когда человек говорит: смерть, он думает: жизнь... Смерть — это когда меня **нет**. Я же не могу почувствовать, что меня нет.. Кроме того — разве моё тело — я? Разве **оно** слушает музыку, пишет стихи и т. д.? Тело умеет только служить, слушаться. Тело — платье. Какое мне дело, если у меня его украли?..”. Действительно, **Марины Цветаевой** нет на Елабужском кладбище. Она — в своих стихах.

... В августе 2007 года Елабуга праздновала своё 1000-летие. Несколько дней продолжался грандиозный праздник, город преобразился, были открыты новые музеи (к уже существующим — М. Цветаевой, И. Шишкина, Н. Дуровой). Съехались гости со всего мира — мэры городов, деятели политики, науки, культуры. Приехали потомки кавалерист-девицы Надежды Дуровой из Франции и художника Ивана Шишкина из Москвы, директора Цветаевских музеев, цветаеведы из Германии, Франции, Испании. Мы с директором павлодарского Дома-музея Н. Г. Шафера Татьяной Корешковой были счастливы, что попали на этот праздник!

“Была б жива Цветаева...”. Конечно, не узнала бы она в этом удивительно красивом, светлом городе, с международным размахом празднующим своё 1000-летие, тот маленький, испуганный, мрачный городишко августа 1941-го года...

Главное праздничное событие с участием Президента Татарстана М. Шаймиева происходило 25 августа на елабужском “майдане”, так горожане называют свой стадион. Ведущим цветаоведам России были вручены первые литературные премии имени Марины Цветаевой, учреждённые в Татарстане. М. Шаймиев преподнёс памятные медали с портретом М. Цветаевой и премии Льву Абрамовичу Мнухину, Елене Баурджановне Коркиной (Москва) и Вячеславу Михайловичу Головки (Ставрополь).

А на следующий день в библиотеке Серебряного века состоялась презентация книги В. Головки “Через Летейски воды...”. Вели её директор московского культурного центра “Дом-музей М. Цветаевой” Эсфирь Семёновна Красовская, директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Гульзада Ракиповна Руденко, выступал мэр Елабуги Ильшат Гафуров. Собственно, это те люди (плюс руководство Ставропольского государственного университета), благодаря которым и вышла в свет книга. В этом прекрасно выполненном издании, с большим количеством иллюстраций, впервые опубликованы материалы и документы из частного собрания доктора филологических наук, профессора, члена Союза российских писателей Вячеслава Головки. Он работал в конце 60-х — начале 70-х годов в Елабужском пединституте, собрал уникальные материалы — свидетельства непосредственных очевидцев елабужской трагедии, воспоминания, письма близких поэта. Подзаголовок книги так и определяет её содержание: Марина Цветаева в воспоминаниях, письмах и документах.

“Когда наше поколение открыло для себя Марину Цветаеву, изменилась картина мира”, — сказал на презентации Вячеслав Головка.

Для павлодарцев, которые с трепетом относятся ко всему, что касается Анастасии Ивановны Цветаевой, очень дороги страницы книги, посвящённые ей, копии её писем автору, упоминания нашего города. На фотографиях конвертов — обратный адрес Анастасии Ивановны: Павлодар областной, ул. 25 октября, 131 (там до 1974 года жил сын А. Б. Трухачёв с семьёй).

В поезде Москва — Павлодар 29 августа 1969 года А. И. Цветаева писала В. М. Головки: “В 60 г. не удалось найти могилу. Знаю только, что в правой части кладбища, у стены. Но безвестных могил 41 года много. Думаю, — одна из них, где листья земляники (поэт всегда пророк: стихи Марины: “Сорви себе стебель дикий И ягоду ему вслед. Кладбищенской земляники Крупнее и слаще — нет!”).

... Положили мы цветы и к памяtnому камню Марины, и к одной из предполагаемых её могил, действительно густо поросшей дикой лесной земляникой. От ворот Петропавловского кладбища видна вся Елабуга. На высоком месте покоится Марина... Об этом тоже написала она в стихах, посвящённых Волошину:

Ветхозаветная тишина,
Сирой полныи крестик.
Похоронили поэта на
Самом высоком месте.
Так, даже в смерти своей — подъём
Он даровал несущим.
Стало быть, именно на своём
Месте, ему присущем.

Павлодар — Крым — Елабуга — Москва — Таруса — Болшево — Павлодар.

Райс ТУЛЕБАЕВ

Очарование скрипкой

Моё увлечение музыкой началось с детства, благодаря маме. Уже с самого раннего возраста она стала прививать мне любовь к музыке и пению. В детские годы я часто слушал в исполнении мамы народные песни. С особой остротой воспринимались мною её нежные колыбельные напевы перед сном, когда она укладывала меня в кроватку и тихим приятным голосом услаждала мой слух красивыми мелодиями.

Во время моих болезней и недомоганий мама напевала мне с особой задушевностью, и мне хотелось поскорее поправиться. Поэтому, проснувшись утром, я вспоминал её встревоженные глаза и бодро заявлял маме, что уже совсем здоров, и просился на улицу.

Музыкальные мелодии запали в мою душу не только от маминого прекрасного голоса, но и от её замечательной игры на мандолине.

Однако из-за постоянных забот по хозяйству в доме и на работе в школе мама, к сожалению, редко брала в руки этот инструмент.

**Райс
Кажкенович
ТУЛЕБАЕВ**

— доктор медицинских наук, профессор, действительный член Национальной академии РК, заслуженный деятель РК, единственный из медиков в Казахстане почётный профессор Кембриджского университета (Великобритания).

логии, работал начальником отдела науки Казминздрава, главным специалистом управления, заведующим медико-биологическим отделом ВАК Республики Казахстан, ректором Южно-Казахстанской государственной медицинской академии и ректором Акмолинской государственной медицинской академии.

Родился в 1941 г. в Восточно-Казахстанской области, окончил Семипалатинский медицинский институт, трудовую деятельность начал районным оториноларингологом в Жамбылской области.

Окончил очную аспирантуру на кафедре ЛОР-болезней Алма-тинского мединститута. Защитил кандидатскую диссертацию в Алматы и докторскую диссертацию в Ленинграде. Прошёл путь от младшего научного сотрудника до руководителя филиала НИИ краевой пато-

В настоящее время заведует кафедрой ЛОР-болезней Казахской государственной медицинской академии в Астане.

Автор более трёхсот научных работ, семи монографий, двух учебников на государственном языке, имеет десятки авторских свидетельств и патентов на изобретения, подготовил более 40 кандидатов и докторов медицинских наук.

В последние годы регулярно публикуется в “Ниве”.

Такое приятное событие происходило, когда мы оставались одни, и мама с удовольствием импровизировала на мандолине и наигрывала свои любимые мелодии. Она стеснялась играть в присутствии мужа, и отец редко просил маму сыграть на её любимом инструменте. Поэтому наша мандолина, покрытая пылью, всегда лежала на самой верхней полке старого шифоньера.

Когда я уже учился в старших классах и наша семья стала материально жить более или менее обеспеченно, по моей просьбе мне купили дорогую по тем временам двухрядную гармонию Тульского завода. Тульские гармони всегда славилась высоким качеством звучания. Я быстро выучился играть на гармонии и через год уже на слух подбираю и играл многие вальсы и мелодии популярных песен наших дней.

За год до окончания средней школы мне купили замечательный баян также Тульского завода, с красивыми клавишами. Этот инструмент вот уже более сорока лет я бережно храню дома, и он является для меня музыкальной реликвией и ценной вещью, напоминающей о моей юности и прекрасных студенческих годах.

Обучаясь в медицинском институте, я продолжил занятия музыкой, увлёкся коллекционированием граммофонных пластинок с записями классической музыки и был уже обладателем приличной фонотеки с исполнителями скрипичных концертов.

В моей фонотеке имелись скрипичные произведения и концерты, исполнявшиеся в то время выдающимися советскими скрипачами Давидом Ойстрахом, Леонидом Коганом, Эдуардом Грачем.

Мне приятно напомнить моим землякам, что указанные замечательные мастера скрипичной музыки и целый ряд других известных педагогов внесли также неоценимый вклад в развитие казахской скрипичной школы. Уже в восьмидесятые годы прошлого века большую популярность обрела талантливая скрипачка Гаухар Мырзабекова, получившая наследственное образование в семье, а затем ставшая ученицей знаменитого Давида Ойстраха и блестяще окончившая аспирантуру в классе профессора Олега Крысы.

Её исполнительский и педагогический путь характерен для представителей творческой интеллигенции нашего поколения. Обладая незаурядным талантом и трудолюбием, она великолепно исполняла скрипичные концерты и солировала вместе с такими выдающимися музыкантами, как Святослав Рихтер, Наталья Гутман, Юрий Башмет. Многим поклонникам скрипичной музыки запомнились её выступления на больших сценах Праги и Санкт-Петербурга, Италии, Германии и Турции.

Она проводила мастер-классы и была сопредседателем конкурса скрипачей многих европейских международных конкурсов, состоявшихся во Франции, Германии, Великобритании, Словении, Венгрии, Югославии, Китае, Македонии, Южной Корее.

Гаухар Мырзабекова впервые организовала казахстанский камерный оркестр и до сих пор является его руководителем. Она получила заслуженное признание в стране, став народной артисткой Республики Казахстан, профессором Алматинской консерватории.

В настоящее время лучшие традиции казахских скрипачей продолжает теперь уже ставшая всемирно известной неподражаемая

исполнительница скрипичной музыки, лауреат многих международных конкурсов, народная артистка Республики Казахстан, профессор Айман Мусаходжаева.

Айман — особое явление среди деятелей культуры и искусства мирового сообщества. Природа щедро одарила её красотой, талантом, добротой души, обаянием и многими другими бесценными качествами, которые присущи великому человеку и гениальной личности.

Мне посчастливилось впервые очно познакомиться с Айман во время презентации созданного в новой столице высшего музыкального учебного заведения — Национальной академии музыки, организатором которой стала Айман Мусаходжаева. Это событие произошло осенью 1998 года. Казахская национальная академия музыки разместилась в здании бывшего музыкального училища на проспекте Победы.

По соседству с музыкальной академией располагался административный корпус нашей медицинской академии, где я в то время работал ректором.

Конечно, наши два вуза сблизило не только соседство зданий. Накануне открытия академии я с особым трепетом ждал этого события, подготовил, как требуют правила этикета, приветственный адрес и небольшой скромный презент, так как в те годы экономическое положение нашей республики было ещё тяжёлым.

Я вышел на сцену, вручил Айман цветы и с волнением сказал студентам академии музыки, что у меня музыкальная фамилия Тулебаев. Однако композитор Мукан Тулебаев, к сожалению, не является моим родственником. От Айман тогда я услышал задорный и удивительно ласковый смех, который по-особому покоряет. Обстановка в зале сразу разрядилась. Я поведал будущим маэстро, что между медиками и музыкантами много общего: если мы лечим тело, то музыканты врачуют душу.

На протяжении этих лет наша дружба крепла, я практически не пропускал ни одного концерта с участием Айман. Бережно храню подаренный мне её первый музыкальный альбом — “Крейцерову сонату” Бетховена. Особым событием в моей жизни стало поздравление Айман с моим юбилеем и присвоения мне звания почётного профессора Казахской национальной академии музыки, чему, конечно, я безмерно рад и горжусь этим высоким званием.

Айман является олицетворением великой дочери казахских степей. У неё удивительная и замечательная биография. Родилась она в Алма-Ате, отец Кожабек был агрономом, называл себя “крестьянином”, однако был высокоинтеллигентным человеком, воспитал четверых дочерей, всем дал высшее музыкальное образование. Все сёстры Айман очень одарённые личности. Старшая сестра Рая — скрипачка, Раушан играет на национальном инструменте кобызе, обе являются прекрасными педагогами. Самая младшая сестра Бахыт — композитор и дирижёр.

Айман уже в семь лет поступила в республиканскую специальную школу имени Куляш Байсеитовой, где её первым учителем стала замечательный педагог Нина Михайловна Патрушева. Эту школу тогда называли казахстанской “Гнесинкой”, сравнивая её со знаменитой музыкальной школой имени Гнесиных в Москве.

После окончания музыкальной школы она поступила в Московскую консерваторию имени П. И. Чайковского по классу профессора Валерия Климова.

В консерватории Айман была самой одарённой и лучшей ученицей, даже в те студенческие годы чувство высокого долга и любовь к музыке побудили её к постоянной работе, невзирая на все трудности быта. Эти усилия принесли щедрые плоды, и уже в молодом возрасте, выступая на больших сценах после консерватории, она получила признание. После одного из концертных выступлений к ней подошёл выдающийся композитор XX века Арам Хачатурян и написал на её нотах: «Айман, ты будешь великой скрипачкой!». Пророческие слова Хачатуряна сбылись. Несколько лет тому назад в Париже ей вручили диплом о присвоении почётного звания «Артист Мира» за номером семь среди всех музыкантов планеты. Как известно, шестого по счёту звания «Артист Мира» был удостоен Мстислав Ростропович.

Действительно, музыкальный дар Айман, как говорится, от бога. Когда я слушаю в её исполнении музыку Сарасате, Вивальди и Исаи, у меня сердце замирает. В этот миг я с любовью смотрю на её руки и восхищаюсь великой дочерью нашего народа.

Очарование игрой Айман на скрипке разбредило мою душу, и я погрузился в воспоминания о далёком прошлом, когда в студенческие годы впервые в жизни услышал настоящую игру на скрипке.

Пределом моих мечтаний той поры было услышать в «живом» исполнении знаменитых скрипачей. Однако в наш небольшой тогда провинциальный город Семипалатинск, расположенный вдали от столицы нашей Родины Москвы, редко приезжали известные исполнители классической музыки, и мы с нетерпением ждали гастролей знаменитостей из центра.

Наши мечты наконец сбылись: в городе на многих людных местах появились афиши о предстоящих гастролях известного молодого музыканта из Москвы, лауреата имени Жако Тибо во Франции — советской скрипачки Нины Бейлиной.

Красивая афиша оповещала, что единственный скрипичный концерт Бейлиной состоится во Дворце культуры железнодорожников.

Афишу я увидел за день до начала концерта и сразу же помчался во Дворец железнодорожников в надежде раздобыть билет на любое место. Однако у кассы меня ожидало фиаско: все билеты были давно распроданы, а мои жалобные мольбы о продаже хотя бы входного билета на приставные стулья (в то время это практиковалось) не возымели успеха — кассирша сердито захлопнула окошко кассы перед моим любознательным носом.

Я стал лихорадочно думать, как же раздобыть желанный билет, поскольку надеяться на чудо и купить лишний билет перед началом концерта было не реально, так как в таких ситуациях мне редко везло. После некоторого раздумья я вновь постучался в кассовое окно и, удивившись своему нахальству, заявил, что я родственник начальника областного управления культуры товарища Акзамова (он действительно приходился мне дальней роднёй) и попросил кассиршу выделить билет из резерва. Она пристально и строго посмотрела мне в лицо. Я, не моргнув глазом, сообщил ей домашний адрес и телефон её высокого

начальства. После некоторой паузы она записала мою фамилию и вручила волшебный билет на четвёртый ряд. От радости, забыв поблагодарить кассиршу, я помчался на автобусную остановку, оглядываясь с тревогой, что она передумает и погонится за мной, покинув свой пост.

На следующий день уже с обеда я начал готовиться к посещению вечернего концерта, тщательно выгладил, наведя “стрелки”, брюки, надел белую рубашку, начистил до блеска зимние сапоги. Это был обычный рабочий день. После полудня начался сильный снегопад. Крупные белые хлопья быстро толстым слоем завалили улицы, а по обочинам дорог к вечеру образовались огромные снежные завалы. Учитывая эти капризы погоды, я выехал из дома за два часа до начала концерта, чтобы, не приведи господь, не опоздать к началу столь знаменитого концертного представления.

Мои опасения были не напрасны, так как всего за пятнадцать минут до начала концерта я еле добрался с двумя автобусными пересадками до старого города, где возле железнодорожного вокзала и располагался новый Дворец культуры.

“Живую” игру на скрипке в исполнении известного музыканта мне выпала счастливая возможность услышать впервые. Всё это будоражило, волновало, вызывало бурю чувств в душе в ожидании предстоящего праздника.

По-видимому, большинство зрителей тоже испытывало такое же эмоциональное состояние, так как в зале воцарилась тишина, прерываемая слабыми звуками нервного покашливания любителей музыки.

Прозвучал третий звонок, оповещающий о начале концерта, и вот на сцену вышла молодая и очень красивая женщина, небольшого роста, изящного телосложения, с тонкими чертами лица.

Нина Бейлина была облачена в изысканное платье цвета морской волны. Я увидел её изумрудные голубые глаза с тёмными длинными ресницами и обратил внимание на густые локоны вьющихся чёрных волос. Своим изяществом она была похожа на прелестных восточных красавиц из сказок Шехерезады.

Подойдя ближе к краю сцены, Нина Бейлина тихим и нежным голосом произнесла с короткими паузами название первого произведения: “Иоганн Себастьян Бах — “Чакона”.

Все буквально замерли в ожидании. На какие-то доли секунды в зале установилась благоговейная тишина, и вдруг как по волшебству полилась чарующая музыка. Звуки скрипки переходили порой в удивительное звучание, то похожее на трель соловья, то на чудесное пение других голосистых птиц, то на журчание ручья, несущего прохладу, когда ты пребываешь в тени густого леса, а через кроны деревьев пробиваются яркие лучи солнца, воздух же вокруг напоён неповторимым ароматом трав и цветов.

Я, затаив дыхание, следил за каждым движением смычка и восхищался виртуозными движениями пальцев по струнам при выполнении скрипачкой приёмов “глиссандо” и “пицциккатто”. После каждого исполнения музыкального произведения зал взрывался аплодисментами и возгласами “браво”.

В этот вечер я с упоительным восторгом слушал игру Нины Бейлиной, как зачарованный, смотрел на её красоту и даже воспылал к ней

юношеской любовью, потому что был околдован её игрой на скрипке, передававшей тончайшие нюансы человеческой души. А её манера исполнения также подчёркивала особое и неповторимое звучание скрипки, побудившее меня навсегда полюбить музыку и скрипку.

После этого незабываемого концерта у меня возникло желание побольше узнать об истории скрипки и знаменитых скрипачах. Однако доступная в нашем городе литература по скрипичной музыке была недостаточной, и основные познания в этой сфере мне пришлось почерпнуть из томов Большой Советской Энциклопедии.

Оказывается, скрипка, по-итальянски “violino”, является самой высокой по звучанию в группе оркестровых инструментов, а её прототипами были арабский ребаб и германская рота, т. е. старинный альт. Их слияние и образовало виолу. Исследователи установили, что окончательную классическую форму современная скрипка приняла в XVI веке, а уже в начале XVII столетия прославились первые скрипичные мастера из Италии. В частности, семейство Амати. Их инструменты отличались прекрасной формой и изготовлялись из красного дерева, которое является превосходным материалом для скрипки.

Позднее появились и другие известные итальянские мастера (Страдивари и Гварнери), а в Тироле прославился скрипичных дел мастер Якоб Стейнер, ученик знаменитого Амати.

Многие музыканты полагают, что основателем художественной игры на скрипке являлся А. Корелли, возможно, так оно и было. Однако в те же периоды времени были известны и другие прекрасные исполнители скрипичной музыки: Торелли, Тартини, Пьетро Локателли. Причём П. Локателли был учеником А. Корелли и ещё больше развил бравурную технику игры на скрипке.

Уже к середине XVIII века получают большую популярность мастера Виотти и Паганини. О Паганини ходили легенды, что он “продал душу дьяволу”, и ему не было равных в виртуозной игре на скрипке.

Позднее не менее известными скрипачами и композиторами становятся Крейцер, Массар, Венявский, Исайе.

Скрипка настолько очаровала своим звучанием музыкантов, что побудила многих именитых композиторов начать создавать скрипичные произведения. Специально для скрипки стали писать музыку известные и выдающиеся композиторы. До нас дошли чудесные скрипичные произведения Баха, Бетховена, Мендельсона, Венявского, Сарасате.

Среди русских композиторов создателями известных скрипичных произведений стали Рубинштейн, Чайковский, Кюи, Римский-Корсаков.

Конечно, изложенные выше сведения об истории создания скрипки и мастерах по изготовлению этих инструментов, а также о композиторах, сочинявших музыкальные произведения для скрипки, мне приходилось отыскивать не только в разделах энциклопедии, но и в специальной музыкальной литературе. Множество интересных и познавательных сведений о музыкантах я нашёл в чудесном журнале “Музыкальная жизнь”. На протяжении ряда лет я выписывал этот журнал, который в тот период выходил каждый месяц.

Однажды в одном из номеров “Музыкальной жизни” я увидел фотографию уже известной мне скрипачки Нины Бейлиной и небольшой очерк о её исполнительской деятельности.

К тому времени — а это было начало восьмидесятых годов, Нина Бейлина стала широко известным и признанным в творческом мире исполнителем скрипичной музыки. В тот период она уже пользовалась репутацией виртуозной исполнительницы и к её прежнему лауреатскому званию — Гран-при конкурса скрипачей имени М. Лонг и Ж. Тибо в Париже добавились первая премия на международном конкурсе имени Энеску в Бухаресте, она стала дипломанткой конкурса имени П. Чайковского в Москве и получила золотую медаль “Viotti D'Oro” в Италии с присуждением звания “Музыкант года”.

Нина Бейлина училась в Московской Центральной музыкальной школе и, блестяще окончив её, поступила в Московскую консерваторию, где её учителем был знаменитый Давид Ойстрах.

Имея за плечами огромный исполнительский опыт, обладая исключительным дарованием, к сожалению, в советское время по каким-то причинам она не получила достойной оценки её творчества и была вынуждена эмигрировать в Америку. Там с ещё большей силой раскрылся яркий исполнительский талант скрипачки, её стали приглашать лучшие, всемирно известные оркестры Америки (Чикагский, Нью-йоркский, Лос-анджелесский), Италии, Израиля, Англии, Финляндии, Бельгии, Германии и других стран. Один из американских музыкальных критиков писал о ней так: “То, что стало потерей для России, оборачивается нашим приобретением”.

Вот уже более четверти века Нина Бейлина проживает в Соединённых Штатах, она создала свой оркестр “Баханалия”, получила высокое звание профессора. Её любимыми произведениями, которые она с блеском исполняет, остаются сочинения Иоганна Себастьяна Баха, и она на сегодняшний день одна из лучших в мире исполнителей произведений этого великого композитора. Она сыграла все сочинения Баха, включая даже его черновые варианты партитур.

У Нины Бейлиной на всю жизнь сохранилась любовь к произведениям Баха, и она щедро делится своим талантом во имя большого искусства и скрипичной музыки.

Прошло уже много лет, когда я впервые услышал живое исполнение Нины Бейлиной, а в моей душе навсегда осталось особое очарование скрипкой, святое, трепетное отношение к музыке.

Наум ШАФЕР

Второй филфак

Фрагмент мемуарной повести “День Брусиловского”

— Тоня, сегодня у меня “День Брусиловского”, будь добра, не отмечай меня в своём журнале! — с такой просьбой я неоднократно обращался к старосте студенческой группы Тоне Сергеевой, когда учился в КазГУ на филологическом факультете.

Да, был такой день в моей жизни. Длился он почти полтора года — один раз в неделю, по понедельникам, с двенадцати до часу дня. Были, конечно, и пропуски — в летние и зимние каникулы. Да и “накладки” случались: Евгения Григорьевича вдруг срочно, не по графику, вызывали в консерваторию. Или на неделю-другую он отлучался в Москву: то на какой-нибудь композиторский пленум, то на физкультурный парад, где звучала его музыка. Но такой день был. И хотя продолжительность его равнялась всего одному часу, он выбивал меня из нормального состояния на целые сутки: с утра я находился под угрозой беспощадных акций со стороны декана, ибо уходил с занятий после первой же пары, а вторую половину дня, отрешившись от мира, пытался осмыслить, где нахожусь: на высокой горе или в глубокой яме.

Так или иначе — “День Брусиловского” превратился в высшую форму моего бытия. И если в течение полутора лет я вёл бы дневник наших бесед, то смог бы сейчас издать толстую книгу наподобие “Разговоров с Гёте” Эккермана (не прими, читатель, эти слова за кокетливое бахвальство).

Печально, что вынужден ограничиться скромной мемуарной повестью, ибо за полвека многое забылось. Но я извлёк хороший урок из своей оплошности. Впоследствии стал тщательно фиксировать (сразу же, по горячим следам) впечатления от встреч с выдающимися людьми, которые воспринимались мною как олицетворение Высшего Духа — пусть подчас и с определённым социально-классовым уклоном. Так, например, благодаря дневниковым записям мне недавно удалось реконструировать две встречи с Михаилом Александровичем Шолоховым, сохранив при этом все побочные детали. Что же касается Брусиловского, то от встреч с ним у меня сохранились лишь одна его почтовая открытка да три листочка с надиктованными замечаниями по поводу огрехов в моих музыкальных сочинениях. Тем не менее, насколько это в моих силах, постараюсь воспроизвести то, что сохранила память, и в первую очередь — строгую компетентную критику по моему адресу.

Всё началось с апреля 1951 года. Я уже заканчивал первый курс... Незадолго до майских праздников состоялась творческая встреча Габита Мусрепова со студентами казахского отделения филологического факультета. А русское отделение подготовило небольшой концерт, и писателя уговоряли остаться. Среди прочих номеров прозвучали две мои вещи (“Концертный марш” и “Вечерний вальс”), которые исполнил на аккордеоне Саша Белоцерковский, бывший фронтовик и будущий корреспондент

“Казахстанской правды”. Потом писателя снова окружила группа студентов, и один из них, по прозвищу “узбек Кенжебек” (никто его по-иному не называл), отделившись от других, подбежал ко мне, хлопнул по плечу и импульсивно выпалил:

— Ну, Чайковский, держись! Мусрепову понравилась твоя музыка. Он спрашивал про тебя, а я рассказал. Ты знаешь, что Габит-ага сказал? Надо, говорит, этому парню пойти к Брусиловскому, могу помочь познакомиться.

Я был ошарашен. Неожиданно раскрылся мой затаённый план, о котором я и думать боялся. Познакомиться с Брусиловским! Но нет, пока ещё рано... Страшно! Вот сочиню что-нибудь такое, более богатенькое по фактуре, и тогда уж... Тогда уж рискну!

Если бы я знал, что напрасно потеряю целый год... Сколько нотных листов я измарал совершенно зря! Ведь в конечном итоге Брусиловского привлёк прежде всего “Вечерний вальс”, который и стал моей визитной карточкой для знакомства. А произошло это так.

Где-то весной 1952 года, уже к концу второго курса, в концертном зале Казахской государственной филармонии имени Джамбула (она тогда располагалась в неприхотливом скромном здании на Пушкинской улице) проходил смотр художественной самодеятельности всех вузов столицы. Помимо студентов КазГУ, там выступали ещё самодеятельные коллективы КазПИ, ЖенПИ, Института иностранных языков, Горного института, Медицинского института и... Других уже не вспомню. Вначале регламент был неограничен, каждое учебное заведение выкладывалось сполна. Но для итогового концерта отбор музыкальных и литературных произведений, танцевальных номеров оказался довольно жёстким: не более 5-6 выступлений из каждого учебного заведения. Я был бесконечно счастлив, что при таком строгом отборе мой “Вечерний вальс” прорвался на итоговый концерт. Конечно, тут большую роль сыграло то обстоятельство, что композиторство во внемузыкальном вузе было тогда редчайшим явлением, и подобных студентов надо было поощрять. И в самом деле: на весь огромный университет числилось всего три сочинителя музыки — Лёва Шульц (журфак), Володя Миркин (физмат) и я, грешный (филфак). Остальные писали стихи, прозу, пели, играли, танцевали, занимались живописью...

Дня за два до заключительного концерта ко мне подошёл музыкальный руководитель нашего студенческого ансамбля Владимир Леонидович Мельцанский, хормейстер и исполнитель второстепенных теноровых партий в спектаклях театра оперы и балета имени Абая (почему-то больше всего мне запомнилась его роль Гюнца в опере Верди “Аида” — уж очень эффектно он падал к подножию трона, на котором восседал В. Харитонов, изображавший египетского фараона). Виновато откашлявшись, Мельцанский сказал:

— Не обижайтесь, пожалуйста, Наум, но мы репетируем сейчас “Вечерний вальс” без Гали Хорт. Она, конечно, прекрасно его поёт, и вы это знаете. И впредь будет продолжать петь. Но не на заключительном концерте. Поймите: вы прежде всего — композитор, а не поэт, и текст здесь может помешать. Доверьтесь моему опыту: пусть вальс прозвучит просто как инструментальная пьеса — баян, домбры, балалайки, гитары... Лидер — скрипка.

— Так это же прекрасно! — вырвалось у меня. — Я очень люблю слушать свою музыку в чистом виде!

— Ну и гора с плеч! — обрадовался Владимир Леонидович. — А я-то думал, что вы обидетесь... Правда, получается накладочка: два вальса подряд. Ведь перед “Вечерним” мы играем “Амурские волны” Кюсса. Так обычно не делается. Ну — авось сойдёт..

Не буду описывать ход концерта, тем более что плохо слушал: ну читали стихи, ну пели, ну танцевали — обычная “сборная солянка” на подобных смотрах... Если честно, то я был во власти эгоистического творческого самолюбия: нетерпеливо ждал очереди “Вечернего вальса” и трепетал от сознания, что среди членов жюри сидел Евгений Григорьевич Брусиловский. Вероятно, он и возглавлял это самое жюри — на правах бывшего художественного руководителя филармонии. Возмутительная обязаловка! Тогда это воспринималось вполне нормально, а сегодня я ужасаюсь: великий композитор, вместо того чтобы сидеть в своём рабочем кабинете и сочинять музыку, вынужден был губить драгоценное невозвратимое время на различных дилетантских представлениях, чтобы “выявлять таланты”.

“Вечерний вальс” я слушал в невменяемом состоянии — даже не могу припомнить были ли аплодисменты. Какие коллективы выступали потом и что они исполняли — меня уже совершенно не интересовало. Было ощущение тоски и стыда. Не знаю почему, но мне показалось, что я позорно провалился вместе со своим опусом. Ведь не было грома оваций, и весь зал не поднялся, и никто не кричал: “Браво!”.

Но самое значительное произошло потом. После концерта плотное кольцо студентов окружило столики, за которыми сидели члены жюри. Каким-то образом я оказался прижатым к спинке стула Брусиловского. А Мельцанский уже сидел с ним рядом, заняв чьё-то освободившееся место. В качестве старого знакомого Владимир Леонидович, не дожидаясь решения жюри, расспрашивал Евгения Григорьевича о его впечатлениях.

— Кроме шуток, — негромко отвечал, чуть спотыкаясь на отдельных словах, композитор, — я говорю совершенно серьёзно... Из шести ваших номеров мне больше всего понравились два старинных вальса, которые вы исполнили друг за другом. Признаться, эти “Амурские волны” мне уже порядочно надоели, их затрепали все духовые оркестры, опошлили, обесценили. А у вас вальс прозвучал необычно свежо, вы сумели раскрыть красоту его эмоций — может быть потому, что сыграли его не просто как старинный, а как **народный** вальс. К тому же вас следует похвалить за стремление найти что-то интересное из давно забытого. Я имею в виду второй вальс — никогда его прежде не слышал. Вас не подвёл музыкальный вкус: из громадного количества однотипных стандартов вы сумели найти что-то интонационно-естественное и выразительное...

Мельцанский, восторженно слушая, тут же попытался ответить, но...

— Евгений Григорьевич! — воскликнул я не своим голосом, удивившись собственной смелости. — Этот вальс сочинил я! Пять лет назад! Когда был ещё школьником и перешёл в восьмой класс!

Брусиловский медленно полуобернулся ко мне — до сих пор помню его скептически скривившиеся губы и едкую иронию в глазах.

— Молодой человек, почему вы так скромничаете? — с изумительным недоумением проговорил он. — Ведь “Амурские волны” сочинили тоже вы! К чему же прибедняться?

Глаза мои мгновенно наполнились слезами... Не поверил!!!

И всё же я успел заметить, как ирония сменилась у Брусиловского смутной растерянностью (он увидел мои слёзы), а Мельцанский стал усердно нашёптывать ему что-то на ухо... Композитор принялся рассеянно перебирать бумаги на столе. К нему наклонился сухопарый, мрачно-ватый мужчина с повреждённым глазом (позже я узнал, что это был известный композитор Ахмет Жубанов) и тоже что-то тихо промолвил.

— Да, вы правы, — сказал Брусиловский и, обратившись к девушке, присевшей рядом с Мельцанским, попросил: — Будьте добры, Светлана, напишите на каком-то клочке мой адрес для товарища... товарища...

— Шафера, — подсказал Мельцанский.

— Для товарища Шафера, — повторил Брусиловский.

Через минуту девушка с очаровательной белозубой улыбкой вручила мне клочок бумаги (он чудом сохранился в моём личном архиве), на котором было написано:

Шевченко, 44,
корпус № 2,
кв. № 15,
Брусиловский
Евгений Григорьевич.

— Вот по этому адресу, — сказал композитор, — пришлите ещё пару вещей. Мне будет интересно узнать, как они соотносятся с вашим “Вечерним вальсом”. А потом, если понадобится, мы с вами поговорим особо.

Помнится, что я обрадовался не столько адресу, сколько пронизывающему местоимению в реплике Брусиловского. С вашим! С вашим “Вечерним вальсом”! Поверил!!! Милый Владимир Леонидович, спасибо за стремительную помощь!

Так что же дальше? Вы думаете, что на другой день я сразу же отправил в конверте свои ноты? Как бы не так... На меня навалилось чувство длительного страха: боялся разочаровать Евгения Григорьевича. Ведь успех следует закрепить. Если уж посылать, то только такое, что превысило бы “Вечерний вальс” или, на худой конец, не ниже по уровню. А есть ли у меня такие вещи? О фрагментах из оперы “Печорин”, которую мы задумали с поэтом и художником Владимиром Щербаковым (он взялся писать либретто), не могло быть и речи: Брусиловский воспринял бы это как своеобразную хлестаковщину самовлюблённого дилетанта. Что-нибудь из лихих песен типа “Что мне, молодцу, нужда”, которые очень нравились усатому университетскому сторожу Донату Евтихиевичу? Смешно! Может быть, “Концертный марш”, на который обратил внимание Габит Мусрепов? Надо подумать... А вообще — лучше сочинить что-то новое, умное, уже специально с расчётом на Брусиловского. Это должно быть нечто среднее между “серьёзным” и “лёгким” жанром... И я задумал маленький цикл пьес для скрипки и фортепиано под общим названием “Три старинные итальянские картинки”. Воспламенившись, дал волю фантазии. Придумал программу. Первая миниатюра — “Уличный скрипач” (нищий скрипач вспоминает свои молодые годы, когда он соперничал с самим Паганини). Вторая — “Пред ликом Мадонны” (что-то умиленно-возвышенное по мелодии, типа “Аве Мария”, но ироничное по содержанию). И третья — “Цыганы на паперти” (темпераментная и, откровенно говоря, кощунственная пляска у входа в храм). Все три эпизода объединялись при помощи образа некой молодой синьоры, которая в начале должна была подать милостыню

нищему скрипачу, затем войти в храм и исповедаться пред ликом Мадонны, а потом вместе с цыганами закружиться в огневой пляске прямо на паперти. Получилось чёрт знает что, но я был в восторге от своего замысла: вот уж удивлю Брусиловского!

Попросил Володю Щербакова, своего постоянного соавтора, сочинить стихи на задуманный сюжет. Володя наотрез отказался, сославшись на то, что нас обвинят в космополитизме и исключат из университета.

— И это говоришь ты, который не побоялся создать крамольный текст для “Романса Печорина”! — возмутился я.

— За “Романс Печорина” нас могут обвинить в пессимизме, это не смертельно, — спокойно ответил он. — А если нам пришьют космополитизм, то... то я уже сказал, чем это может кончиться.

— Тогда я обращусь за помощью к Алику Устинову!

— Не горячись. Ты ведь задумал этот цикл в двух вариантах: скрипичном и вокальном. Вот и начинай работать над первым вариантом...

Что оставалось делать? Я приступил к работе... Кстати, в студенческие годы я очень интенсивно осваивал скрипку и не расставался с ней более пяти лет, храня её уникальным способом (заворачивал в старую мамину юбку, поскольку ни в одном магазине не продавались футляры). Каждый очередной экзерсис показывал Володе, который в это время увлечённо трудился над моим живописным портретом. И чем активней он хвалил музыку, тем упорней отказывался писать стихи, ссылаясь на то, что ему трудно раздваиваться. Наконец, терпение моё лопнуло, и текст кое-как настроил я сам. К концу сентября оба варианта — скрипичный и вокальный — были готовы. И тут здравый смысл мне подсказал, что если я пошлю Брусиловскому только этот цикл, то он получит очень уж однобокое представление о моём творчестве. Надо добавить что-то из своих старых песен и романсов... Да, но ведь композитор просил лишь “пару вещей”... Значит, нельзя обременять его большим количеством опусов, это было бы нахальством. Но, с другой стороны, “пара вещей” — понятие растяжимое. Можно рискнуть послать три или даже четыре вещи. Главное, чтобы они были разностильными. В общем, из “итальянского” цикла я взял только вторую миниатюру — “Пред ликом Мадонны” (закамуфлировав её в скрипичной редакции как “Лирическую песенку”), добавил песню в русском народном стиле “Отпусти меня, родная” (стихи Н. Некрасова), романс “Душа моя мрачна” (из “Еврейских мелодий” Байрона в переводе М. Лермонтова, с приложением великолепного текста на идиш С. Росина) и “Студенческий вальс” (стихи В. Щербакова). Получился ядрёный интернационал. Полагая, что Евгений Григорьевич за эти полгода мог меня забыть, приложил письмо, в котором заново разъяснил, кто я такой и чего хочу. Отправил по почте пакет и стал ждать.

Психологические странички моей жизни периода ожидания нет смысла обнародовать. Скажу лишь, что они были похожи на китайские иероглифы, и я сам не мог понять, что со мной происходит. Мысленно представлял себе, каков будет ответ. Нечто вроде: “Получил вашу муру и должен вам сказать, что вы...”. Или в лучшем случае: “Получил ваши упражнения...”. И уж совсем в идеальном варианте: “Получил ваши ноты...”.

В то время мы с Володей Щербаковым снимали квартиру в домике на 14-й линии, где жила моя тётя, посвящённая во все мои дела... И вот настал, наконец, день, когда, возвратившись с университетских лекций, я

увидел раскрасневшуюся тётю Анюту, которая размахивала почтовой открыткой и буквально вопила:

— Брусиловский тебе всё-таки ответил!!!

Привожу текст этой открытки, которая более полувека хранится в моём домашнем архиве, полностью сохраняя авторский стиль и орфографию:

“Алма-Ата. 7 октября 1952 г.

Уважаемый тов. Шафер!

Письмо Ваше я получил и обсудил его с товарищами. Я думаю, что Вам следовало-бы позвонить ко мне, для того, что-бы мы могли договориться о том, когда и где мы могли-бы поговорить, а также я мог-бы вернуть Вам присланные Вами, Ваши произведения. Мой телефон 81-75. Звонить в любой день от 12 до 1 часу дня.

Брусиловский”.

Это теперь я вижу, что текст написан наспех и что, подобно Дунаевскому, Брусиловский частицу “бы” присоединял к предыдущему слову при помощи дефиса... А тогда я стал прыгать чуть ли не до потолка, беспрерывно повторяя: “Ваши произведения! Ваши произведения! Обсудил с товарищами! Обсудил с товарищами!”.

О том, кто были эти “товарищи”, я узнал лишь десять лет спустя, в начале 60-х... Варвара Павловна Дернова, импульсивный музыковед и просветитель, специалист по Скрябину и Затаевичу, задумала создать при нашем филфаке нечто вроде “университета музыкальной культуры”, привлекла к этому делу Ахмета Куановича Жубанова и представила ему меня в качестве аспиранта КазГУ, который будет организовывать слушателей и даже сам иногда читать лекции (я потом действительно прочитал лекцию о Моцарте с применением грамзаписи и с участием “живых” исполнителей — студентов консерватории).

— Да знаю я этого лектора, — угрюмо буркнул Жубанов при знакомстве. А несколько дней спустя, когда мы вместе собрались, чтобы уточнить план будущих лекций (помню, что Варвара Павловна выбрала себе тему, связанную с музыкальными формами), Ахмет Куанович мне рассказал:

— Ваши произведения Брусиловский показал мне и Борису Григорьевичу Ерзаковичу. Он советовался с нами... Мы пришли к выводу, что вам нужно бросить филфак и подготовиться к поступлению в консерваторию. А вы... Вы подвели Евгения Григорьевича, позорно сбежали. Нехорошо, очень плохо получилось...

... Но я нарушил хронологию событий и забежал вперёд. Возвращаясь к октябрю 1952 года.

О том, как принял меня Брусиловский в своём рабочем кабинете, я вначале залихватски описал в письме к родителям, и это было очень похоже на то, как привели Пушкина, запylённого с дороги после отъезда из Михайловского, прямо в кабинет Николая I. На самом деле меня чуть ли не под конвоем насильно довёл до дверей квартиры Володя Щербаков, нажал на кнопку звонка и убежал. Обо всём этом я написал в маленькой мемуарной повести “Романс Печорина” (“Нива”, 2004 г., № 7) и, чтобы не повторяться, отсылаю читателя к финальным страницам этой повести.

Очугившись в кабинете композитора, я первые несколько минут пытался осмыслить, где нахожусь. Полностью отключился слух — как будто заложено уши. Я сидел на стуле — напротив человека в пижаме и домашних

тапочках — видел, что шевелятся его губы и... не слышал ни одного слова. Мысленно пытался совместить в своём сознании романс “Две ласточки” с этим человеком, который мне что-то растолковывал. Почему именно “Две ласточки”, а не опера “Кыз-Жибек” или, допустим, Третья симфония? Есть такие мелодии, которые никак не поддаются объяснению, каким образом они появились на свет Божий. Скажем, “Серенада” Шуберта или “Сердце” Дунаевского. Сам приобщённый к композиторской “кухне” и в общем-то знающий, как “испекаются” мелодии, я недоуменно разводил руками перед “Серенадой”, “Сердцем”, “Двумя ласточками”. Это — сверхъестественное. Разве такие вещи можно взять и сочинить? Разве они не существовали **всегда** — как земля и небо, как море и солнце? Кто возьмётся доказать, что подобные мелодии возникли из каких-то нотных знаков, которые придумал человек, сидя в баре за кружкой пива или расположившись за инструментом в пижаме и домашних тапочках?

... Наконец-то до меня дошли обрывки последней фразы:

... — в противном случае у нас не было бы таких великих писателей, как Тургенев и Гончаров. Запомните: талант, даже самый яркий, быстро иссякает, если он не подпитывается широтой культуры.

Я механически свернул:

— Ну... их трудно сопоставить. Тургенев значительно выше Гончарова.

— И это говорит филолог! — Брусиловский резко поднялся со стула. — В общем, так. В ваших сочинениях я исправил кое-какие гармонические ляпсусы. Но не все. Исходя из моих поमारок, исправьте другие сами. Вы поняли меня? Сами! И в следующий понедельник вы мне покажете исправленный нотный текст. А потом мы поговорим на эту тему. Но главное задание — другое. Сейчас как раз издаётся собрание сочинений Гончарова в виде приложения к журналу “Огонёк”. Я вас буду экзаменовать по каждому тому. За неделю вы должны прочитать первый том — роман “Обыкновенная история”. Итак, жду вас в следующий понедельник. Но если не прочитаете роман, то не приходите. И вообще больше не приходите.

На обратном пути я оклемался и заявился домой с видом разочарованного денди, который может себе позволить поиронизировать по поводу происшедшего.

— Второй филфак! — небрежно объявил я Володе и тёте Анюте. — Брусиловский дал мне задание по литературе. Он считает, что я плохо знаю её. Велел читать Гончарова, начиная с первого тома. Я и без того регулярно покупаю в киосках это “огоньковское” издание.

— Вот и читай, а не просто покупай, — философски изрекла тётя Анюта.

Что тут можно было возразить? Я старательно принялся за чтение “Обыкновенной истории”, о которой прежде имел представление лишь по учебникам да по лекциям Татьяны Владимировны Поссе. И — втянулся... Не смог оторваться! Конфликт возвышенных идеалов с глубокой прозой жизни вызвал во мне щемящее чувство тоски и печали. Я ведь и сам был романтиком, страдавшим от несовершенства мира. Меня потряс эпизод, когда прагматичный Пётр Адуев отдал слуге на оклейку комнаты рукописи выстраданных стихов своего племянника. Ведь со мной однажды приключилось почти то же самое, даже в более омерзительном варианте. Я как-то сочинил сентиментальную “Песню о трёх товарищах”, посвятил её двум своим школьным друзьям и подарил каждому из них аккуратно переписанный экземпляр нотного и стихотворного текста. Один из них,

Виктор Банхаев, постоянно напевал мою мелодию, а другой, Бруно Локк, желая доказать, что он трезво смотрит на жизнь и не подвержен “романтическим соплям”, на другой же день меня проинформировал, что сходил с подаренным листом в клозет.

... В следующий понедельник я пришёл к Брусиловскому с заранее подготовленной фразой:

— Евгений Григорьевич, “Обыкновенная история” — это единственный и непревзойдённый роман о столкновении высоких идеалов с низкой и мелкой расчётливостью...

— Ну-ну, — криво усмехнулся Брусиловский, — уже научился-таки выражаться, как Александр Адуев. Единственный и непревзойдённый! Вам ещё многое предстоит прочитать, прежде чем разбрасываться такими фразами. Вы лучше ответьте мне, почему в конце романа Пётр Адуев потерпел полнейший крах в деле перевоспитания своего племянника? И почему возвышенный племянник оказался в сто раз хуже своего расчётливого дяди? Вы подумали над тем, какую специфическую задачу поставил перед собой Гончаров?

И далее последовала целая лекция, которую я слушал с разинутым ртом. Брусиловский говорил, что в любом общественном укладе, каким бы консервативным он ни был, существуют позитивные компоненты, которые следует переносить в каждую следующую эпоху и развивать их. Нельзя плевать в колодезь, из которого пьёшь, нельзя на развалинах прежнего общества строить новое — на развалинах ничего не построишь. Прав ли был дядя, когда стал вытравливать из племянника глупый романтизм? Безусловно. Александр нелеп со своим благородством в мире наживы и обмана. Но благородство само по себе — драгоценное человеческое качество. Ошибка мудрого Петра в том, что, наметив правильную цель, он прибегнул к неправильным действиям. Колечко и локон любимой девушки Александра нельзя было вышвыривать через окно в канаву — надо было просто предложить хранить эти атрибуты в каком-нибудь укромном месте и временно забыть о них. Стихи Александра, конечно же, были выпренными и архаичными. Но они — продукт его духовной деятельности. Нельзя было отдавать их на оклейку стен. Как было бы разумней поступить в данной ситуации? Очень просто. Ты подарил мне свои стихи? И хочешь сделать надпись? Спасибо, дорогой племянничек, буду хранить твою рукопись как семейную реликвию, а теперь давай займёмся более существенным делом — ведь тебе нужно поступить на службу... Учтите: когда тебе говорят комплименты, ты невольно стараешься быть лучше, чем ты есть на самом деле. Но дядя действовал, как вышибала, и вместе с водой выплеснул ребёнка. Александр стал циником. Плевки в душу племянника вернулись к дяде бумерангом, причём с удесятёрённой силой.

— Вы понимаете, — Брусиловский наклонился ко мне и заговорил в пониженном тоне, — ведь гениальность Гончарова в том, что на бытовых примерах он раскрывает порочность действий верховных деятелей, которые хотят добиться изменений в общественной жизни нахрапом и мгновенно. Вы-то человек молодой, многого не знаете, но я хорошо помню, что творилось... Ну — вас ещё на свете не было. А мне, слава Богу, было уже двенадцать лет, и я кое-что понимал. Хотя, если честно, я тоже закружился в вихре, и мне было радостно: увлёкся, так сказать, магистральными задачами...

В процессе беседы я обмолвился, что Татьяна Владимировна Поссе, высоко ценя “Обыкновенную историю”, тем не менее согласна с Белинским, который считал, что в конце романа Гончаров допустил художественный просчёт: Александр не мог стать стопроцентным мерзавцем, не тот характер — его надо было показать в эпилоге разочарованным, сломленным, может быть, мизантропом, но не мерзавцем.

— Я незнаком, к сожалению, с Поссе, но знаю, кто она такая и уважаю её, — медленно ответил Брусиловский. — О Белинском уже не говорю — это очень значительная фигура. Но в данном случае, мне кажется, они ошибаются оба. Почему? Ну как вам это объяснить... В художественном творчестве есть такие моменты, когда во имя идеи приходится жертвовать логикой развития характера персонажа. Какую идею Гончаров хотел донести до читателя? Разрушительные методы в быту, в политике, в искусстве кончаются всеобщим цинизмом — даже если эти цели обусловлены благородными задачами. Удалось ли это показать писателю? Безусловно, причём блестяще. Вот по этому результату и надо судить об “Обыкновенной истории”.

Здесь я сознательно нарушаю хронологию наших бесед. Дело в том, что подобные беседы перемежались у нас с разбором моих музыкальных опусов, которые я приносил каждый понедельник. Но, как сказал какой-то остряк, “чтобы молоко не убежало, покрепче привяжите корову”. О музыкальных “разборках” я поведу речь немного погодя, а теперь хочу досказать историю с Гончаровым. На перечтение “Обломова” Брусиловский дал мне две недели, учитывая, что по объёму он в два раза больше “Обыкновенной истории”. При этом присовокупил:

— Убеждён, что кроме “Сна Обломова”, который изучается в четвёртом или пятом классе, вы больше ничего не читали. А вот вы внимательно проштудируйте весь роман и ответьте на один-единственный вопрос, на который не ответил даже гениальный Добролюбов: почему обломовщина — это символ российского застоя и деградации общества, а сам Илья Ильич Обломов — милейший и самый симпатичный из всех героев романа? А? Читайте и думайте.

Нет, таких вопросов на практических занятиях Татьяна Владимировна нам не задавала. Конечно, к Илье Ильичу мы относились с сочувствием, цитировали Ольгу Ильинскую (“Ты кроток и нежен, Илья”), но чтобы считать его “самым симпатичным” из всех героев романа... нет, до этого мы не доходили: нашим идеалом был Штольц — ну, разумеется, с известной оговоркой Добролюбова, что это всё же не тот человек, который сумеет на русском языке чётко дать команду “Вперёд!”.

Я читал и думал. Отчётливо не помню, что я лепетал через две недели, пытаясь ответить на вопрос Брусиловского, но хорошо помню, что говорил он. А говорил он то, что я не прочитал ни в одном учебнике и ни в одной монографии:

— Вот мы беспрерывно романтизируем Онегина и Печорина. И, кстати, вы со своей оперой тоже оказались в этой компании, не попытались ответить себе самому на вопрос: почему? Почему непременно Печорин — “герой нашего времени”, а не, скажем, Обломов? Да-да, Обломов. Ведь Онегин и Печорин — “герои” лишь в ироничном плане: критикуя светское общество, они практически всё время вертятся в нём и не в состоянии избавиться от его предрассудков. В конечном итоге пасуют перед обстоятельствами

жизни, сдаются. А Обломов не сдался. Да, не сдался. Он предпочёл остаться лежать на диване и умереть от апоплексического удара, нежели втянуться в суету сует, где верховодили прагматичные буржуа, чьи поступки были обусловлены грубым расчётом и коммерческой выгодой. Конечно, патриархальный быт, который воспитал его, породил в нём лень и апатию. Тут с Добролюбовым и спорить нечего — он прав. Но Добролюбов ни слова не сказал, что из патриархального быта Обломов взял самое ценное — бескорыстие, сердечность чувств, уникальную честность. Он не экспериментировал над чувствами Ольги, как Печорин — над Мэри. Я уже не говорю о том, что никаких ленских и грушницких он не убивал, он просто был неспособен на такое... Впрочем, я не собираюсь давить на вашу психику. Можете продолжать романтизировать и героизировать Печорина. В свои молодые годы я тоже испытал на себе магнетизм его личности.

На одоление “Обрыва” Брусиловский дал мне три недели. Ну понятно: самый объёмный роман Гончарова... Но беседа о нём была самой краткой. Говорили преимущественно об образе Тушина. Саркастически кривя губы (характерная манера Евгения Григорьевича при ироническом отношении к обсуждаемому вопросу), он изрекал:

— Конечно, ваша голова уже напичкана фразами из различных учебников, предисловий и комментариев, что “Обрыв” — это отступление писателя с позиций критического реализма. Дескать, Гончаров пытался в лице Тушина найти предпринимателя, который совмещает личные интересы с интересами национальными. Таких, дескать, в царской России быть не могло — следовательно, образ надуманный, нетипичный. Ведь если такие, как Тушин, существовали, тогда все проблемы можно было бы решить в пределах существующего строя, а не переворачивать вверх дном... вверх дном... — Брусиловский вдруг посмотрел в потолок. Я — тоже, с ужасом ожидая, что он скажет дальше... Но Евгений Григорьевич, резко оборвав беседу, торопливо промолвил:

— Ладно, покажите, что вы принесли на этот раз.

А потом, провожая меня, спросил:

— Не помните ли, в какой басне Крылова сказано: “Кто втёрся в чин лисой, тот в чине будет волком”?

— Н-нет, — растерянно ответил я.

— Я на днях перелистал все его басни, но нигде не нашёл этих строк. Хорошо их помню, но мне сейчас понадобилась целиком вся басня.

— Я поищу...

— Ну ищите... филолог! — и та же кривая саркастическая усмешка на губах.

Я ушёл отнюдь не в возвышенном состоянии. А дальше последовали довольно забавные приключения, о которых умолчать не могу. Первым делом я обратился за справкой к Татьяне Владимировне Поссе.

— Ну как же! — отреагировала она. — Ведь это же широко известный крыловский афоризм! Конечно, это не “Лисица и виноград” — там “хоть видит око, да зуб неймёт”... “Ворона и Лисица” тоже отпадает. “Лисица и Сурок”, что ли? Нет, там “рыльце в пуху”... Посмотрите басню “Крестьянин и Лисица”... Нет-нет, погодите, их же две с одинаковым названием. В одной из них: “А вору дай хоть миллион — он воровать не перестанет”. Может быть, в другой? Сомневаюсь... А-а-а... Как вы процитировали? “Кто втёрся в чин лисой, тот в чине будет волком”? Ну всё ясно. Так это же басня “Волк

и Лисица”. Как это я сразу не догадалась... — и Татьяна Владимировна, облегчённо вздохнув, углубилась в чтение какой-то студенческой курсовой работы и забыла о моём существовании.

Я хотел тут же позвонить Брусиловскому и назвать басню... Но что-то побудило меня предварительно пойти в читальный зал университета и взять том Крылова. По оглавлению нашёл “Волка и Лисицу”... Читаю... Ничего подобного! Там — “Охотно мы дарим, что нам не надобно самим”. Вот это казус! Стал по оглавлению выбирать все басни о лисицах: “Добрая лисица”, “Лиса-строитель”, “Лисица и Осёл”, “Лев, Серна и Лиса”, просто “Лиса”... Всё напрасно, поиски не увенчались успехом.

И всё же со мной случилось чудо: я не в состоянии был оторваться от книги. Всё моё “школьное” представление о Крылове перевернулось вверх дном. Помимо того, что я стал по-новому вслушиваться в “музыку” басенного стиха, передо мной раскрылась целая планета подлинных нравственных ценностей, а заодно предстала социально-политическая картина государственной подлости, примеры которой я боялся распознавать в современной действительности. Больше всего меня поразила басня “Пёстрые овцы”: Лев, ненавидевший пёстрых овец, не мог отдать приказ об их уничтожении (он дорожил своей репутацией “гуманиста”), но по совету хитрой лисы приставил к ним в качестве пастухов... волков; дело кончилось тем, что волки передушили не только пёстрых овец, но и всех остальных... Бесподобен финал басни:

*Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.*

Сразу же в памяти всплыли расхожие бытовые реплики: “Сталин ни в чём не виноват, он ничего не знает, его постоянно обманывают, вот если ему рассказать, что тут творится, тогда бы он...”.

Я позвонил Брусиловскому из кабинета коменданта учебного корпуса:

— Евгений Григорьевич, мне очень стыдно, но я перечитал все басни Крылова и... и...

— И, разумеется, ничего не нашли?

— Да не только я. Даже Татьяна Владимировна Поссе не смогла мне помочь.

— В данный момент меня интересует не Поссе, а Шафер. Вы действительно очень внимательно перечитали книгу басен Крылова?

— Я читал взахлёб!

— Умница!

— Оказывается, всё то, что мы изучали в школе — это лишь прелюдия к настоящему Крылову...

— Ещё раз умница!

— Я просто ахнул, когда прочитал басню “Пёстрые овцы”!

— И в третий раз — умница!

— Ведь в этой басне Крылов раскрывает...

— Стойте, стойте, стойте... Вы откуда звоните?

— Из кабинета коменданта учебного корпуса.

— И вы хотите по телефону, да ещё из кабинета коменданта, разъяснить мне смысл басни “Пёстрые овцы”? Забираю всех трёх “умниц” назад! — и в трубке послышались короткие гудки.

В состоянии полной растерянности я поплёлся на кафедру русской литературы. Оказывается, там только что закончилось заседание, преподаватели ещё не разошлись, они толпились в крохотной комнатухе, галдели — очевидно, не до конца обсудили какую-то проблему. Я с трудом пробрался к столу Поссе, которая сидела с отрешённым видом и механически протирала носовым платком пенсне.

— Татьяна Владимировна, — жалобно промолвил я, — вы ошиблись. В басне “Волк и Лисица” нет тех строк, которые я ищу.

— Ну вы, Наум, меня уже доконали! — встрепелась она и буквально через мою голову выкрикнула: — Александр Лазаревич, подойдите сюда!

Подошёл молодой преподаватель Жовтис, бывший студент, который читал нам курс по древнерусской литературе, а потом — спецкурс по Некрасову. На тонком очкастом лице — печать превосходства и глубокого скептицизма. Ну просто — Печорин в очках.

— Александр Лазаревич, — продолжала Татьяна Владимировна, — вы у нас тут главный эрудит. Помогите этому несчастному студенту найти басню Крылова с этим... вот... афоризмом... Ну-ка, Наум, повторите его...

И я механически повторил: “Кто втёрся в чин лисой, тот в чине будет волком”.

— А при чём тут Крылов? — иронически отреагировал Жовтис.

— Как при чём? — заволновалась Татьяна Владимировна. — Ведь басня-то Крылова?

— Ничего подобного! — отрезал Жовтис.

— А чья же? Измайлова, что ли? Дмитриева?

— И ни Измайлова, и ни Дмитриева. Эти строки принадлежат Василию Андреевичу Жуковскому.

— Ах, да, — спохватилась Татьяна Владимировна, — я упустила из вида, что Жуковский иногда сочинял басни... Господи, какое у нас шаблонное мышление! Мы ведь привыкли воспринимать Жуковского как балладника, нежного романтика, переводчика, а между тем...

— А между тем, — назидательно подхватил Жовтис, — Жуковский гораздо шире, чем мы предполагаем. Он был прекрасным баснописцем, и ещё неизвестно, кто на кого влиял: Жуковский — на Крылова или Крылов — на Жуковского...

— Так как же называется эта басня, из-за которой Наум не даёт мне покоя?

— А это вовсе и не басня! — с торжеством объявил Жовтис.

— Вот тебе на! Так что же это такое?

Здесь надо было посмотреть на Жовтиса! Нахохлившаяся щуплая фигура, и вместе с тем — ореол ума, интеллекта и сказочной эрудиции! И уже не Татьяна Владимировна была его наставником и учителем, а он, её бывший студент, властвовал над ней в качестве главного просветителя:

— Это не басня. Дело в том, что Василий Андреевич писал ещё и эпиграммы. В конце 1806 года он выдал аж целый цикл: одиннадцать эпиграмм друг за другом. Среди них та, которую безуспешно ищет Наум. Вот как она звучит полностью. — И своим лёгким грацирующим тенорком Жовтис выразительно продекламировал:

*Трим счастья искал ползком и тихомолком;
Нашёл — и грудь вперёд, нос вздёрнул, весь иной! —*

*Кто втёрся в чин лисой,
Тот в чине будет волком.*

После чего — величественно удалился.

— Присядьте, Наум, — мягко сказала Татьяна Владимировна. Она снова долго протирала пенсне платочком и отрешённо смотрела на преподавателей, постепенно покидавших кафедру. И когда осталась одна Ксения Сергеевна Курова, подсевшая к нам, Татьяна Владимировна надела пенсне и медленно проговорила:

— Конечно, Александр Лазаревич, как бы это помягче выразиться, немного самонадеян... Но я решительно не понимаю преподавателей, которые чувствуют себя уязвлёнными, когда бывшие студенты в чём-то их превосходят. Ведь это же величайшее счастье, если ученик превосходит учителя. Значит, труд учителя не пропал даром, дело его продолжается. Уж коли сегодня зашла речь о Жуковском, не грех вспомнить, как он подписал свой портрет, подаренный Пушкину: “Победителю-ученику от побеждённого учителя”. Вам, Ксения Сергеевна, надлежит подтянуться к уровню вашего друга Александра Лазаревича... В общем, не буду продолжать при Науме... А вам, Наум, я желаю иметь в будущем таких учеников, которые бы вас превзошли. Поверьте, именно в этом — смысл нашей жизни. Вот и Толстой считал, что важно не то место, которое мы занимаем, а то направление, куда мы двигаемся.

... В очередной понедельник я появился к Брусиловскому с загадочным видом. До этого мысленно репетировал, как, намеренно растягивая время, буду вести разговор вокруг да около, пока, наконец, не выдам ему (разумеется, в дипломатической форме), что он плохо знает Жуковского. Слова Татьяны Владимировны о превосходстве ученика над учителем я воспринял в самом вульгарном смысле, за что был позорно наказан. А произошло это таким образом. Усевшись на стул перед маэстро, я нахохлился, как Жовтис.

— Сегодня я замечаю в ваших глазах озорной блеск, — сказал Брусиловский. — Раньше такого не было. Вы что — хотите меня в чём-то училище? Или рассказать анекдот?

— Да, анекдот! — с вызовом ответил я. — Но анекдот не придуманный. Дело в том, что вы, Евгений Григорьевич, ошиблись. Тот афоризм, который вы меня заставили искать у Крылова, принадлежит вовсе не ему.

— Знаю, — спокойно ответил композитор, беря из моих рук свежий лист нотной рукописи. — Этот афоризм принадлежит Василию Андреевичу Жуковскому.

Я вздрогнул, как от неожиданного подземного толчка... Мой воинственный пыл мгновенно улетучился, я сник и почувствовал, как густая краска стыда заливает не только моё лицо, но и шею. Вероятно, со стороны я был похож не на нахохлившегося петушка, а на обципанную курицу.

— Тогда зачем же вы... зачем же вы, Евгений Григорьевич... почему вы меня... почему вы решили надо мной подшутить? — я лепетал какие-то отрывочные фразы, напрасно пытаюсь обрести хотя бы малую толику прежней уверенности.

— Успокойтесь, прошу вас, — сказал маэстро, присев напротив меня. На этот раз он говорил без всякой иронии и, как мне показалось, даже с виноватым видом. — Вот послушайте, пожалуйста, что со мной произошло

примерно месяц назад. На уроке в консерватории один из моих очень и очень способных учеников (Брусиловский назвал довольно известное имя, чьи песни были в репертуаре Розы Баглановой и даже записывались на пластинки — мне и в голову не приходило, что на данном этапе он такой же студент, как и я) заартачился, когда я предложил ему выбросить из его сонаты экзерсис, который разрушает целостность формы. Обычно очень вежливый и внимательный к моим замечаниям, он на этот раз с пеной на губах стал отстаивать свои чудовищные пассажи, которые совершенно не были типичны для его творческой манеры. Видать, кто-то из “умников” упрекнул его в традиционности... Так вот: он артачится, да и я непреклонен. Кончилось тем, что я посоветовал ему прочесть одну из басен Крылова. Что же вы думаете? Он смертельно обиделся и спросил: “Может быть, вы мне посоветуете прочесть сказку о том, как посадил дед репку?”. И вышел из класса. Потом на следующий день встречаю его в коридоре консерватории, мы буквально столкнулись друг с другом, а он, негодник, смотрит куда-то вбок и в потолок и делает вид, что не узнаёт меня. Понимаете? Обиделся! У него со школьных лет сложился определённый стереотип по отношению к Крылову: басенки для детей... Теперь перейдём к вам, мой милый филолог. То, что вы здраво мыслите и тонко чувствуете, то, что у вас хороший литературный вкус, я понял с первой же нашей беседы, когда мы говорили о Пушкине, Лермонтове, Гоголе... Но вот вы сделали ужасную обмолвку о Гончарове, и я понял, что в вашем литературном воспитании есть белые пятна. Ну — Гончаров, как говорится, серьёзный писатель, и я не побоялся прямым текстом объявить, что вам надлежит внимательно его изучить — том за томом. А что касается Крылова... Я подумал, что вы тоже можете обидеться, и придумал еврейский хитрый ход. И очень рад, что мой эксперимент удался. Ведь басни Крылова... как бы точнее выразиться... — это камни, на которые ложатся мудрые строки, которые не вырубил топором и не смоешь дождями... Вы в них найдёте объяснение всему, решительно всему! И, главное, при минимальной затрате времени! А, кстати, как вы набрали на Жуковского?

К концу монолога Евгения Григорьевича я успел прийти в себя и довольно подробно рассказал о своих приключениях на кафедре литературы. Композитор печально усмехнулся:

— Получается, что я просветил не только вас, но и всю вашу кафедру во главе с заведующей... Ну-ка повторите снова фамилию этого эрудита, бывшего студента.

— Жовтис.

— Не знаю, не слышал... Но, вероятно, когда-нибудь услышу, коли он с молодых лет так проявляет себя... Передайте ему, что я на него сердит — он испортил мне весь цимес. Я ведь собирался погонять вас и по Жуковскому, а теперь уже ничего не получится...

— Евгений Григорьевич, поверьте, я теперь сам... сам...

— Верю. Но я обожаю розыгрыши, в них всегда нечто поучительное, если не переступаешь пределы. Вот Богословский переступает — прислал мне записку о вызове в ЦК. Нашёл с чем шутить... Ладно, вернёмся к Гончарову. В общем, прекращаю экзаменовать вас по каждому тому. Верю, что вы сами прочитаете и “Фрегат Палладу”, и его статьи, и, пожалуй, даже письма — они в последнем томе. Но сейчас я хочу добавить, так сказать, последний штрих. — Брусиловский снял с полки один из томов Гончарова. — Вот

здесь напечатаны его малоизвестные очерки и повести. Беру первый очерк — “Иван Саввич Поджабрин”. Очерк великоватый, шестьдесят страниц... Ну ладно. Возьмите книгу. Заложите один палец перед первой страницей, а второй — после крайней. Ну вот, ваши пальцы теперь ощущают толщину очерка. Теперь один из пальчиков уберите, определите на глаз середину очерка и раскройте книгу именно на этой странице... Та-а-ак... Какая страница у вас получилась? Двадцать третья? Глазомер у вас неважный, но пусть будет так. Будьте добры, прочитайте эту страницу вслух, но прихватите и двадцать четвёртую, чтоб уж получился целый лист... Только учтите, что я намеренно не выбирал страницы. Мы с вами затеяли игру в “гадание” по книге. Но будем гадать не о своей судьбе. Прочитав лист, вы должны угадать, о чём шла речь на предыдущих страницах, а потом пофантазировать о том, что нас ожидает в конце. Ну — читайте! — Евгений Григорьевич снова уселся напротив меня и приложил палец к носу, изобразив сверхнапряжённое внимание.

Я довольно бойко прочитал восхитительно-легкомысленный диалог глуповато-напыщенного чиновника и кокетливой мешаночки, чей муж был в командировке: типичный флирт двух примитивных существ с претензией на культуру чувств и мыслей.

— Вот вы прочитали всего один лист, — медленно проговорил композитор. — У вас не было предыдущих данных ни о нём, ни о ней. Кроме того, вам неизвестна концовка. И всё же: могли бы вы именно сейчас, не имея никаких данных, рассказать мне биографию Ивана Саввича и Анны Павловны? Вы можете увидеть их в детстве, а потом уже в преклонном возрасте?

И началось моё упомогающее фантазирование, изредка прерываемое возгласами маэстро: “Так-так”, “Ну и ну”, “Да что вы говорите” и тому подобное. Это действительно была игра — игра колючая, разрушающая систему запретов в художественном вымысле и активизирующая воображение.

— Ну всё, достаточно, — наконец-то изрёк Евгений Григорьевич. — Весь очерк прочитаете дома и сравните с тем, что нафантазировали... Теперь вы поняли, кто такой Гончаров? Всего один лист, вырванный из середины, вмещает в себя объёмную биографию двух персонажей. А какое драматургическое мастерство! Ведь то, что вы прочитали вслух, — это готовая одноактная пьеса, тут и инсценировать ничего не надо... Как жаль, что Гончаров не писал пьес! Какой гениальный драматург умер в нём! А какие оперные либретто мог бы он писать...

... Много лет спустя, преподавая русскую литературу XIX века в различных вузах, я читал студентам лекции о Гончарове, так сказать, “по Брусиловскому”, неизменно ссылаясь на композитора, и почти всегда кто-то из слушателей выражал недоумение: неужели так мог рассуждать музыкант, а не филолог? А на практических занятиях я с удовольствием дублировал инцидент с “Иваном Саввичем Поджабриным”: читал вслух ту самую двадцать третью страницу и предлагал студентам придумать биографии персонажей без предварительного чтения других страниц... И теперь могу признаться уже без всякой иронии: общение с Брусиловским — это не только мой музыкальный университет, но и второй филфак. Да, второй филфак! В самом прямом смысле!

Багдат ХАСЕНОВА

ТЕАТР

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖИВОПИСИ

Минувшей осенью в столичном Русском драматическом театре имени М. Горького открылась необычная выставка картин. Молодая художница Дарияш Касымова представила на суд поклонников живописи свою дебютную персональную экспозицию “Знакомых образов черты (Театральный портрет)”.

Примечательно, что среди зрителей оказались любители и служители Мельпомены.

Необычность экспозиции заключается в её теме. Впервые она полностью посвящена актёрам.

В настоящее время Дарияш Касымова работает заведующей гримёрным цехом в Русском драматическом театре имени М. Горького. Покорять искусство живописи начала чуть менее года тому назад. Однако похвастаться такой творческой активностью может не каждый художник со стажем. Год работы — и более тридцати высокопрофессиональных портретных произведений. По словам самой виновницы торжества, в этом ей помогают знания, полученные в художественной школе города Павлодара. Совершенствованию мастерства способствует и учёба на дизайнерском факультете Инновационного Евразийского университета. Работы Дарияш Касымовой отмечены и на мировом уровне. На IX Международном

фестивале творческой молодёжи “Шабьт” её творчество получило положительную оценку в номинации “Изобразительное искусство”. Художнику удаётся умело совмещать свою основную деятельность с изобразительной. Её работы представляют собой слияние театральных и живописных образов в еди-

ном художественном.

Воспроизводить театр сквозь призму другого искусства, по признанию Дарияш Касымовой, безумно интересно. По долгу службы ей приходится общаться с актёрской братией, участвовать в постановке спектаклей. Непосредственный контакт с артистами и помогает в создании картин, способствует более глубокому раскрытию их образов и идеи произведения. Портреты художника воспроизводят актёров как в образах сценических героев, так и в обычной, повседневной жизни.

Поздравить Дарияш Касымову пришли её коллеги, родные, журналисты, писатели. Они высоко оценили огромный талант юного живописца.

Известный писатель, редактор журнала “Нива” и большой друг театра Владимир Гундарев считает, что эти портреты представляют собой опоэтизированные образы актёров. А картинная галерея — праздник не только для театра, но

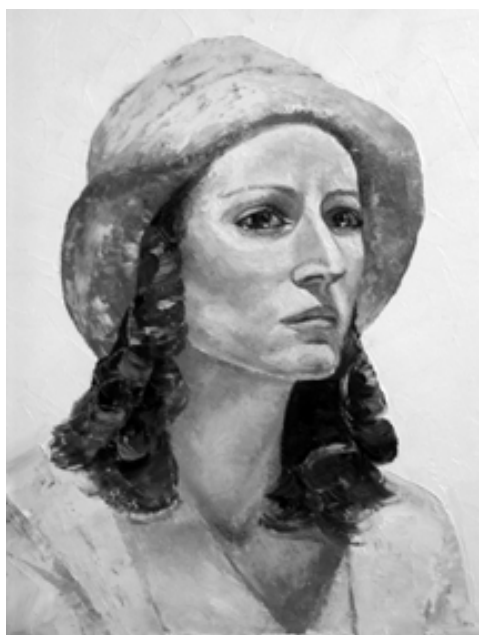
и для всех его многочисленных поклонников.

По признанию Дарияш Касымовой, особую любовь она испытывает к спектаклю по одноимённому роману М. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Её симпатия к этой постановке воплотилась в численном превосходстве картин, воссоздающих её героев. Произведение великого русского писателя Михаила Булгакова через творения Дарияш Касымовой

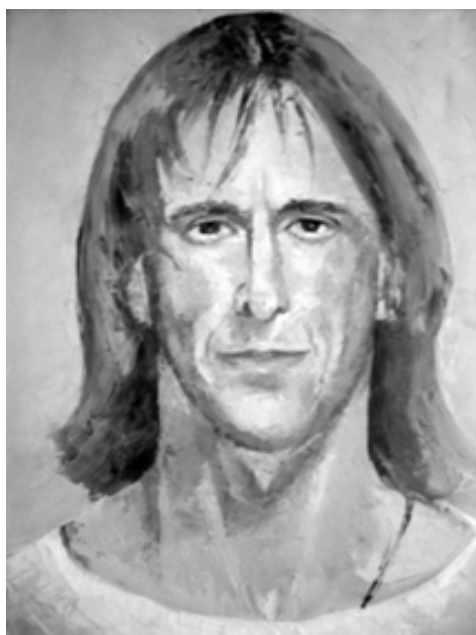
получило второе творческое бессмертие, сотворённое кистью. Ведь рукописи не горят, как и холсты.

Отныне для зрителей спектакль будет начинаться вот с этих немых, застывших картин, молчаливо висящих в холле театра. Но актёры на них продолжают вести бесконечный диалог со зрителем, играть в теперь уже вечный спектакль.

г. Астана.

**“Маргарита”. Портрет актрисы Светланы Фортуны.
Спектакль “Мастер и Маргарита”.**

**“Мастер”. Портрет актёра Сергея Лепустина.
Спектакль “Мастер и Маргарита”**

“Охота к перемене мест...”

Супруги Виктор и Валентина Саенко, о которых “Нива” неоднократно писала, известны в Астане и за её пределами как высококлассные специалисты сферы кафе-ресторанного бизнеса, умеющие прекрасно, с выдумкой и вдохновением, творчески оформить интерьеры такого рода заведений, придать им особенные, колоритные и неповторимые черты. Виктор, в частности, не только отменный знаток дизайна, но и мастер на все руки, не чурается любой черновой работы, чтобы создать подлинное произведение искусства. Валентина — превосходный повар и кулинар. Впрочем, не только кухня её стихия. Она хорошо знает тонкости рекламного дела, умеет привлечь посетителей в кафе или ресторан необычной программой отдыха,

придумать что-нибудь оригинальное, чтобы создать атмосферу уюта, душевности, очарования.

Как люди творческие, Виктор и Валентина немного с причудью. А потому отличаются от благоразумных сограждан непредсказуемыми и странными, на обывательский взгляд, поступками, способностью на некоторые “безумства”.

Вот и однажды, неожиданно оставив благополучную и размеренную среду обитания, налаженное дело, они вдруг отправились путешествовать по России. И начали своё необычное путешествие с побережья Тихого океана. А уже оттуда, не ограничивая себя временем и сроками, двинулись с востока на запад, затратив на свою “кочёвку” попутным транспортом, автостопом от пунктов А, Б и до Я целых полгода. При этом супруги Саенко прекрасно понимали, что, вернувшись домой в Астану, им всё придётся начинать сначала. Однако рискнули, эти люди с доброй чудинкой. О некоторых памятных эпизодах, связанных с пребыванием в Приморье, Валентина потом написала путевые заметки “Казахская юрта на берегу Тихого океана”, которые были опубликованы в десятом номере “Нивы” за 2005 год.

Прошлое лето “кочевники” посвятили тому, чтобы водным и сухопутным путём пройти от Каспийского моря через Волгу и Дон до Азовского. При этом — обилие впечатлений, множество интересных и незабываемых встреч. Несколько зарисовок супругов Саенко о пребывании в шолоховских местах “Нива” предлагает читательскому вниманию.

Валентина и Виктор САЕНКО

На донской земле

Ведро

На берегу Дона в станице Вёшенской стоит памятник — собирательный образ всего казачества, посвящённый роману “Тихий Дон”. Григорий Мелехов на горячем скакуне и Аксинья с ведрами, идущая навстречу своей любви, судьбе.

Величавый Дон, всё наше путешествие к сердцу шолоховских мест — и я разрыдалась: чувство благодарности к людям, что сумели донести до нас, потомков, то восприятие Шолохова, какое было с детства — вырвалось наружу. Наш гид — историк, умница Сергей, видя моё слишком лирическое настроение (на кладбище тоже слёзы), предложил, мол,

давайте я вас развеселю:

“Отливали памятник в Ростове, но когда везли по дороге, недалеко от Вёшенок потеряли одно ведро, которое несёт на коромысле Аксинья.

Утро было раннее. Седовласый дедок — маленький, высохший, неопределённого возраста (то ли 70, то ли 80 лет) пас возле дороги свою любимую козу Катьку. Не столько пас (дома она ела вместе с дедуней), сколько прогуливался и дышал воздухом сам. Да и хлопотунья-бабка выгнала из куреня докучливого муженька: “Иди с Катькой травы пожуй, пока оладьев напеку”.

Дед беззлобно проворчал, что он-де траву не ест, махнул рукой, что с бабкой спорить?

А меж тем ведро тяжёлой булыгой катилось под ноги деду.

“Катька, геть в сторону”, — кинулся спасать дедуня свою любимицу, ложась грудью на маленькую козочку, мирно жующую траву. Булыга лежала далеко в стороне.

Дед встал, чинно отряхнулся, проворчал: “Вот, Катька, чуть ноги нам не пообламывали. Ладно, я старик, век доживаю, а ты-то?... Молоденькая, незамужняя. Кто тебя хромоногую полюбит?”. Разговаривая с козой, дед с интересом рассматривал неожиданный подарок.

“Эх бессеребряники, эх хозяйва, таку вещь потеряли. Как же Аксинья-юшка с одним ведром-то? Ить несподручно будет, неловко нести-то?”.

Дед понял, что упавшее с машины ведро — элемент композиции памятника, разговоров было много в станице на эту тему, уж и постамент был готов. Но что интересно, для всех, кто живёт на шолоховской земле, все образы, описанные в “Тихом Доне”, живые. Аксинья, Григорий, Мелеховы — деды, прадеды.

“Тащить не могу, оставить нельзя”, — обсказывал ситуацию своей подруге дед. “Алкашня голоштанная враз на металлцвет сдаст. Почитай, ни на один ящик вина-то хватит. Ишь молодца, — похвалил неведомо кого. —

Блестит-то как, тяжеленное ведро-то. Видать, памятник ва-а-а-жный”, — употребил любимое слово дед.

До куреня было недалеко, но зря старуха и звала, и ругалась, приглашая старика завтракать. Негодуя на непослушание мужа, подбежала к нему с упрёками, но, увидев непонятное занятие “старого дурня”, так и осталась стоять с раскрытым ртом, тем более что дед уж слишком грозно взглянул на старуху:

“Молчи, старая”, — назидательно поднял палец, — здесь дело государственной важности! Сам Шолохов, — беззубо улыбнулся, мечтательно расслабился, — руку мне точно пожал бы. А может, и чаю со мной попил бы”.

Дед запросто мог пригласить на помощь соседа, здоровенного, “шкафного” обличья казака Сашко. Играючи, минут за десять, а не за три часа — допёр бы ведеру казак.

Но тщеславные амбиции, гордость старого вояки... И разгибая спину в минуты частых передышек, дед поглядывал на курень соседа, но пересиливая слабость, мужественно продолжал катить ведро, ругаясь вслух.

Дед настолько проникся “делом государственной важности”, “родственными душами” Аксиньей и Гришкой, что общался уже непосредственно с милой сердцу казачкой: “Вот, Ксюха, не стыдно будет теперича перед людьми...”. Распрямлялся, подмигивал дорогому образу и, вдохновлённый присутствием такой женщины, продолжал свое праведное дело.

Утром следующего дня надел парадную форму — мундир со всеми регалиями и сел перед часами, как бы укоряя ходики за медленное течение времени.

В 8.00 он был в приёмной атамана. Секретаря, когда-то босоногую, сопливую Настю он всерьёз не воспринимал.

“Так, дочка, — гордо и безапелляционно заявил, — докладай атаману. У казака к главе дело государственной важности. — При этом сдвинул сурово кустистые брови, сжал тонкие губы и как смог распрямил согбенную годами спину. — У меня всё по закону”, — подал написанное корявым старческим почерком:

“Заявление

Прошу вернуть Аксинье утерянное по дороге ведро”.

Казак и подпись.

подавая клочок бумаги смешливой девушке, внушал не ей, а как бы всему казачьему люду:

“Нам чужого не надо, ведров своих навалом. А вот Гришка, видя такой безпринцип, носы обидчикам верно бы поразбивал”.

Атаман принял деда и его заявление. Не удивился. Уже звонили из станицы Вёшенская повсюду чиновники, раздосадованные казусом, позором не только на область. Срывалось важное мероприятие: на открытие памятника были приглашены именитые гости, почитатели таланта Шолохова с ближнего и дальнего зарубежья.

Атаман в спешке пожал казаку руку и лишь сказал: “Спасибо, дедуня. Выручил”. Обиделся заслуженный казак. Не те слова. И не дедуня он. “Тоже мне, родственник-внучок нашёлся”, — сверкнул глазами старик.

Махнул рукой и, смахивая слезу, обернувшись на здание администрации, проговорил: “Пойду в Вёшенки, уж Гришка с Аксиньей поймут меня, родные души всё-таки”.

Казачья правда

В станице Обливская живёт колоритная личность Пётр Панфёрович. Борющийся за возрождение казачества, баянист-песенник, руководитель фольклорного ансамбля “Чирские зори”, общественник, неоднократно поощрённый грамотами, орденами.

Высокого роста, мощного телосложения, уже не с очень лихими усами Панфёрович — истинный казак.

Всем хорош человек, но... Очень уж разговорчив. Здороваясь с ним, станичники, не располагающие временем, могут потерять не менее часа, лишь приостановившись пожать казачьему есаулу руку.

Пётр Панфёрович может часами рассказывать о песне, музыке, прошлом, настоящем. От его гневного монолога на любую тему не уйти, не спрятаться. Правдолюб. Критикан.

И вот такого человека обидел сосед: украл старый, ржавый мотор от лодки из сарая Петра Панфёровича.

Реакция казака была однозначной. Кричать, дискутировать привычно не стал. Пошёл к соседу, который уже успел пропить уворованную вещь, молча взял его за шкварник, немного приподнял, встряхнул не напрягаясь и, багровея лицом, произнёс: “Судить будем!”.

Повернулся и ушёл, считая на этот момент ниже своего достоинства что-то объяснять такому ханыге. У которого жизнь: украл — отсидел, вышел — снова украл.

Минутами позже прибежала мать соседа-алкаша и закудаhtала как курица-наседка, взмахивая руками как крыльями:

“Ты, соседushка, не гневись сильно. Пожалей беспутного дурака, не сади в тюрьму. Он и так живёт там, а дома только отдыхает да здоровье поправляет”.

Панфёрович сурово произнёс: “Ты бы раньше кудаhtала-то, когда только вылупился. И то ж...допестовалась. Воспитывать поздно, — рубанул рукой, как отрезал. — Судить будем”.

“Э-т-т-т-о к-к-как?” — заикаясь, округлив глаза, соседка стала садиться на несуществующий стул. “Нагайкой пороть будем, чтоб другим неповадно было. Ведь вот раньше-то воровства среди казаков сроду не было. Какой порядок был!”. И понесло бы речь Панфёровича как перекаати-поле в степи, но в это время вбежал незадачливый воришка, как кур общипанный. Синий, жалкий, худой — трясся то ли от непонятного суда, то ли не успел опохмелиться.

“Это... Панфёрыч, — желая разжалобить расходившегося в праведном гневе соседа еле слышно мякнула соседка из угла, куда так и присела несчастная женщина, — ты ж посмотри на сынка-то, какой болезный...Может, не надо? А?”. Воришка съёжился, оглядел себя и Панфёровича, не решаясь спросить, долго ль бить-то будут, сколько ударов? Одновременно прикидывая, что лучше быть выпоротым, чем опять на нарах париться.

“Та-а-к”, — Панфёрович чинно, не торопясь, достал из шифоньера парадное обмундирование, фуражку, шашку бережно огладил и смачно рубанул ею воздух.

Панфёрович увлёкся: “Казак! По коням!” — зычно крикнул он невидимой сотне. Затем сел за стол и затих. Отрешился. Задумался. Забыл про порку. Вспомнились дед, огромная площадь и казачий военный парад, и он сам, босоногий мальчуган с деревянной сабелькой.

Лишь тихо шли ходики да сопела в углу соседка.

“Были времена, был порядок! Казаки — великая сила!” — зычно крикнул Пётр Панфёрович, грозя кулаками в воздухе неведомому врагу. “Пиши! — приказал он воришке. — Я такой-то, такой-то, разборчиво фамилие, имя, отчество. Согласен на всенародное битё нагайкой на кругу. Для воспитательных целей у честных людей. Число. Подпись”.

Когда сосед отписался, отдал по всей форме написанное заявление (так по крайней мере казалось старому казаку), есаул коротко изрёк командным голосом: “Пока свободен”.

Ханыга бегом кинулся к двери, на ходу поддёргивая драное трико, как будто его уже поучили нагайкой и ему было нестерпимо стыдно перед станичниками.

Мамаша, околдованная серьёзностью момента и не выходя из ступорного состояния, попятилась к двери, стесняясь повернуться задом к такой величине.

Загудела станица, ожили люди, почти все одобрили решение казачьего есаула. Надо же! Удумал. И справедливо, и по-человечески! Но... завертелась административная карусель. Вызвали борца за справедливость в администрацию, в милицию, прокуратуру.

“Самосуд не полагается” и т. д. и т. п. Закручинился казак, хотел как лучше, а получилось как всегда.

Но не стал писать заявление в милицию Панфёрыч. Вскоре ханыга что-то снова украл и загребел надолго. А люди сказали: “Прав был Панфёрович: дело не во всенародной порке, может, проснулась бы совесть у ворюги, человек всё ж таки”.

Заграничная “штучка”

На Дону в конце мая ежегодно проводятся праздники “Вёшенская весна”, — посвящённые дню рождения Шолохова.

Эх и красиво гуляют станицы! Яркие образы казаков и казачек будто сходят со страниц романа “Тихий Дон”.

Голосистое пение, лихие скачки, разудалое веселье — и меркнут бразильские карнавалы перед буйством красок первозданной суровости и в то же время бесшабашной храбрости. Достоинство и простота души — всё органично смешалось. А уж иностранные гости, ошалевшие от невиданного

всепоглощающего праздника — “стоглазо”, да-да, именно “стоглазо” — пожирают увиденное видео-фото аппаратурой, только успевая менять плёнки.

В группе зарубежных гостей выделялся поджарый француз, в кепи дизайна национального флага. “Шарман, шарман”, — жужжал то тут, то там с камерой в унисон. Он как все захмелел от казачьих песен и плясок, но когда дело дошло до джигитовки, рубки лозы — враз сделал надменно-снисходительный вид.

Подошёл к группе казаков, разгорячённых скачкой. “О-о-у, мой имать конезавод Франция. Я есть мастер укрощать коньев”, — обратился как к старым знакомым облитый духами иностранец.

Казаки искони спокойные и уравновешенные, даже после лихой рубки, вежливо поправили: “Рысак не тигра, его любить надо, он часть тебя. Уразумел, мусьё?”.

Француз разгоношился: “Пардон. Я нет рубать тростинки. Я есть обскакать ваш мерин. Мой прадед наполеоновский улан — скакал до Москоу”. Произнося такие торжественные и важные слова, он как-то подстрожил, даже перестал жевать жвачку.

Лягнули на него казаки, и во взорах было всё написано: “Туда-то, может, и скакал на мерине, а обратно на карачках до Парижу. Ваше кафе-бистро — от наших казаков назвалось. Соскочит с коня казак, забежит в кабак: “Быстро-быстро наливай вина”. Так и повелось. Гуляли мы в Парижах. Да и как понять высший класс владения шашкой? Срубить лозу, чтобы она не шелохнувшись аккуратно воткнулась в землю. И ужас наводила казачья лава, когда от плеча до седла “разваливали” на две половинки вражеского седока”.

Рубить с двух рук, как Мелехов, это не всадник, а римская колесница с ножами. Всё давно история. Не сказали ему об этом, а зря. Может, поостереглась бы, выражаясь сегодняшним сленгом, “понтоваться” заграничная “штучка”, как “окрестили” француза между собой станичники.

Так нет же, прорвало “мусьё”: “Какой музык кормить?”. На лицах казаков недоумение. Переводчик разъяснил, что конезаводчик кормит скакунов под музыку Шопена.

Переглянулись: “Да-а-а. Незадача...”. “Под казачью гармонь”, — нашёлся ответ.

“О! Это энтэрэсно! Я одевайт лошадь белый гольф, когда дефиле на подиум. Вы одевайт лошадь гольф?”.

У казаков непонимание, ступор, и голос из толпы: “Не-е-е, мы только в своих портках в седле”. Как уж упросил после такой шоковой терапии француз пройти круг верхом на донском жеребце, они не поняли, но коня подвели.

Прытко, опытно французский гость сиганул на скакуна. Из-за голе-нища выхватил стек. “Ах ты чёрт?! Готовился, видно. Ну покажи удаль хранцузскую”. Несколько мгновений конь прядал ушами, переступал с копыта на копыто, привыкал к всаднику.

Он же не велосипед. Энергетически чувствует, с кем слиться в одно целое или отторгнуть чужеродное. “Э-э-э, дак не хозяйская задница в седле, ну держись!” — в глазах скакуна сверкнули молнии. Конь взвился на дыбы и рванул с места в карьер.

Какое дефиле? Какой подиум с белыми гольфами? Степь! Свобода! Победа! Вот что такое казак и конь.

Через тридцать минут бешеного галопа конь послушно привёз “груз” и сдал побелевшего мусьё “на руки”.

Вот он, казачий край. Вольный ветер, отвага. Одно слово, Дон!!!

Фото авторов.

“Детская комната” “Нивы”

Поэтический “Родник”

Посетителей в редакции “Нивы” бывает немало. В наш скромный офис регулярно наведываются друзья журнала, братья-писатели, видные учёные, известные художники, деятели искусства, политики, дипломаты, депутаты парламента, представители государственных структур, многочисленные авторы, приезжающие в Астану из Алматы, Павлодара, Караганды, Костаная, Петропавловска, Кокшетау, Усть-Каменогорска, других регионов республики. Нередко бывают гости из России, Украины, Германии.

Но вот такого наплыва гостей, как 7 ноября 2007 года, в редакции никогда не было: в этот день к нам нагрянула внушительная и жизнерадостная группа из 26 человек! Причём по своему составу группа совершенно уникальная — в сопровождении преподавателей приехали школьники из города Макинска Буландинского района Акмолинской области. И не просто учащиеся старших и даже младших классов, а члены клуба юных поэтов “Булак” (“Родник”), которым руководит энтузиаст своего дела Тамара Андреевна Барышникова. Она сама пишет стихи, является автором четырёх сборников, и детей с юного возраста приобщает к литературному творчеству. Затея, что и говорить, благородная. Под руководством Тамары Андреевны дети пробуют свои силы в поэзии, сочиняют первые стихи как на заданные темы, так и на вольные, постигают секреты литературного мастерства, изучают не только то, что входит в школьную программу по литературе, но и сверх её. Отрадно, что в круг чтения юных поэтов входит и журнал “Нива”. Вот юные поэты и приехали в Астану: воочию познакомиться с коллективом редакции, а также, что называется, и себя показать. Для этого макинские школьники привезли свой первый коллективный труд — сборник стихов “Булак” (“Родник”), выпущенный Буландинским Домом детского творчества (эта добрая инициатива заслуживает всяческой поддержки).

Конечно, юные поэты делают только первые робкие шаги в творчестве, ещё недостаточно усвоили правила стихосложения, их стихи порой

подражательны и несовершенны. Но ведь в этом возрасте и нельзя требовать от них большего — мастерство приходит с опытом, с годами, зависит от кропотливой работы, умения находить нужное слово, доводить написанное до определённых художественных кондиций. Зато в искренности, наблюдательности, стремлении подмечать характерные черты в окружающем мире, всматриваться в краски природы юным стихотворцам не откажешь. И хорошо, что они усердно учатся выражать свои мысли и чувства в стихотворной форме. Постигая прекрасное, через собственное духовное развитие дети сами становятся его творцами. И какой бы впоследствии, во взрослой жизни, они трудовой путь ни избрали, в их сердцах всегда будет Поэзия.

Ещё хотелось бы, чтобы такие преподаватели литературы, как беззаветно увлечённая поэтическим творчеством Тамара Андреевна Барышникова, были в каждой школе.

Пусть же макинский поэтический “Родник” не иссякает, пусть этот благородный чистый источник утоляет жажду творчества, познания, питает вдохновение и высокие помыслы юных стихотворцев.

Ну а в качестве поощрения начинающих авторов из Буландинского района “Нива” публикует некоторые их произведения из сборника “Булак” (“Родник”).

Анна ГРАЧЁВА

Родине

Я люблю тебя, милая родина,
За родную сторонку мою,
За озёра, весною бездонные,
Я тебе свои песни пою.

Анастасия ЛАСТОВЕРОВА

О тебе

Погода плачет по тебе
И смотрит серыми глазами.
Погода плачет по тебе
Холодными, как снег, дождями.

Погода плачет по тебе,
А в сердце пустота и холод.
Погода плачет по тебе,
Мой милый, ты красив и молод!

Я также плачу по тебе,
С судьбою не хочу мириться,
В какой-то мы с тобой борьбе,
И трудно нам остановиться...

Давай попробуем начать
Сначала, с чистого листочка.
Мой милый, не руби сплеча
И не спеши поставить точку!..

Родина

Что Родина, ты спросишь, для меня?
Ручей, наверно, что течёт за домом,
И с детства, сколько помню я себя,
Леса, поля, где всё мне так знакомо.

Здесь все соседи радуются мне,
И каждый спросит: как дела, учёба?
И словно я на ласковой волне,
До берега быстрее доплыть мне чтобы...

Природа, о тебе болит душа,
Ты нас всегда по жизни охраняешь.
Весною ты, родная, хороша!
Что будет завтра — впрочем, ты не знаешь...

Лесные свалки — боль моя всегда,
Порубленные целые поляны,
Машины ржавые, коробки, провода —
Как будто на земле родимой раны...

Что Родина, ты спросишь, для меня?
Природа, что для нас и для потомков.

Жанна МИЗАМОВА

Тебе

Люблю тебя, но тайно, горько,
Хоть знаю: ты не для меня.
Ах, сердце, почему не зорко?
Бежать бы мне, как от огня...

Тебя я встречу, знаю, снова,
Вновь задрожит душа моя.
Хоть жизнь тебе отдать готова,
Глазами провожу тебя...

Милана ПОЛИЧЕВА

Осень

Запахло первыми дождями,
Повеяло большими холодами
И, осени нисколько не мешая,
Опять идёт уборка урожая.

Вот снова осень у порога
И ожидает очень много,
Она мила и хороша,
Похожа так на малыша.

Ольга БАРДАКОВА**Языки**

Мы говорим на разных языках,
Друг друга понимая с полуслова.
Кто б ни был: русский иль казах,
Всегда найдём мы тему разговора.

Поговорим с тобой о том, о сём,
На русском, на казахском — как угодно.
Друг друга сразу всё равно поймём,
Язык друзей всегда звучит свободно.

Я знаю, согласитесь вы со мной,
Два языка — всегда всему начало.
Где два — там третий нам родной,
Пусть отплывает яхта от причала.

И время то не за горами,
Когда все языки объединят народ.

Юлия ЕЗЕРСКАЯ**Язык — мост дружбы**

Хорошо на свете жить,
Если с языком дружить.
С другом он меня роднит,
Изучать себя велит.

Времена года

Люблю я летом край родной,
Когда он зеленью богат.
По ягоды в лесу со мной
Здесь оказаться каждый рад.

Люблю я осенью свой край:
Покрыты золотом леса,
Богатый собран урожай,
А листья — прямо чудеса!

Люблю родимый край зимой:
На реках толстый синий лёд,
На санках утренней порой
Летит стремглав шальной народ.

Но больше всех люблю весну,
Когда в полях шумят ручьи
И птицы песенки поют,
Мечты сбываются мои!

Жулдыз САЛИМОВА**Язык — мост дружбы**

Солнце клонится к закату,
Озаряя облака.
Дни сменяются ночами,
Мимо — годы и века.

Наш язык пребудет вечно,
Все преграды он пройдёт.
Мы общаемся сердечно,
С дружбой крепко он живёт!

Даяна КАЛИЕВА**Котята**

У тёти Кымбат
Было много котят,
Очень красивых ребят.
Но покинула их мама-кошка.
Мне жалко котят:
Кушать хотят!
И жалко кошку. Немножко.

Екатерина ГРИМАЛОВА**Моё имя**

Мама с папой спорят очень,
Как назвать им лучше дочку:
Даша, Маша, Лена, Мила —
Очень нежно и красиво.
Нет, пускай уж лучше Катя.
Катя, Катенька, Котёнок,
Дорогой ты наш ребёнок!
Мама — “за”, и папа рад.
Все довольны, мир и лад.
Так и стала Катей я —
Нарекла меня семья.

Ирина АНИКИНА**Родина**

Родина — святая колыбель,
Нас качает нежно на руках,
Не смолкает утренняя трель
В чудных зеленеющих лесах.
День наступит — чуткие поля
Расцветают, шелестят травой.
Оживает мёрзлая земля, —
Согревает лучик золотой!
Каждый день нам кажется светлей
На родных засушливых равнинах.
С ними нитью связаны незримой.
Родина — святая колыбель!

Мечты

Лучик звезды над высокой горой
Сердце пленит.
Он мне укажет дорогу домой,
Раз уж не спит.
Чувствую я, что безумно хочу
В небо взлететь.
Только в мечтах я до звёзд долечу,
Лишь бы успеть...

Карлыгаш БУЗАУШИНА

Белка

Непоседливый зверёк
По деревьям прыг да скок.
Тот зверёк в дупле живёт
И орешки в нём грызёт.
Там грибов, орехов много,
Ветка — вот его дорога.
По деревьям прыг да скок —
Белка, рыженький зверёк.

Котёнок

В нашем доме есть котёнок
По прозванию Бесёнок.
Начинает он играть —
В доме всем несдобровать.
То за мышкою помчится,
Всё кругом перевернёт.
Словно рыжая лисица,
Очень хитренько живёт.
Только маму он увидит —
Сразу под диванчик шмыг!
И никто уж не обидит —
В уголке он притих...

Салтанат БАКЫТКЫЗЫ

Родные дали

Голубые озёра и горы,
Солнце яркое светит с небес,
Бесконечные дали, просторы,
Зеленеет вдали тёмный лес.

Алёна ГОЛУБЕВА

Радуга возникла в небе,
Очень яркие цвета.
К ней сейчас подняться мне бы, —
Вот была бы красота!

Наталья ДЕНИСЕНКО**Маме**

Мамочка милая, мама,
Нежно тебя я люблю.
Я у тебя упряма,
Прости ты меня, молю!
За все плохие поступки,
Чем я огорчала тебя,
Ни на какие уступки
Не шла, — очень сильно любя.
Бежит очень сильно время,
Но ты у меня молода,
Красива, — уж ты поверь мне.
Будь же счастливой всегда!

Кристина КАТАЕВА**Попугайчики**

Попугаи Кеша, Даша
В клетке маленькой живут.
Из-за них квартира наша
Лес напоминает тут.

Шум и пение лесное,
Игры целый день подряд,
Ссорятся между собою,
Помириться захотят.

Слушаем, порой смеёмся,
Попугаи — первый класс!
И не знаю, как дождёмся,
Чтобы не пугали нас...

Люблю я макинские дали!
Светлы осенние леса,
Деревья листья потеряли,
Темнеют ночью небеса...

Жанар АХМЕТОВА**Мама**

Мама моя родимая,
Ты такая красивая!
Похожи на звёзды
Глаза твои.
Ложись ты поздно,

При свете луны.
Бывает мне плохо —
Тебе расскажу.
Коль плакать охота —
С тобой посижу...

Анжелика ГУВА**Тебе**

Столько в жизни много красок,
Солнце, музыка, цветы.
Столько счастья, столько сказок,
Потому что в ней есть ты...

Александр НАДЮК**Здоровье**

Здоровье — золото твоё,
Здоровье — лучшее добро.
Здоровье ты побереги,
Не пей совсем и не кури.

Здоровье — сила и успех,
Водой облейся, крикни: “Эх!”
Здоровым стать — болезням мечь,
Ведь быть здоровым — это честь!

Анастасия КУРОЧКИНА**Язык — мост дружбы**

Язык — мост дружбы на земле,
Как в небе облака.
Родной язык тебе и мне,
Всем нужен, как рука.
На казахском и английском,
И на русском говорят.
Языки в пути неблизком
Людам всем нужны подряд.
Говорят из века в век:
Сколько знаешь языков —
Столько раз ты человек!
Чтобы очень умным быть,
Нам сегодня в Казахстане
Три бы языка учить.
Я желаю всем удачи.
Пусть будет так,
А не иначе!

Екатерина ШКРЕБКО**Родина**

Люблю я родину свою,
Её поля, моря и горы.
Зелёные леса люблю,
Бескрайние просторы.

Люблю я родину свою,
Как мать люблю родную.
Её в душе я берегу, —
Красивую такую!

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Джамиля-апа

Когда я вошла в купе, моё место на нижней полке было занято. Немолодая женщина, по-хозяйски устроившаяся, обратилась ко мне со словами: — Я твоё место заняла? — Да, — ответила я неприязненно. — Шырагым, я старая, у меня болят ноги, жаным, уступи мне своё место. Ты молодая, тебе легче подняться на верхнюю полку, — продолжила она.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Да и как не уступить, если она так красиво обращалась ко мне. Шырагым — светоч, жаным — душечка. Ах, если бы знала апай, что я за десять дней раньше купила билет, чтобы оказаться на нижней полке! Меня охватили досада и неприязнь. “Расселась и командует!” — подумала я. Наверное, вид у меня был недовольный, так как у моей попутчицы сразу потускнело лицо. “А если бы на её месте оказалась моя мама? И ей не уступили бы место?” — вдруг опомнилась я.

Делать нечего, никуда не денешься, я полезла на верхнюю полку, успокаивая себя: “Ты ведь хотела спать. Так отсыпайся”.

В купе вошли две пассажирки, их апай встретила молча — наверняка мой недовольный вид испортил ей настроение.

Я невольно стала разглядывать её и отметила, что моя попутчица — красивая женщина. Белокожая, ухоженная, с тонкими чертами. А старчески добрые глаза делали её лицо приветливым. Она смотрелась немолодо, лет шестьдесят с гаком. На голове — белый батистовый платок, который очень освежал её, одета в платье из дорогого натурального шёлка. На руках — старинные казахские золотые браслеты, дорогие кольца, а в ушах — внушительные серьги с бриллиантом. Чувствовалось, женщина — мать или теща крупного чиновника из Астаны.

Опоздавшие попутчицы были знакомы друг с другом, поэтому, не обращая на нас внимания, не здороваясь, невозмутимо расселись по своим

**Дария
Тукеновна**

ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

родилась в 1951 году в Темиртау. По специальности экономист, работала в торговле, занималась предпринимательством. Ныне на пенсии, живёт в Караганде.

Автор книги “Мужчины умеют ценить умных женщин” (2005) и повести для детей “Еркегали по прозвищу “Кошмарик” (2007). Победитель

конкурсов “Легенды Казахстана” (2005), “Золотая табуретка” (Бишкек, 2007), “Моя родина Казахстан” (2007), номинант премии “Исламский прорыв” (Москва, 2005).

Неоднократно публиковалась в российских детских изданиях: в журнале “До шестнадцати и старше” печатались её юмористические рассказы, в других — детские стихи. В “Ниве” выступает впервые.

местам. Пока проводник собирал билеты, разносил постель, они вели себя так, как будто в купе находились одни.

По их разговору я поняла, что они — преподаватели вуза, едут в южную столицу на конференцию. Женщины вели себя довольно высокомерно, подчёркивая в беседе, что они учёные — кандидаты наук. Апай, будто не замечая неуважения попутчиц, доброжелательно обратилась к ним. Её воспитанность вызвала у женщин уважение, и они, смущаясь, как ученицы, отвечали на её вопросы. Знакомиться и поддерживать беседу со мной у них не было желания, возможно, я им не подходила по статусу. И тут апай обратилась ко мне:

— Айналайн, мне так неудобно, что я заставила тебя уступить своё место. Прости.

Её вежливость поразила нас, которые давно не употребляют это нежное и ласковое слово “айналайн”, в переводе с казахского — “оберегаемый мной”. Помню, когда я училась в младших классах, родители будили меня словами: “Шырагым, вставай, собирайся в школу”. С таким красивым словом “светоч” раньше в казахских семьях обращались к детям. А мы, став взрослыми, забываем многие традиции, наша речь стала грубой и вульгарной. Почему-то всё хорошее легко забывается, а дурное — быстро перенимается.

После её ласковых слов в купе стало уютнее и светлее.

— Зовите меня Жаке, — представилась она. — А полное моё имя, которое дали родители, — Джамиля.

В переводе с арабского, хотелось мне добавить — красивая. Сейчас его редко дают дочерям. Современных родителей привлекают красивые, звучные, чаще иностранные имена, которые, увы, не всегда подходят их хозяйкам.

За окном тянулись полустанки, двери вагона открывались и закрывались. Выходили и заходили пассажиры. Поезд при приближении к станции, будто живое существо, сопел, крихтел, притормаживая. Потом вздрагивал, как засыпающий человек, дёргался и, скрипя, возвращался к первоначальному ритму... Время показывало, что в пути мы около двух часов. В вагоне было душно, кондиционер не работал. Жара утомила моих попутчиц, они уснули. А за окном мелькали поляны, изумрудные луга, небольшие рощи, вскоре мрачные сопки начнут отбрасывать зловещие тени.

Я знала как нелегко достались эти просторы моему народу, в вечных сражениях с ордами коварных джунгарских племён. Постоянно устраивая набеги на казахские аулы, они убивали малолетних детей и стариков, а юношей и девушек забирали в плен, уводили скот. Говорят, самые кровопролитные сражения велись на юге Казахстана, где по весне степь будто покрывается ковром из алых маков и тюльпанов.

Мне на секунду показалось, что я слышу крики стариков и женщин, гул сражения и звон сабель. По дороге пробежал заяц, а вот показались и сурки. Они стоят, как часовые, охраняя покой своих семей. Говорят, это очень умные зверьки. Когда они попадают в капкан, слёзы льются из их глаз, но наших браконьеров ничем не остановишь!

Высоко в небе пролетел красавец-беркут — символ Казахстана. Меня поражают эти птицы! Вид у них грозный, а какие они преданные друзья!

Скоро появится озеро Балхаш. Голубая гладь живого зеркала будет долго сопровождать наш поезд, демонстрируя свою красоту и величие.

Вечереет, усталые рыбаки возвращаются домой, а дети весело машут руками, желая нам доброго пути. К этому времени наша попутчица Жаке успела проснуться — от неё потянуло уютом и теплом. В её возрасте обычно мало спят. Она обратилась ко мне:

— Шырагым, я выйду, приведу себя в порядок, чтобы прочитать вечернюю молитву.

Когда она вернулась в купе, я предложила ей свою помощь. Апай попросила меня достать ей коврик для молитвы — жайнамаз. Я заранее приготовила прочитанные газеты и подложила их под коврик, а затем поднялась на соседнюю верхнюю полку.

Я помню, как в детстве моя бабушка совершала намаз в своей комнате, и у меня осталось трепетное чувство к верующим людям. Я и сама знала несколько молитв, которые вспоминала при сложных житейских ситуациях. Джамиля-апа читала молитву, полностью посвятив себя ей. Лицо у неё было отрешённое. В такие минуты истинно верующие люди как будто парят в небесах.

Закончив молитву, она окликнула меня, я помогла ей встать. Убрав коврик на место, предложила ей попить чаю. Когда я принесла чайник с кипятком, апай заварила чай своим способом: бросила в кипяток семь пакетиков заварки, немного гвоздики и маленький кусочек сахара. Купе наполнилось ароматом чая. Она стала выкладывать на стол продукты, это были деликатесы из конины. Я кинулась за своими продуктами, но она остановила жестом:

— Не надо, здесь всем хватит!

Обе попутчицы вернулись в купе и тоже были приглашены к трапезе. Всё вызывало аппетит, а красиво нарезанные помидоры и огурцы делали стол нарядным. Мы дружно налегли на еду. Джамиля-апа стала нас расспрашивать, откуда мы и чем занимаемся? Мы рассказывали о себе, она очень внимательно слушала, при этом приговаривая:

— Дорога длинная, кушайте, не стесняйтесь, вы молоды.

После ужина я вышла в коридор. Темнело. Солнце уходило, не успев собрать в пучок свои золотые лучи. Они тянулись и отсвечивали на небе, как капроновая косынка, прошитая парчовыми нитями. Когда я вернулась в купе, Джамиля-апа беседовала с женщинами. Разговор зашёл о нравах общества, о религии. Наша мудрая попутчица рассуждала о том, что безнравственно отрицать то, чего не знаешь.

— При встрече мусульмане приветствуют друг друга словами Ассала-умалейкум — Мир твоему дому! Ни одна религия не призывает к войне и насилию, — говорила она, — все учат терпимости, уважению друг к другу.

Апай рассуждала негромко, вполголоса вторили ей и наши попутчицы. Женщины стремились продемонстрировать свои знания, сыпали незнакомыми терминами, как будто находились на конференции. Я решила их беседу направить по другому руслу и поинтересовалась у Джамили-апай, что за нужда заставила её отправиться в дальнюю дорогу?

Жаке ответила:

— Мои дети скрыли от меня, что внук разводится с женой. Когда я узнала об этом, решила немедленно выехать к ним.

На вопрос: — Что изменит ваш приезд? — Она ответила: — Развод отменю — мои правнуки не должны расти сиротами. У нас так заведено — мы сами среди родных и знакомых находим для детей невест и женихов. И эти традиции не нарушаются.

Мы удивились таким “феодалным пережиткам”. В наших семьях родители тоже не хотят развода. Но мы сами принимаем решения, не прислушиваемся к мнению старших.

Джамия-апа предложила выслушать её рассказ о своей семье, но предупредила, что он будет долгим. Мы согласно кивнули, и она, окинув нас добрым взглядом, начала свою историю:

“Замуж я вышла не по любви. Меня засватала богатая и уважаемая семья в Алматы. Мне не исполнилось и шестнадцати лет, когда к нам пришла сваха и попросила родителей выдать меня замуж. Отец был против, он считал, что я ещё молода. Но мама посчитала за честь породниться с ними, и отец сдался.

Своего будущего мужа я видела несколько раз — он был высоким парнем с крупными чертами лица, старше меня на девять лет. Воспитанный, с высшим образованием. Всегда был одет “с иголки”.

Его мать слыла среди знакомых властной женщиной, рассказывали, что снохи её побаиваются. Свекровь сама выбрала меня в качестве снохи, и поэтому я ответственно отнеслась к своей новой семье. Вскоре поняла: её никто не боялся, а, напротив, уважали, и свекровь общалась со всеми, в том числе и с соседями, приглашала их в гости.

Свекровь была умной и смелой женщиной. Все решения принимались ею. Нужно отдать должное: она была очень справедливой. Семья просыпалась рано, в шесть часов утра, мне, с непривычки, тяжело было вставать. Я была седьмым ребёнком — единственной дочерью в своей семье, и спала, сколько хотела, меня баловали. Свекровь знала об этом и поэтому не разрешала меня будить раньше восьми часов.

Когда я просыпалась, она за завтраком в непринуждённой беседе рассказывала о семье. Я понимала: так незаметно она готовит меня к моей новой жизни. Я ей благодарна — она стала моей второй мамой.

Мы жили в большом красивом доме, построенном для нескольких семей. Имелись два входа, одна часть дома предназначалась для молодых. Постепенно я привыкала к семье, к своей свекрови, вставала в шесть утра и видела по её глазам, что она мною довольна. Моя мама была швеей, и могла шить любую вещь, умела хорошо печь, так что в новой семье у меня появились свои обязанности.

Расскажу, какой красавицей была моя свекровь! Высокая, грациозная, в её походке и движениях было природное изящество. Чёрные жгучие глаза, нос с горбинкой придавали ей сходство с гордыми испанками.

В выходные дни я с мужем отправлялась к моим родным — свекровь поощряла это, так как чувствовала, что я скучаю по дому. Обязательно передавала гостинцы, незаметно помогала моей семье. Я не заметила, как переняла все привычки и даже жесты свекрови. Со временем и моя речь стала, как у неё — певучая, спокойная...

Наш большой дом был окружён садом. Весной всё оживало, фруктовые деревья покрывались нежным цветом, создавая атмосферу праздника. Летом по утрам распахивали окна, и запах цветущей сирени, смешиваясь с ароматом яблонь, персиков и вишен, врывается в комнаты. В оранжее красовались розы, гладиолусы, осенью расцветали хризантемы. Завтракали и обедали мы в саду, в беседке, обвитой плющом и цветами.

Отец работал в министерстве, где занимал высокий пост. Обедал он только дома, наши мужья — тоже. На дни рождения членов семьи в доме

ставили вазы с цветами, а семьи наши были большими, поэтому цветы постоянно украшали наш дом. Свекровь содержала своё хозяйство в образцовом порядке.

В доме была большая гостиная, где собирались приглашённые. Иногда и нас с мужьями приглашали за стол. Внуки играли на музыкальных инструментах, а мы, снохи и наши мужья, пели, развлекали гостей. Это были незабываемые вечера! Встречая гостей, свекровь не забывала семью. Еда для нас и внуков готовилась отдельно, чтобы они не бегали в гостиную, их кормили, и никогда ни мои, ни другие дети не мешали гостям, как сейчас у многих заведено. Никогда я не видела, чтобы кто-то из внуков дрался или кого дразнил. Это были умные и культурные дети.

Свекровь родилась в знатной семье, жила в роскоши и в один день всё потеряла. Но она не растеряла главное богатство — ум и мудрость. Теперь я понимаю, почему в ней было столько благородства. Она ни на минуту не забывала о своих корнях, нищете и лишения перенесла с достоинством и была вознаграждена.

Ей повезло с мужем, она создала с ним отдельное государство, которое называется «семья». Она родила и воспитала детей, внушая им, что они — представители знаменитого ханского рода. Её аристократизм передался им по наследству. В ней были гены первых красавиц, которых сватали для ханских сыновей. Всё в ней сочеталось: мудрость, благородство, ум. И муж понял это, когда отдал ей бразды правления в семье. Всех жён для сыновей она выбирала сама. Они были высокими, стройными, белокожими. Казалось, что мы её дочери — так сроднились мы с ней и были похожи на неё. В семье не было сплетен. Если у кого из нас возникали проблемы, мы делились со свекровью, и она их решала.

В нашей новой семье снохи и зятья обладали особым статусом — родители были на их стороне. В моей семье меня не готовили к взрослой жизни. Я обратила внимание — в казахских семьях не ведут беседы с дочерьми. Может, поэтому у наших детей возникают проблемы: ведь ни в школе, ни в институте не говорят о половом воспитании.

В семье был культ одного мужчины — нашего свёкра. Он был высокого роста, под два метра, холёный, с умными пронзительными глазами. Всегда со вкусом одевался. С женой они жили дружно. Если он бывал недоволен, она это чувствовала. Внуков он баловал, к снохам обращался ласково со словами: «Айналайн!».

Мой муж признавался, что никогда не слышал, как родители ссорятся. Они уходили из дома в дальнюю беседку, и дети не знали, о чём они там говорят. У них было заведено: муж обеспечивает семью, а женщины воспитывают детей, ведут хозяйство.

Замужние дочери были доброжелательными. Многие ругают золовок, но я и другие снохи никогда не были ими обижены. Свекровь говорила: «Если будешь плохо относиться к снохе, та же участь постигнет и твою дочь». С самого раннего возраста она внушала, что дочери — как временные гости. Поэтому отношение к ним должно быть уважительным — их баловали. Если мне скажут, что в нашей семье был матриархат, я отвечу, что это лучшее из всего, что может быть на земле!

В семье случались неприятности, в конце 60-х годов свёкра, работника министерства, досрочно отправили на пенсию. Вот когда я поняла, какими двуличными могут быть люди — даже сваты перестали общаться.

Родители не подавали вида, они мужественно пережили увольнение. В её косах появились первые серебряные пряди. Когда свёкор остался без работы, я поняла, что у него сложный характер. Но она умела его мягко успокоить, не давая возможности его гневу вырваться наружу.

Свекровь никогда никого не хвалила, мне было приятно слышать одну лишь фразу, сказанную ею: “Я знала, что ты всё поймёшь!”. Это была высшая похвала. В эти слова она вложила всё: что не ошиблась, выбирая меня снохой. Я стала полноправным членом семьи. Тогда вся культурная жизнь протекала в столице. Мы ходили в театры, в кино, иногда — всей семьёй. Устраивали званые вечера, приглашали своих родных и знакомых. Особенно мы любили, когда свёкор брал домбру, и родители пели вдвоём. Красиво и слаженно звучали их голоса, когда они исполняли старинные казахские песни, шедевры народного творчества — “Кара торгай”, “Таухар-тас”, “Саулем-ай”.

Сейчас многие хорошие обычаи забываются. В нашей семье снохи старались не показываться на глаза свёкра. Никогда не перечили мужу, и поэтому было мало разводов, мало сирот. Я — мать и жена — уверена в том, что счастье семьи в руках женщины. Я знаю много умных мужчин, занимавших большие должности, которые бросали своих жён из-за того, что её с детства не научили уважать мужа. Отчего мужчины гуляют? Потому что их не тянет домой, жена не создала такую обстановку, чтобы его тянуло к семье. Раньше казахи говорили: “Не стриги волосы — чем длиннее коса, тем счастливее судьба”. Женщины теперь легко расстаются с косами и ходят, как мужики, остриженные, и манеры, как у мужчин: курят, ругаются. А нас с детства учили быть нежной, ласковой, мужья любят, когда жёны целуют, ласкают своих детей, а сейчас врачи говорят, что это негигиенично.

Могу похвастать своим мужем и его братьями, они подражали своему отцу, в семье редко возникали скандалы. И в этом была огромная заслуга моей второй мамы — свекрови. Только прожив большую красивую жизнь с нею рядом, я поняла, что её внутренняя красота, воспитанность облагораживали всех нас.

Прошло больше двадцати лет, как не стало свекрови, она ненамного пережила свёкра. И потом потеряв их, мы, снохи, поняли, что примером в нашей семье была любовь родителей. Они любили друг друга, но стеснялись при нас это показывать. И сейчас я помню их нежные взгляды, которые они дарили друг другу, как они, обнявшись, уходили далеко от дома, чтобы наедине признаться в любви.

Наши семьи похожи, потому что мы любили своих мужей, а они — нас. Мы и детям передали, как вы говорите, “феодалные пережитки”: ласково разговаривать с малышами, уважать мужа, не ругаться, не сплетничать, не стесняться красивых и добрых слов. В горе и в беде плачиваться.

Поэтому развод внука мне неприятен. Я постараюсь пожить с ними, разобраться в их конфликте и помочь сохранить семью. Я знаю: мой внук не привык к скандалам и грубости, которые позволяет себе сноха. Меня удивляет, почему мать не подготовила свою дочь к семейной жизни? Она может не поздороваться, не любит встречать гостей.

У нас в семье всегда уважали и чтили старших. Любимой пословицей свекрови была такая: “Тортеу тату болса, элемнин торт бурышын билейды”. (Если четверо дружны, завоюют мир).

Я считаю, что семью можно сравнить с алмазом. Какой будет семья? Как будет сверкать этот алмаз? Каким бриллиантом станет? Всё зависит от огранщиков — мужа и жены. Какие грани будут больше сверкать? Это зависит от их общего труда”.

Мне не спалось, я радовалась знакомству с мудрой женщиной. На мой вопрос: — Почему мы стали такими? — она ответила: — Неправильное воспитание в семье. Я старше тебя, и нас воспитывали на уважении к мужчинам. Уважение к хозяину семьи, к отцу детей — необходимо. Если ты не почитаешь своего мужа, как можно добиться уважения от детей? Для того, чтобы дать им хорошее воспитание, нужно самим родителям правильно себя вести. Моя свекровь говорила: “Если будешь жить, сплетничая, обманывая, точно так же будут жить и твои дети”. Вседозволенность и безнаказанность — вот причина и бич вашего времени. Посмотри, как молодые чиновники ведут себя? А если бы они знали, что их уволят, за взятки накажут, не было бы этого безобразия. Ты слышала, чтобы чиновника уволили за грубость и хамство? Я читаю газеты и журналы, к сожалению, уровень их резко снизился. То же самое можно сказать и о нашем телевидении.

Джамиля-апа возмущалась и была в чём-то права. Я рассказала о моей семье, о своих проблемах. Моя собеседница ответила: — Девочка, ты сама создаёшь себе проблемы. У тебя прекрасный муж, его вина, что мало зарабатывает. Но от твоих ссор деньги у вас не появятся, не требуй того, чего муж не может. Бог награждает каждого человека: кого умом, богатством, благородством, порядочностью, честностью. У твоего мужа много достоинств, только ты о них почему-то забыла. Вспомни, у тебя есть время. Возвратившись — разложи свою жизнь, как книгу. Раскрой страницу за страницей, и ты увидишь, что жизнь — книга, которая повествует и о хорошем, и о плохом.

Самая плохая черта нынешней молодёжи — нетерпимость и неуважение друг к другу. Не завидуй богатству! Моя свекровь была знатного рода, её семья жила в роскоши, но советская власть всё изменила, в один день они всё потеряли. Но она сохранила благородство, ум, порядочность. Перед кончиной она все драгоценности разделила между снохами. Просила носить и не снимать, как память о себе.

Не знаю, была ли хорошей свекровью, но я жила по её принципам и оставила всё, как было при ней. Я старалась, чтобы не была запятнана наша фамилия, слава Аллаху, пока мои дети её не посрамили. Может, кого обидела на этой земле, но я старалась во всём быть похожей на свою свекровь. И если вот в такой беседе моя сноха расскажет обо мне с любовью, то я перевернусь от радости в могиле.

И ещё запомни, доченька, что место мужчины в каждой семье особенное. Мне сейчас восемьдесят пять лет, часто вспоминаю мужа, без него мне одиноко. И даже те, кто считал свой брак не самым лучшим, только потеряв супруга, почувствует, как он нужен. Я верю, что мы на том свете все встретимся: и муж, и свекровь, и другие родственники. Мне осталось немного. Но я счастлива, что прожила жизнь в этой семье, так предначертано было судьбой. Моя свекровь была наделена таким умом, таким благородством, что невозможно не восхищаться. Постарайся и ты прожить так, чтобы о тебе могли рассказать, как о моей свекрови...

Поезд приближался к южной столице. После короткого сна Джамиля-апа выглядела по-прежнему свежей и отдохнувшей. Встреча с прошлым, яркие воспоминания будто прибавили этой удивительной женщине новых сил, озарив её лицо внутренним светом.

Легенда об озере Шайтанколь

— Красивы горы Каркаралы, стеной окружающие Каркаралинск. На их вершинах живут беркуты — зоркие стражи казахской степи, — неспешно начал свой рассказ старый жирши. — При появлении врага они криком сообщают о надвигающейся беде. Внимательно следят за сражением, если силы у воинов иссякают, беркуты камнем сверху падают на врага, выклёвывают им глаза.

В те давние времена степь сотрясали набеги вражеских полчищ. Казахи заключили мир с джунгарами, выдав им степных красавиц в жёны. Всего три года выдержали коварные враги и снова стали нападать на аулы, убивать стариков и детей, а юношей и девушек уводить в плен.

Весь народ встал на защиту своей земли, но силы были неравные — много оказалось охотников за чужими богатствами. Тогда обратились казахские батыры к богу:

— Силы неравные у нас, Всевышний, не дай погибнуть нашему народу: преврати тела мёртвых и раненых в камни!

Бог откликнулся на их мольбы — вмиг все погибшие стали каменными глыбами. Они сомкнулись между собой и образовали кольцо.

В панике и ужасе враги подавили друг друга, пытаясь выбраться из каменного кольца. А матери казахских воинов, увидев, как на их глазах окаменели сыновья, стали горько оплакивать их, и от слёз образовалось озеро Шайтанколь, оно стало разливаться и унесло оставшиеся тела джунгар.

С тех пор исчезло племя заклятого врага казахов!

А там, где стояли в кольце погибшие и раненые воины, появились сопки.

И жирши, ударив по струнам домбры, запел:

*— Вечные стражи казахской степи,
Тёмной грядой появляетесь вы.
Что за злодей вас околдовал,
Каменной цепью к земле приковал?*

*— Мы — вечные стражи казахской земли —
В битве с джунгарами здесь полегли.
Клятву мы народу дали:
Если погибнем, глыбами станем.*

*Каменной цепью мы вместе сомкнулись,
В наших объятьях враги задохнулись.
Вечную службу на страже земли
Мы добровольно решили нести.*

... Вот такую легенду рассказал детям старый жирши. Маленькая Алтыншаш — дочь бая Каратая и сын табунщика Алтай любили слушать легенды об озере Шайтанколь. И каждый раз убеждались, что бы ни говорили об озере, его тайна волнует каждого.

Летом здесь многолюдно, откочевавшие на джайляу собирают юрты и пасут скот у подножия гор. Молодёжь по вечерам разжигает костры, установив качели-алтыбакан, девушки и юноши всю ночь поют о любви. А аульчане, закончив домашние дела, спешат к ним, как на праздник. Им нравится смотреть, как веселится молодёжь, слушать их песни о любви, о красоте гор Каркаралы и о тайне озера.

Время быстро пролетело. Дети повзрослели. Алтыншаш превратилась в красавицу, а Алтай — в смелого юношу.

Молва о красоте девушки долетела и до аула бая Арыстана, собиравшегося женить сына. Прав ли народ, расхваливающий красоту дочери бая Каратая? Он решил взглянуть на неё, а увидев, не смог отвести глаз: вот достойная невеста для его сына! Белокожая, с правильными чертами лица и родинкой у губ, с глазами новорождённого верблюжонка, Алтыншаш была ещё ребёнком, ей едва исполнилось пятнадцать лет. Каратай гордился красотой своей дочери и потребовал большой калым. Ему приятно было сознавать, что Арыстан — потомок казахских ханов, торопится женить сына, боясь, что девушку засватают другие.

Алтыншаш не знала, что отец собирается выдать её замуж. Она стояла на вершине горы и, любуясь сверкающей от солнечных бликов водной гладью, говорила:

— У меня сердце сжимается от боли, когда озеро называют жестоким и злым. Посмотри, какое оно красивое! Отсюда, с вершины, оно похоже на огромное око, синего цвета, как сапфир. А ели — его ресницы. Белки-проказницы прыгают по вершинам деревьев, не боясь, берут угощение с рук. Как красиво! Белые лебеди — как жених и невеста — плывут по зеркальной глади и любуются своим отражением. Если бы меня спросили, кем я хотела бы родиться, ответила бы — лебедью. Я люблю наше озеро и не верю сказкам о его жестоком нраве.

Алтай любовался девушкой, её чёрными сияющими глазами. Его чувство к ней было настолько сильным, что скажи она сейчас: “Докажи свою любовь, прыгни с вершины!”, он, не задумываясь, бросился бы в озеро. Жизнь без Алтыншаш не имела для него смысла. А с недавних пор отец девушки не разрешает им встречаться как прежде.

— Твой отец считает, что я беден и недостойн тебя! Ты дочь богатого, — с горечью произнёс Алтай.

— Я тебя люблю! — ответила девушка. — Посмотри на себя в зеркальную гладь озера. У тебя смоляные кудри, лик как у ястреба, ты самый отважный юноша в округе! Все говорят, что мы с тобой красивая пара!

... Тем временем её отец Каратай требовал от токал — своей молодой жены, чтобы дочь прекратила встречаться с этим бедняком. Мать девушки плакала:

— Алтай и наша дочь вместе выросли, они любят друг друга. Не мешай им! Не делай несчастной единственную дочь!

... А юные влюблённые никак не могли расстаться.

— Ты знаешь, что говорят о нашем озере? По ночам из него выходят черти и топят запоздавших путников, — сообщил полущутя юноша.

Алтыншаш разгневалась:

— Я не верю, что озеро бывает жестоким! Это злые люди придумывают всякие небылицы, чтобы напугать остальных. Посмотри! В жаркую погоду вода голубая, как бирюза, а вечерами зелёная, как изумруд! А

водоросли — косы плавающих русалок. Давай ещё постоим, Алтай! Я так люблю тебя и не хочу расставаться ни с тобой, ни с этим чудным озером.

Вдруг на их глазах вода расступилась и на берег вышла красавица русалка, в длинном голубом платье, с распущенными зелёными волосами, обвитыми белыми жемчужинами.

— Я хозяйка этого озера, — представилась она.

Юноша и девушка изумлённо замерли. Они слышали много легенд об озере, но никто не мог похвастать, что знаком с его хозяйкой.

— Я люблю смотреть на вас, вы — красивая пара! — обратилась русалка к влюблённым. — Хочу предупредить: над вами нависла беда! Отец Алтыншаш собирается выдать её замуж за другого человека. А теперь я приглашаю вас в гости.

Вода вновь расступилась, и все трое очутились на дне озера. Они вошли в юрту, на полу лежали диковинные ковры.

— Я хочу показать вам, что замышляет бай Каратай — сказала русалка. — У меня есть волшебное зеркало, взгляните в него!

Они увидели дом, где жила девушка. Её отец вёл беседу с неизвестным мужчиной. Приложив руки к сердцу, он заверял его:

— Я обещаю, что свадьба состоится осенью, когда скот наберёт жир. Алтая, сына табунщика, я прикажу арестовать и бросить в тюрьму.

— А сейчас, — обратилась русалка к девушке, — ты увидишь своего жениха.

В зеркале появился толстый, прыщавый парень, который капризно выпрашивал: “Когда вы меня жените?”.

... На прощание хозяйка озера предупредила:

— С вами может случиться беда, тогда приходите к озеру и смело прыгайте в воду! Вы не утонете, я встречу вас. Будете жить со мной. У меня всем хватит места!

Влюблённые поблагодарили русалку и отправились домой. По дороге они встретили рассерженного отца девушки, он велел своим людям связать юношу. Алтыншаш поняла, что предсказания русалки сбываются, и приняла решение.

— Я выйду замуж за кого ты скажешь, — обратилась она к отцу, — только отпусти Алтая! — прощаясь с юношей, шепнула ему:

— Мы с тобой ночью убежим!

... Алтай ждал любимую на коне, подхватив, усадил её перед собой и направил скакуна к озеру. Утром они взобрались на самую высокую вершину.

Вскоре прискакал отец девушки со своими нукерами-стражниками. Влюблённые видели, как озеро окружают всадники, они мысленно попрощались с родственниками и, взявшись за руки, прыгнули в воду.

Каратай три дня сидел у озера, ждал, когда их тела всплывут. На четвёртый день он услышал голос дочери: “Отец, я здесь счастлива с Алтаем!”.

... Много легенд сложено об озере Шайтанколь. Люди рассказывают, что ночью вместе с хозяйкой-русалкой выходят, держась за руки, влюблённые юноша и девушка.

А ещё есть легенда, что в Каркаралинске много голубоглазых и зеленоглазых казахов — потомков Алтая и Алтыншаш, в награду за привязанность к ней русалка подарила их детям глаза цвета озера.

г. Караганда.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 10.12.2007 г.

Подписано к печати 12.01.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 117.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.